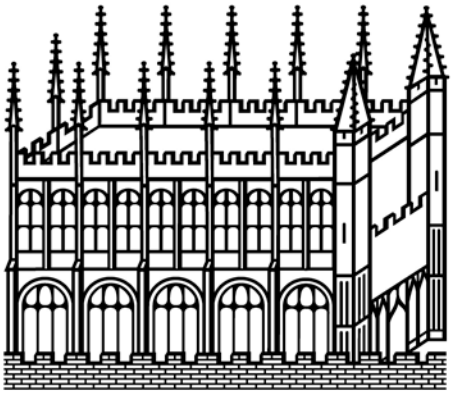


Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

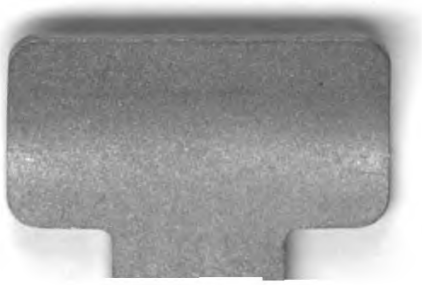
This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

TAYLOR INSTITUTION
DOMINUS ILLUMINATIO MEA
PG 3337. G6. A1. 1886 (3)
= Rep. Slav. 113
~~3 0 0 6 3~~
270 D21



И. А. ГОНЧАРОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. А. ГОНЧАРОВА.

Съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ И. П. Пожалостинымъ и факсимиле.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1887.

Собственность Глазунова.

Типографія Глазунова, Казанская улица, № 8.

ОБЛОМОВЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть третья:

	стр.
Глава I	3
» II	8
» III	21
» IV	33
» V	54
» VI	64
» VII	71
» VIII	91
» IX	96
» X	100
» XI	103
» XII	113

Часть четвертая:

	стр.
Глава I	3
» II	18
» III	28
» IV	34
» V	69
» VI	79
» VII	90
» VIII	99
» IX	129
» X	150
» XI	156

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Обломовъ сіялъ, идучи домой. У него кипѣла кровь, глаза блистали. Ему казалось, что у него горятъ даже волосы. Такъ онъ и вошелъ къ себѣ въ комнату — и вдругъ сіянье исчезло и глаза въ непріятномъ изумленіи остановились неподвижно на одномъ мѣстѣ: въ его креслѣ сидѣлъ Тарантьевъ.

—Что́ это тебя не дождешься? Гдѣ ты шатаешься? строго спросилъ Тарантьевъ, подавая ему свою мохнатую руку.—И твой старый чортъ совсѣмъ отъ рукъ отбился: спрашиваю закусить—нѣту, водки—и той не далъ.

— Я гулялъ здѣсь въ рощѣ, небрежно сказалъ Обломовъ, еще не опомнясь отъ обиды, нанесенной появленіемъ земляка, и въ какую минуту!

Онъ забылъ ту мрачную сферу, гдѣ долго жилъ, и отвыкъ отъ ея удушливаго воздуха. Тарантьевъ въ одно мгновеніе сдернулъ его, будто съ неба, опять въ болото. Обломовъ мучительно спрашивалъ себя: зачѣмъ пришелъ Тарантьевъ? на долго ли?—терзался предположеніемъ, что, пожалуй, онъ останется обѣдать и тогда нельзя будетъ отправиться къ Ильинскимъ. Ка́къ бы спровадить его, хоть бы это сто́ило нѣкоторыхъ издержекъ—вотъ единственная мысль, которая занимала Обломова. Онъ молча и угрюмо ждалъ, что́ скажетъ Тарантьевъ.

— Что́ жъ ты, землякъ, не подумаешь взглянуть на квартиру? спросилъ Тарантьевъ.

— Теперь это ненужно, сказалъ Обломовъ, стараясь не глядѣть на Тарантьева.—Я... не переѣду туда.

— Что́-о? Какъ не переѣдешь? грозно возразилъ Тарантьевъ:—Нанялъ, да не переѣдешь? А контрактъ?

— Какой контрактъ?

— Ты ужь и забылъ? Ты на годъ контрактъ подписалъ. Подай восемьсотъ рублей ассигнаціями, да и ступай куда хочешь. Четыре жильца смотрѣли, хотѣли нанять: всѣмъ отказали. Одинъ нанималъ на три года.

Обломовъ теперь только вспомнилъ, что въ самый день переѣзда на дачу Тарантьевъ привезъ ему бумагу, а онъ, въ торопяхъ, подписалъ, не читая.

„Ахъ, Боже мой, что́ я надѣлалъ!“ думалъ онъ.

— Да мнѣ ненужна квартира, говорилъ Обломовъ:—я ѣду за границу...

— За границу! перебилъ Тарантьевъ:—Это съ этимъ нѣмцемъ? Да гдѣ тебѣ, не поѣдешь!

— Отчего не поѣду? У меня и паспортъ есть: вотъ я покажу. И чемоданъ купленъ.

— Не поѣдешь! равнодушно повторилъ Тарантьевъ.—А ты, вотъ, лучше деньги-то за полгода впередъ отдай.

— У меня нѣтъ денегъ.

— Гдѣ хочешь достань; братъ кумы, Иванъ Матвѣичъ, шутить не любитъ. Сейчасъ въ управу подастъ: не раздѣлаешься. Да я свои заплатилъ, отдай мнѣ.

— Ты гдѣ взялъ столько денегъ? спросилъ Обломовъ.

— А тебѣ что́ за дѣло? Старый долгъ получилъ. Давай деньги! Я затѣмъ пріѣхалъ.

— Хорошо, я на дняхъ пріѣду и передамъ квартиру другому, а теперь я тороплюсь...

Онъ началъ застегивать сюртукъ.

— А какую тебѣ квартиру нужно? Лучше этой во всемъ городѣ не найдешь. Вѣть ты не видалъ? сказалъ Тарантьевъ.

— И видѣть не хочу, отвѣчалъ Обломовъ:—зачѣмъ я туда переѣду? Мнѣ далеко...

— Отъ чего? грубо спросилъ Тарантьевъ.

Но Обломовъ не сказалъ, отъ чего.

— Отъ центра, прибавилъ онъ потомъ.

— Отъ какого это центра? Зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ? Лежать-то?

— Нѣтъ, ужь я теперь не лежу.

— Что́ такъ?

— Такъ. Я... сегодня началъ Обломовъ.

— Что̀? перебилъ Тарантьевъ.

— Обѣдаю не дома...

— Ты деньги-то подай, да и чортъ съ тобой!

— Какія деньги? съ нетерпѣніемъ повторилъ Обломовъ.—Я на дняхъ заѣду на квартиру, переговорю съ хозяйкой.

— Какая хозяйка? Кума-то? Что̀ она знаетъ? Баба! Нѣтъ, ты поговори съ ея братомъ—вотъ увидишь!

— Ну, хорошо; я заѣду и переговорю.

— Да́, жди тебя! Ты отдай деньги, да и ступай.

— У меня нѣтъ; надо занять.

— Ну, такъ заплати же мнѣ теперь, по крайней мѣрѣ, за извощика, приставалъ Тарантьевъ: — три цѣлковыхъ.

— Гдѣ же твой извощикъ? И за что́ три цѣлковыхъ?

— Я отпустилъ его.—Какъ за что́? И то не хотѣлъ везти: „по песку-то?“ говоритъ. Да отсюда три цѣлковыхъ—вотъ двадцать два рубля!

— Отсюда дилижансъ ходитъ за полтинникъ, сказалъ Обломовъ:—на́ вотъ!

Онъ досталъ ему четыре цѣлковыхъ. Тарантьевъ спряталъ ихъ въ карманъ.

— Семь рублей ассигнаціями за тобой, прибавилъ онъ. —Да дай на обѣдъ!

— На какой обѣдъ?

— Я теперь въ городъ не поспѣю:—на дорогѣ въ трактирѣ придется; тутъ все дорого: рублей пять сдерутъ.

Обломовъ молча вынулъ цѣлковый и бросилъ ему. Онъ не садился отъ нетерпѣнія, чтобъ Тарантьевъ ушелъ скорѣй; но тотъ не уходилъ.

— Вели же мнѣ дать чего нибудь закусить, сказалъ онъ.

— Вѣдь ты хотѣлъ въ трактирѣ обѣдать? замѣтилъ Обломовъ.

— Это обѣдать! А теперь всего второй часъ.

Обломовъ велѣлъ Захару дать чего нибудь.

— Ничего нѣту, не готовили, сухо отозвался Захаръ, глядя мрачно на Тарантьева.—А что, Михей Андреичъ, когда принесете, барскую рубашку да жилетъ?..

— Какой тебѣ рубашки да жилета? отговоривался Тарантьевъ:—Давно отдалъ.

— Когда это? спросилъ Захаръ.

— Да не тебѣ ли въ руки отдалъ, какъ вы переѣзжали? А ты куда-то сунулъ въ узелъ, да спрашиваешь еще...

Захаръ остолбенѣлъ.

— Ахъ, ты Господи! Что это, Илья Ильичъ, за срамъ такой! возопилъ онъ, обратясь къ Обломову.

— Пой, пой эту пѣсню! возразилъ Тарантьевъ:—Чай, пропилъ, да и спрашиваешь...

— Нѣтъ, я еще отъ роду барскаго не пропивалъ! захрипѣлъ Захаръ:—Вотъ вы...

— Перестань, Захаръ! строго перебилъ Обломовъ.

— Вы, что́ ли, увезли одну половую щетку, да двѣ чашки у насъ? спросилъ опять Захаръ.

— Какія щетки? загремѣлъ Тарантьевъ.—Ахъ, ты старая шельма! Давай-ка лучше закуску!

— Слышите, Илья Ильичъ, ка́къ лается? сказалъ За-

харъ.—Нѣтъ закуски, даже хлѣба нѣтъ дома, и Анисья со двора ушла, договорилъ онъ и ушелъ.

— Гдѣ жь ты обѣдаешь? спросилъ Тарантьевъ:—Диво, право: Обломовъ гуляетъ въ рощѣ, не обѣдаетъ дома... Когда-жь ты на квартиру-то? Вѣдь осень на дворѣ. Пріѣзжай посмотрѣть.

— Хорошо, хорошо, на-дняхъ...

— Да деньги не забудь привезти!

— Да́, да́, да́... нетерпѣливо говорилъ Обломовъ.

— Ну, не нужно ли чего на квартирѣ? Тамъ, братъ, для тебя выкрасили полы и потолки, окна, двери—все: больше ста рублей сто́итъ.

— Да̀, да̀ хорошо... Ахъ, вотъ что̀ я хотѣлъ тебѣ сказать, вдругъ вспомнилъ Обломовъ:—сходи, пожалуйста, въ палату, нужно довѣренность засвидѣтельствовать...

— Что́ я тебѣ за ходатай достался? отозвался Тарантьевъ.

— Я тебѣ прибавлю на обѣдъ, сказалъ Обломовъ.

— Туда сапогъ больше изобьешь, чѣмъ ты прибавишь.

— Ты поѣзжай, заплачу́.

— Нельзя мнѣ въ палату идти, мрачно проговорилъ Тарантьевъ.

— Отчего?

— Враги есть, злобствуютъ на меня, ковы строютъ, ка́къ бы погубить.

— Ну, хорошо, я самъ съѣзжу, сказалъ Обломовъ и взялся за фуражку.

— Вотъ, какъ пріѣдешь на квартиру, Иванъ Матвѣичъ тебѣ все сдѣлаетъ. Это, братъ, золотой человѣкъ, не чета какому нибудь выскочкѣ-нѣмцу! Коренной, русскій служака, тридцать лѣтъ на одномъ стулѣ сидитъ, всѣмъ присутствіемъ вертитъ, и деньжонки есть, а извощика не наймета̀ъ; фракъ нелучше моего; самъ тише воды, ниже травы,

говоритъ чуть слышно, по чужимъ краямъ не шатается, какъ твой этотъ...

— Тарантьевъ! крикнулъ Обломовъ, стукнувъ по столу кулакомъ:—Молчи, чего не понимаешь!

Тарантьевъ выпучилъ глаза на эту, никогда небывалую, выходку Обломова, и даже забылъ обидѣться тѣмъ, что его поставили ниже Штольца.

— Вотъ какъ ты нынче, братъ... бормоталъ онъ, взявъ шляпу:—какая прыть!

Онъ погладилъ свою шляпу рукавомъ, потомъ поглядѣлъ на нее и на шляпу Обломова, стоявшую на этажеркѣ.

— Ты не носишь шляпу, вонъ у тебя фуражка, сказалъ онъ, взявъ шляпу Обломова и примѣривая ее:—дай-ка, братъ, на лѣто...

Обломовъ молча снялъ съ его головы свою шляпу и поставилъ на прежнее мѣсто, потомъ скрестилъ на груди руки и ждалъ, чтобъ Тарантьевъ ушелъ.

— Ну, чортъ съ тобой! говорилъ Тарантьевъ, неловко пролѣзая въ дверь.—Ты, братъ, нынче что-то... того... Вотъ, поговори-ка съ Иваномъ Матвѣичемъ, да попробуй денегъ не привези.

II.

Онъ ушелъ, а Обломовъ сѣлъ въ непріятномъ расположеніи духа въ кресло и долго, долго освобождался отъ грубаго впечатлѣнія. Наконецъ, онъ вспомнилъ нынѣшнее утро, и безобразное явленіе Тарантьева вылетѣло изъ головы; на лицѣ опять появилась улыбка.

Онъ сталъ передъ зеркаломъ, долго поправлялъ галстухъ, долго улыбался, глядѣлъ на щеку, нѣтъ ли тамъ слѣда горячаго поцѣлуя Ольги.

— Два „никогда“, сказалъ онъ, тихо, радостно волнуясь:—и какая разница между ними: одно уже поблекло, а другое такъ пышно разцвѣло...

Потомъ онъ задумывался, задумывался все глубже. Онъ чувствовалъ, что свѣтлый, безоблачный праздникъ любви отошелъ, что любовь въ-самомъ-дѣлѣ становилась долгомъ, что она мѣшалась со всею жизнью, входила въ составъ ея обычныхъ отправленій и начинала линять, терять радужныя краски.

Можетъ-быть, сегодня утромъ мелькнулъ послѣдній розовый ея лучъ, а тамъ она будетъ уже—не блистать ярко, а согрѣвать невидимо жизнь; жизнь поглотитъ ее, и она будетъ ея сильною, конечно, но скрытою пружиной. И отнынѣ проявленія ея будутъ такъ просты, обыкновенны.

Поэма минуетъ и начнется строгая исторія: палата, потомъ поѣздка въ Обломовку, постройка дома, закладъ въ совѣтъ, проведеніе дороги, нескончаемый разборъ дѣлъ съ мужиками, порядокъ работъ, жнитво, умолотъ, щелканье щетовъ, заботливое лицо прикащика, дворянскіе выборы, засѣданіе въ судѣ.

Кое-гдѣ только, изрѣдка, блеснетъ взглядъ Ольги, прозвучитъ Casta diva, раздастся торопливый поцѣлуй, а тамъ опять на работы ѣхать, въ городъ ѣхать, тамъ опять прикащикъ, опять щелканье щетовъ.

Гости пріѣхали—и то не отрада: заговорятъ, сколько кто вина выкуриваетъ на заводѣ, сколько кто аршинъ сукна ставитъ въ казну... Что жъ это? Уже ли то́ сулилъ онъ себѣ? Развѣ это жизнь?.. А между-тѣмъ живутъ такъ, какъ-будто въ этомъ вся жизнь. И Андрею она нравится!

Но женитьба, свадьба—все-таки это поэзія жизни, это готовый, распустившійся цвѣтокъ. Онъ представилъ себѣ, ка́къ онъ ведетъ Ольгу къ алтарю: она—съ померанцовой

вѣткой на головѣ, съ длиннымъ покрываломъ. Въ толпѣ шопотъ удивленія. Она стыдливо, съ тихо-волнующейся грудью, съ своей горделиво и граціозно-наклоненной головой, подаетъ ему руку и не знаетъ, какъ ей глядѣть на всѣхъ. То улыбка блеснетъ у ней, то слезы явятся, то складка надъ бровью заиграетъ какою-то мыслью.

Дома, когда гости уѣдутъ, она, еще въ пышномъ нарядѣ, бросается ему на грудь, какъ сегодня...

„Нѣтъ, побѣгу къ Ольгѣ, не могу думать и чувствовать одинъ“, мечталъ онъ. „Разскажу всѣмъ, цѣлому свѣту... нѣтъ, сначала тёткѣ, потомъ барону, напишу къ Штольцу —вотъ изумится-то! Потомъ скажу Захару: онъ поклонится въ ноги и завопитъ отъ радости, дамъ ему двадцать-пять рублей. Придетъ Анисья, будетъ руку ловить цѣловать: ей дамъ десять рублей; потомъ... потомъ, отъ радости, закричу на весь міръ, такъ закричу, что міръ скажетъ: „Обломовъ счастливъ, Обломовъ женится!“ Теперь побѣгу къ Ольгѣ: тамъ ждетъ меня продолжительный шопотъ, таинственный уговоръ слить двѣ жизни въ одну!..“

Онъ побѣжалъ къ Ольгѣ. Она съ улыбкой выслушала его мечты; но только онъ вскочилъ, чтобъ бѣжать объявить тёткѣ, у ней такъ сжались брови, что онъ струсилъ.

— Никому ни слова! сказала она, приложивъ палецъ къ губамъ и грозя ему, чтобъ онъ тише говорилъ, чтобъ тётка не услыхала изъ другой комнаты.—Еще не пора!

— Когда же пора, если между нами все рѣшено? нетерпѣливо спросилъ онъ:—Что́ жь теперь дѣлать? Съ чего начать? спрашивалъ онъ:—Не сидѣть же сложа руки. Начинается обязанность, серьёзная жизнь...

— Да́, начинается, повторила она, глядя на него пристально.

— Ну, вотъ я и хотѣлъ сдѣлать первый шагъ, идти къ тёткѣ...

— Это послѣдній шагъ.

— Какой же первый?

— Первый... идти въ палату: вѣдь надо какую-то бумагу писать?

— Да́... я завтра...

— Отчего-жь не сегодня?

— Сегодня... сегодня такой день и уйти отъ тебя, Ольга!

— Ну, хорошо, завтра. А потомъ?

— Потомъ:—сказать тёткѣ, написать къ Штольцу.

— Нѣтъ, потомъ ѣхать въ Обломовку... Вѣдь Андрей Иванычъ писалъ, что́ надо дѣлать въ деревнѣ. я не знаю, какія тамъ у васъ дѣла, постройка, что́ ли? спросила она, глядя ему въ лицо.

— Боже мой! говорилъ Обломовъ: — Да если слушать Штольца, такъ, вѣдь, до тётки вѣкъ дѣло не дойдетъ! Онъ говоритъ, что надо начать строить домъ, потомъ дорогу, школы заводить... Этого всего въ цѣлый вѣкъ не передѣлаешь. Мы, Ольга, вмѣстѣ поѣдемъ, и тогда...

— А куда мы пріѣдемъ? Есть тамъ домъ?

— Нѣтъ: — старый плохъ; крыльцо совсѣмъ, я думаю, расшаталось...

— Куда жь мы пріѣдемъ? спросила она.

— Надо здѣсь квартиру пріискать.

— Для этого тоже надо ѣхать въ городъ, замѣтила она: —это второй шагъ...

— Потомъ... началъ онъ.

— Да ты прежде шагни два раза, а тамъ...

„Что́-жь это такое?“ печально думалъ Обломовъ: „ни продолжительнаго шопота, ни таинственнаго уговора слить обѣ жизни въ одну! Все какъ-то иначе, по другому. Какая странная эта Ольга! Она не останавливается на одномъ мѣстѣ, не задумывается сладко надъ поэтической минутой, какъ-будто у ней вовсе нѣтъ мечты, нѣтъ потребности уто-

нуть въ раздумьѣ! Сейчасъ и поѣзжай въ палату, на квартиру—точно Андрей! Что́ это всѣ они какъ-будто сговорились торопиться жить!“

На другой день онъ, съ листомъ гербовой бумаги, отправился въ городъ, сначала въ палату, и ѣхалъ нéхотя, зѣвая и глядя по сторонамъ. Онъ не зналъ хорошенько, гдѣ палата, и заѣхалъ къ Ивану Герасимычу спросить, въ какомъ департаментѣ нужно засвидѣтельствовать.

Тотъ обрадовался Обломову и безъ завтрака не хотѣлъ отпустить. Потомъ послалъ еще за пріятелемъ, чтобъ допроситься отъ него, ка́къ это дѣлается, потому-что самъ давно отсталъ отъ дѣлъ.

Завтракъ и совѣщаніе кончились въ три часа, въ палату идти было поздно, а завтра оказалась суббота—присутствія нѣтъ, пришлось отложить до понедѣльника.

Обломовъ отправился на Выборгскую Сторону, на новую свою квартиру. Долго онъ ѣздилъ между длинными заборами по переулкамъ. Наконецъ, отыскали будочника; тотъ сказалъ, что это въ другомъ кварталѣ, рядомъ, вотъ по этой улицѣ — и онъ показалъ еще улицу безъ домовъ, съ заборами, съ травой и съ засохшими колеями изъ грязи.

Опять поѣхалъ Обломовъ, любуясь на крапиву у заборовъ и на выглядывавшую изъ-за заборовъ рябину. Наконецъ, будочникъ указалъ на старый домикъ на дворѣ, прибавивъ:—Вотъ этотъ самый.

„Домъ вдовы коллежскаго секретаря Пшеницына“ прочиталъ Обломовъ на воротахъ и велѣлъ въѣхать на дворъ.

Дворъ величиной былъ съ комнату, такъ-что коляска стукнула дышломъ въ уголъ и распугала кучу куръ, которыя, съ кудахтаньемъ, бросились стремительно, иныя даже въ лётъ, въ разныя стороны; да большая черная собака начала рваться на цѣпи направо и налѣво, съ отчаяннымъ лаемъ, стараясь достать за морды лошадей.

Обломовъ сидѣлъ въ коляскѣ наравнѣ съ окнами и затруднялся выйти. Въ окнахъ, уставленныхъ резедой, бархатцами и ноготками, засуетились головы. Обломовъ кое-какъ вылѣзъ изъ коляски; собака пуще заливалась лаемъ.

Онъ вошелъ на крыльцо и столкнулся съ сморщенной старухой, въ сарафанѣ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ.

— Вамъ кого? спросила она.

— Хозяйку дома, госпожу Пшеницыну.

Старуха потупила съ недоумѣніемъ голову.

— Не Ивана ли Матвѣича вамъ надо? спросила она.— Его нѣтъ дома; онъ еще изъ должности не приходилъ.

— Мнѣ нужно хозяйку, сказалъ Обломовъ.

Между-тѣмъ въ домѣ суматоха продолжалась. То изъ одного, то изъ другаго окна выглянетъ голова; сзади старухи дверь отворялась немного и затворялась; оттуда выглядывали разныя лица.

Обломовъ обернулся: на дворѣ двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, смотрятъ на него съ любопытствомъ.

Откуда-то появился сонный мужикъ въ тулупѣ и, загораживая рукой глаза отъ солнца, лѣниво смотрѣлъ на Обломова и на коляску.

Собака все лаяла густо и отрывисто, и только Обломовъ пошевелится, или лошадь стукнетъ копытомъ, начиналось скаканье на цѣпи и непрерывный лай.

Черезъ заборъ, направо, Обломовъ видѣлъ безконечный огородъ съ капустой, налѣво, черезъ заборъ, видно было нѣсколько деревьевъ и зеленая деревянная бесѣдка.

— Вамъ Агафью Матвѣвну надо? спросила старуха:— Зачѣмъ?

— Скажи хозяйкѣ дома, говорилъ Обломовъ: — что я хочу съ ней видѣться: я нанялъ здѣсь квартиру...

— Вы, стало-быть, новый жилецъ, знакомый Михея Андреича? Вотъ погодите, я скажу.

Она отворила дверь, и отъ двери отскочило нѣсколько головъ и бросилось бѣгомъ въ комнаты. Онъ успѣлъ увидѣть какую-то женщину, съ голой шеей и локтями, безъ чепца, бѣлую, довольно-полную, которая усмѣхнулась, что ее увидѣлъ посторонній, и тоже бросилась отъ дверей прочь.

— Пожалуйте въ комнату, сказала старуха, воротясь, ввела Обломова, чрезъ маленькую переднюю, въ довольно-просторную комнату и попросила подождать. — Хозяйка сейчасъ выйдетъ, прибавила она.

„А собака-то все еще лаетъ“ подумалъ Обломовъ, оглядывая комнату.

Вдругъ глаза его остановились на знакомыхъ предметахъ: вся комната завалена была его добромъ. Столы въ пыли; стулья, грудой наваленные на кровать; тюфяки, посуда въ безпорядкѣ, шкафы.

— Что́ жь это? И не разставлено, не прибрано? сказалъ онъ:—Какая гадость!

Вдругъ сзади его скрипнула дверь и въ комнату вошла та самая женщина, которую онъ видѣлъ съ голой шеей и локтями.

Ей было лѣтъ тридцать. Она была очень-бѣла и полна въ лицѣ, такъ-что румянецъ, кажется, немогъ пробиться сквозь щеки. Бровей у нея почти совсѣмъ не было, а были на ихъ мѣстахъ двѣ немного будто припухлыя, лоснящіяся полосы, съ рѣдкими свѣтлыми волосами. Глаза сѣровато-простодушные, какъ и все выраженіе лица; руки бѣлыя, но жосткія, съ выступившими наружу крупными узлами синихъ жилъ.

Платье сидѣло на ней въ обтяжку: видно, что она не прибѣгала ни къ какому искусству, даже къ лишней юбкѣ, чтобъ увеличить объемъ бедръ и уменьшить талію. Отъ этого, даже и закрытый бюстъ ея, когда она была безъ

платка, могъ бы послужить живописцу, или скульптору моделью крѣпкой, здоровой груди, не нарушая ея скромности. Платье ея, въ отношеніи къ нарядной шали и парадному чепцу, казалось старо и поношено.

Она не ожидала гостей, и когда Обломовъ пожелалъ ее видѣть, она на домашнее будничное платье накинула воскресную свою шаль, а голову прикрыла чепцомъ. Она вошла робко и остановилась, глядя застѣнчиво на Обломова.

Онъ привсталъ и поклонился.

— Я имѣю удовольствіе видѣть госпожу Пшеницину? спросилъ онъ.

— Да́-съ, отвѣчала она. — Вамъ, можетъ-быть, нужно съ братцомъ поговорить? нерѣшительно спросила она. — Они въ должности, раньше пяти часовъ не приходятъ.

— Нѣтъ, я съ вами хотѣлъ видѣться, началъ Обломовъ, когда она сѣла на диванъ, какъ-можно дальше отъ него, и смотрѣла на концы своей шали, которая, какъ попона, покрывала ее до полу. Руки она прятала тоже подъ шаль.

— Я нанялъ квартиру; теперь, по обстоятельствамъ, мнѣ надо искать квартиру въ другой части города, такъ я пришелъ поговорить съ вами...

Она тупо выслушала и тупо задумалась.

— Теперь братца нѣтъ, сказала она потомъ.

— Да вѣдь этотъ домъ вашъ? спросилъ Обломовъ.

— Мой, коротко отвѣчала она.

— Такъ я и думалъ, что вы сами можете рѣшить...

— Да вотъ братца-то нѣтъ; они у насъ всѣмъ завѣдываютъ, сказала она монотонно, взглянувъ въ первый разъ на Обломова прямо и опустивъ опять глаза на шаль.

„У ней простое, но пріятное лицо“ снисходительно рѣшилъ Обломовъ: „должно-быть, добрая женщина!“ Въ это время голова дѣвочки высунулась изъ двери. Агафья Мат-

вѣевна съ угрозой, украдкой, кивнула ей головой, и она скрылась.

— А гдѣ вашъ братецъ служитъ?

— Въ канцеляріи.

— Въ какой?

— Гдѣ мужиковъ записываютъ... я не знаю, какъ она называется.

Она простодушно усмѣхнулась, и въ ту-жь минуту опять лицо ея приняло свое обыкновенное выраженіе.

— Вы не однѣ живете здѣсь съ братцомъ? спросилъ Обломовъ.

— Нѣтъ, двое дѣтей со мной, отъ покойнаго мужа: мальчикъ по восьмому году, да дѣвочка по шестому, довольно-словоохотливо начала хозяйка, и лицо у ней стало поживѣе:—еще бабушка наша, больная, еле ходитъ, и то въ церковь только; прежде на рынокъ ходила съ Акулиной, а теперь съ Николы перестала: ноги стали отекать. И въ церкви-то все больше сидитъ на ступенькѣ. Вотъ и только. Иной разъ золовка приходитъ погостить, да Михей Андреичъ.

— А Михей Андреичъ часто бываетъ у васъ? спросилъ Обломовъ.

— Иногда по мѣсяцу гоститъ; они съ братцемъ пріятели, все вмѣстѣ...

И замолчала, истощивъ весь запасъ мыслей и словъ.

— Какая тишина у васъ здѣсь! сказалъ Обломовъ! — Еслибъ не лаяла собака, такъ можно бы подумать, что нѣтъ ни одной живой души.

Она усмѣхнулась въ отвѣтъ.

— Вы часто выходите со двора? спросилъ Обломовъ.

— Лѣтомъ случается. Вотъ намедни, въ ильинскую пятницу, на Пороховые Заводы ходили.

— Что жь, тамъ много бываетъ? спросилъ Обломовъ,

глядя, чрезъ распахнувшійся платокъ, на высокую, крѣпкую, какъ подушка дивана, никогда не волнующуюся грудь.

— Нѣтъ, нынѣшній годъ немного было; съ утра дождь шелъ, а послѣ разгулялось. А то много бываетъ.

— Еще гдѣ же бываете вы?

— Мы мало гдѣ бываемъ. Братецъ, съ Михеемъ Андреичемъ, на тоню ходятъ, уху тамъ варятъ, а мы все дома.

— Уже-ли все дома?

— Ей-богу, правда. Въ прошломъ году были въ Колпинѣ, да вотъ тутъ въ рощу иногда ходимъ. 24 іюня братецъ именинники, такъ обѣдъ бываетъ, всѣ чиновники изъ канцеляріи обѣдаютъ.

— А въ гости ѣздите?

— Братецъ бываютъ, а я, съ дѣтьми, только у мужниной родни, въ Свѣтлое Воскресенье, да въ Рождество, обѣдаемъ.

Говорить ужъ было больше не о чемъ.

— У васъ цвѣты: вы любите ихъ? спросилъ онъ.

Она усмѣхнулась.

— Нѣтъ, сказала она:—намъ нѣкогда цвѣтами заниматься. Это дѣти съ Акулиной ходили въ графскій садъ, такъ садовникъ далъ, а ерани, да алоэ давно тутъ еще при мужѣ были.

Въ это время вдругъ въ комнату ворвалась Акулина; въ рукахъ у ней бился крыльями и кудахталъ, въ отчаяніи, большой пѣтухъ.

— Этого, что̀ ли пѣтуха, Агафья Матвѣевна, лавочнику отдать? спросила она.

— Что̀ ты, что̀ ты! Поди! сказала хозяйка стыдливо:—Ты видишь, гости!

— Я только спросить, говорила Акулина, взявъ пѣтуха за ноги, головой внизъ:—семьдесять копѣекъ даетъ.

— Поди, поди въ кухню! говорила Агафья Матвѣевна.—Сѣраго съ крапинками, а не этого, торопливо прибавила она, и сама застыдилась, спрятала руки подъ шаль и стала смотрѣть внизъ.

— Хозяйство! сказалъ Обломовъ.

— Да, у насъ много куръ; мы продаемъ яйца и цыплятъ. Здѣсь, по этой улицѣ,съ дачъ и изъ графскаго дома все у насъ берутъ, отвѣчала она, поглядѣвъ гораздо смѣлѣе на Обломова.

И лицо ея принимало дѣльное и заботливое выраженіе; даже тупость пропадала, когда она заговаривала ознакомомъ ей предметѣ. На всякій же вопросъ, некасавшійся какой-нибудь положительной, извѣстной ей цѣли, она отвѣчала усмѣшкой и молчаніемъ.

— Надо бы было это разобрать, замѣтилъ Обломовъ, указывая на кучу своего добра...

— Мы было хотѣли, да братецъ не велятъ, живо перебила она и ужь совсѣмъ смѣло взглянула на Обломова: „Богъ знаетъ, что́ у него тамъ въ столахъ, да въ шкапахъ... сказали они: послѣ пропадетъ—къ намъ привяжутся...“ Она остановилась и усмѣхнулась.

— Какой осторожный вашъ братецъ! прибавилъ Обломовъ.

Она слегка опять усмѣхнулась и опять приняла свое обычное выраженіе.

Усмѣшка у ней была больше принятая форма, которою прикрывалось незнаніе, что́ въ томъ или другомъ случаѣ надо сказать или сдѣлать.

— Мнѣ долго ждать его прихода, сказалъ Обломовъ: —можетъ быть, вы передадите ему, что, по обстоятельствамъ, я въ квартирѣ надобности не имѣю и потому прошу

передать ее другому жильцу, а я, съ своей стороны, тоже поищу охотника.

Она тупо слушала, ровно мигая глазами.

— Насчетъ контракта потрудитесь сказать...

— Да нѣтъ ихъ дома-то теперь, твердила она:—вы лучше завтра опять пожалуйте: завтра суббота, они въ присутствіе не ходятъ...

— Я ужасно занятъ, ни минуты свободной нѣтъ, отговаривался Обломовъ.—Вы потрудитесь только сказать, что такъ какъ задатокъ остается въ вашу пользу, а жильца я найду, то...

— Нѣту братца-то, монотонно говорила она: — нейдутъ они что́-то... И поглядѣла на улицу. — Вотъ они тутъ проходятъ, мимо оконъ: видно, когда идутъ, да вотъ нѣту!

— Ну, я отправлюсь... сказалъ Обломовъ.

— А какъ братецъ-то придутъ, что̀ сказать имъ: когда вы переѣдете? спросила она, вставъ съ дивана.

— Вы имъ передайте, что̀ я просилъ, говорилъ Обломовъ, что по обстоятельствамъ...

— Вы бы завтра сами пожаловали, да поговорили съ ними... повторила она.

— Завтра мнѣ нельзя.

— Ну, послѣ завтра, въ воскресенье: послѣ обѣдни у насъ водка и закуска бываетъ. И Михей Андреичъ приходитъ.

— Ужели и Михей Андреичъ приходитъ? спросилъ Обломовъ.

— Ей-Богу правда, прибавила она.

— И послѣ-завтра мнѣ нельзя, отговаривался съ нетерпѣніемъ Обломовъ.

— Такъ ужъ на той недѣлѣ... замѣтила она. А когда

*

переѣзжать-то станете? Я бы полы велѣла вымыть и пыль стереть, спросила она.

— Я не переѣду, сказалъ онъ.

— Какъ же? А вещи-то куда же мы дѣнемъ?

— Вы потрудитесь сказать братцу, началъ говорить Обломовъ разстановисто, упирая глаза ей прямо въ грудь:— что по обстоятельствамъ...

— Да вотъ долго нейдутъ что́-то, не видать, сказала она монотонно, глядя на заборъ, отдѣлявшій улицу отъ двора. — Я знаю и шаги ихъ; по деревянной мостовой слышно, какъ кто идетъ. Здѣсь мало ходятъ...

— Такъ вы передадите ему что́ я васъ просилъ? кланяясь и уходя говорилъ Обломовъ.

— Вотъ черезъ полчаса они сами будутъ... съ несвойственнымъ ей безпокойствомъ говорила хозяйка, стараясь какъ будто голосомъ удержать Обломова.

— Я больше не могу ждать, рѣшилъ онъ, отворяя дверь.

Собака, увидя его на крыльцѣ, залилась лаемъ и начала опять рваться съ цѣпи. Кучеръ, спавшій, опершись на локоть, началъ пятить лошадей; куры опять, въ тревогѣ, побѣжали въ разныя стороны; въ окно выглянуло нѣсколько головъ.

— Такъ я скажу братцу, что вы были, въ безпокойствѣ прибавила хозяйка, когда Обломовъ усѣлся въ коляску.

— Да́, и скажите, что я, по обстоятельствамъ, не могу оставить квартиры за собой и что передамъ ее другому, или чтобъ онъ... поискалъ...

— Объ эту пору они всегда приходятъ... говорила она, слушая его разсѣянно.—Я скажу имъ, что вы хотѣли побывать.

— Да́, на дняхъ я заѣду, сказалъ Обломовъ.

При отчаянномъ лаѣ собаки, коляска выѣхала со двора

и пошла колыхаться по засохшимъ кочкамъ немощенаго переулка.

Въ концѣ его показался какой-то, одѣтый въ поношенное пальто человѣкъ, среднихъ лѣтъ, съ большимъ бумажнымъ пакетомъ подъ мышкой, съ толстой палкой и въ резиновыхъ калошахъ, несмотря на сухой и жаркій день.

Онъ шелъ скоро, смотрѣлъ по сторонамъ и ступалъ такъ, какъ будто хотѣлъ продавить деревянный троттуаръ. Обломовъ оглянулся ему вслѣдъ и видѣлъ, что онъ завернулъ въ ворота къ Пшеницыной.

„Вонъ, должно-быть, и братецъ пришли!“ заключилъ онъ: „Да чортъ съ нимъ! Еще протолкуешь съ часъ, а мнѣ и ѣсть хочется, и жарко! Да и Ольга ждетъ меня... До другаго раза!

— Ступай скорѣй! сказалъ онъ кучеру.

„А квартиру другую посмотрѣть?“ вдругъ вспомнилъ онъ, глядя по сторонамъ, на заборы. Надо опять назадъ, въ Морскую или въ Конюшенную... До другаго раза! рѣшилъ онъ“.

— Пошелъ скорѣй!

III.

Въ концѣ августа пошли дожди и на дачахъ задымились трубы, гдѣ были печи, а гдѣ ихъ не было, тамъ жители ходили съ подвязанными щеками, и наконецъ, мало-по-малу, дачи опустѣли.

Обломовъ не казалъ глазъ въ городъ, и въ одно утро мимо его оконъ повезли и понесли мёбель Ильинскихъ. Хотя ужъ ему не казалось теперь подвигомъ переѣхать съ квартиры, пообѣдать гдѣ нибудь мимоходомъ и не прилечь цѣлый день, но онъ не зналъ, гдѣ и на ночь преклонить голову.

Оставаться на дачѣ одному, когда опустѣлъ паркъ и роща, когда закрылись ставни оконъ Ольги, казалось ему рѣшительно невозможно.

Онъ прошелся поея пустымъ комнатамъ, обошелъ паркъ, сошелъ съ горы, и сердце тѣснила ему грусть.

Онъ велѣлъ Захару и Анисьѣ ѣхать на Выборгскую Сторону, гдѣ рѣшился оставаться до пріисканія новой квартиры, а самъ уѣхалъ въ городъ, отобѣдалъ на́скоро въ трактирѣ и вечеръ просидѣлъ у Ольги.

Но осенніе вечера въ городѣ не походили на длинные, свѣтлые дни и вечера въ паркѣ и рощѣ. Здѣсь онъ ужь не могъ видѣть ее по три раза въ день; здѣсь ужь не прибѣжитъ къ нему Катя и не пошлетъ онъ Захара съ запиской за пять верстъ. И вся эта лѣтняя, цвѣтущая поэма любви какъ-будто остановилась, пошла лѣнивѣе, какъ-будто не хватило въ ней содержанія.

Они иногда молчали по получасу. Ольга углубится въ работу, считаетъ про-себя иглой клѣтки узора, а онъ углубится въ хаосъ мыслей и живетъ впереди, гораздо дальше настоящаго момента.

Только иногда, вглядываясь пристально въ нее, онъ вздрогнетъ страстно, или она взглянетъ на него мимоходомъ и улыбнется, уловивъ лучъ нѣжной покорности, безмолвнаго счастья въ его глазахъ.

Три дня сряду ѣздилъ онъ въ городъ къ Ольгѣ и обѣдалъ у нихъ, подъ предлогомъ, что у него тамъ еще неустроено, что на этой недѣлѣ онъ съѣдетъ, и оттого не располагается на новой квартирѣ, какъ дома.

Но на четвертый день ему ужь казалось неловко придти, и онъ, побродивъ около дома Ильинскихъ, со вздохомъ поѣхалъ домой.

На пятый день они не обѣдали дома.

На шестой Ольга сказала ему, чтобъ онъ пришелъ въ

такой-то магазинъ, что она будетъ тамъ, а потомъ онъ можетъ проводить ее до дома пѣшкомъ, а экипажъ будетъ ѣхать сзади.

Все это было неловко; попадались ему и ей знакомые, кланялись, нѣкоторые останавливались поговорить.

— Ахъ, ты Боже мой, какая му́ка! говорилъ онъ весь въ поту отъ страха и неловкаго положенія.

Тётка тоже глядитъ не него своими томными большими глазами и задумчиво нюхаетъ свой спиртъ, какъ-будто у нея отъ него болитъ голова. А ѣздить ему какая даль! ѣдешь, ѣдешь съ Выборгской Стороны да вечеромъ назадъ —три часа!

— Скажемъ тёткѣ, настаивалъ Обломовъ:—тогда я могу оставаться у васъ съ утра, и никто не будетъ говорить...

— А ты въ палатѣ былъ? спросила Ольга.

Обломова такъ и подмывало сказать: „былъ и все сдѣлалъ“, да онъ знаетъ, что Ольга взглянетъ на него та́къ пристально, что прочтетъ сейчасъ ложь на лицѣ. Онъ вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Ахъ, еслибъ ты знала, ка́къ это трудно! говорилъ онъ.

— А говорилъ съ братомъ хозяйки? Пріискалъ квартиру? спросила она потомъ, не поднимая глазъ.

— Его никогда утромъ дома нѣтъ, а вечеромъ я все здѣсь, сказалъ Обломовъ, обрадовавшись, что есть достаточная отговорка.

Теперь Ольга вздохнула, но не сказала ничего.

— Завтра непремѣнно поговорю съ хозяйскимъ братомъ, успокоивалъ ее Обломовъ:—завтра воскресенье, онъ въ присутствіе не пойдетъ.

— Пока это все не устроится, сказала задумчиво Ольга:—говорить matante нельзя, и видѣться надо рѣже...

— Да́, да́... правда, струсивъ, прибавилъ Обломовъ.

— Ты обѣдай у насъ въ воскресенье, въ нашъ день, а потомъ хоть въ среду, одинъ, рѣшила она.

— А потомъ мы можемъ видѣться въ театрѣ: ты будешь знать, когда мы ѣдемъ, и тоже поѣзжай.

— Да́, это правда, говорилъ онъ, обрадованный, что она попеченіе о порядкѣ свиданій взяла на себя.

— Если жь выдастся хорошій день, заключила она:— я поѣду въ Лѣтній Садъ гулять, и ты можешь придти туда; это напомнитъ намъ паркъ... паркъ! повторила она съ чувствомъ.

Онъ молча поцѣловалъ у ней руку и простился съ ней до воскресенья. Она уныло проводила его глазами, потомъ сѣла за фортепьяно и вся погрузилась въ звуки. Сердце у ней о чемъ-то плакало, плакали и звуки. Хотѣла пѣть — не поется!

На другой день Обломовъ всталъ и надѣлъ свой дикій сюртучокъ, что́ носилъ на дачѣ. Съ халатомъ онъ простился давно и велѣлъ его спрятать въ шкапъ.

Захаръ, по обыкновенію, колебля подносомъ, неловко подходилъ къ столу съ кофе и кренделями. Сзади Захара, по обыкновенію, высовывалась до половины изъ двери Анисья, приглядывая, донесетъ ли Захаръ чашки до стола, и тотчасъ, безъ шума, пряталась, если Захаръ ставилъ поднось благополучно на столъ, или стремительно подскакивала къ нему, если съ подноса падала одна вещь, чтобъ удержать остальныя. Причемъ Захаръ разразится бранью сначала на вещи, потомъ на жену, и замахнется локтемъ ей въ грудь.

— Какой славный кофе! Кто это варитъ? спросилъ Обломовъ.

— Сама хозяйка, сказалъ Захаръ:—шестой день, все

она. „Вы“, говоритъ, много цикорію кладете, да не довариваете. Дайте-ко я!“

— Славный, повторилъ Обломовъ, наливая другую чашку.—Поблагодари ее.

— Вонъ она сама, говорилъ Захаръ, указывая на полуотворенную дверь боковой комнаты.—Это у нихъ буфетъ, что́ ли; она тутъ и работаетъ, тутъ у нихъ чай, сахаръ, кофе лежитъ, и посуда.

Обломову видна была только спина хозяйки, затылокъ и часть бѣлой шеи, да голые локти.

— Что́ это она тамъ локтями-то такъ живо ворочаетъ? спросилъ Обломовъ.

— Кто ее знаетъ! Кружева, что́ ли, гладитъ.

Обломовъ слѣдилъ, какъ ворочались локти, какъ спина нагибалась и выпрямлялась опять.

Внизу, когда она нагибалась, видны были чистая юбка, чистые чулки и круглыя, полныя ноги.

„Чиновница, а локти хоть бы графинѣ какой-нибудь; еще съ ямочками!“ подумалъ Обломовъ.

Въ полдень Захаръ пришелъ спросить, не угодно ли попробовать ихъ пирога: хозяйка велѣла предложить.

— Сегодня воскресенье, у нихъ пирогъ пекутъ.

— Ну, ужь, я думаю, хорошъ пирогъ! небрежно сказалъ Обломовъ:—Съ лукомъ, да съ морковью...

— Пирогъ нехуже нашихъ обломовскихъ, замѣтилъ Захаръ:—съ цыплятами и съ свѣжими грибами.

— Ахъ, это хорошо должно быть: принеси! Кто-жь у нихъ печетъ? Эта грязная баба-то?

— Куда ей! съ презрѣніемъ сказалъ Захаръ.—Кабы не хозяйка, такъ она и опары поставить не умѣетъ. Хозяйка сама все на кухнѣ. Пирогъ-то онѣ съ Анисьей вдвоемъ испекли.

Чрезъ пять минутъ изъ боковой комнаты высунулась къ

Обломову голая рука, едва-прикрытая видѣнною уже имъ шалью, съ тарелкой, на которой дымился, испуская горячій паръ, огромный кусокъ пирога.

— Покорно благодарю, ласково отозвался Обломовъ, принимая пирогъ и, заглянувъ въ дверь, уперся взглядомъ въ высокую грудь и голыя плечи. Дверь торопливо затворилась.

— Водки не угодно ли? спросилъ голосъ.

— Я не пью; покорно благодарю, еще ласковѣе сказалъ Обломовъ:—у васъ какая?

— Своя, домашняя: сами настаиваемъ на смородинномъ листу, говорилъ голосъ.

— Я никогда не пивалъ на смородинномъ листу, позвольте попробовать!

Голая рука опять просунулась съ тарелкой и рюмкой водки. Обломовъ выпилъ: ему очень понравилась.

— Очень благодаренъ, говорилъ онъ, стараясь заглянуть въ дверь, но дверь захлопнулась.

— Что́ вы не дади́те на себя взглянуть, пожелать вамъ добраго утра? упрекнулъ Обломовъ.

Хозяйка усмѣхнулась за дверью.

— Я еще въ будничномъ платьѣ, все на кухнѣ была. Сейчасъ одѣнусь; братецъ скоро отъ обѣдни придутъ, отвѣчала она.

— Ахъ, a propos о братцѣ, замѣтилъ Обломовъ:—мнѣ надо съ нимъ поговорить. Попросите его зайти ко мнѣ.

— Хорошо, я скажу, какъ они придутъ.

— А кто это у васъ кашляетъ? Чей это такой сухой кашель? спросилъ Обломовъ.

— Это бабушка; ужь она у насъ восьмой годъ кашляетъ.

И дверь захлопнулась.

„Какая она... простая“, подумалъ Обломовъ, „а есть въ ней что̀-то такое... И держитъ себя чисто!“

До сихъ поръ онъ съ „братцемъ“ хозяйки еще не успѣлъ познакомиться. Онъ видѣлъ только, и то рѣдко, съ постели, какъ, рано утромъ, мелькалъ сквозь рѣшетку забора человѣкъ, съ большимъ бумажнымъ пакетомъ подъ мышкой, и пропадалъ въ переулкѣ, и потомъ, въ пять часовъ, мелькалъ опять, съ тѣмъ же пакетомъ, мимо оконъ, возвращаясь, тотъ же человѣкъ и пропадалъ за крыльцомъ. Его въ домѣ не было слышно.

А между тѣмъ замѣтно было, что тамъ жили люди, особенно по утрамъ: на кухнѣ стучатъ ножи, слышно въ окно, какъ полощетъ баба что-то въ углу, какъ дворникъ рубитъ дрова, или везетъ на двухъ колесахъ боченокъ съ водой; за стѣной плачутъ ребятишки, или раздается упорный, сухой кашель старухи.

У Обломова было четыре комнаты, то-есть вся парадная амфилада. Хозяйка съ семействомъ помѣщалась въ двухъ непарадныхъ комнатахъ, а братецъ жилъ вверху, въ такъ-называемой свѣтелкѣ.

Кабинетъ и спальня Обломова обращены были окнами на дворъ, гостиная къ садику, а зала къ большому огороду, съ капустой и картофелемъ. Въ гостиной окна были драпированы ситцевыми полинявшими занавѣсками.

По стѣнамъ жались простые, подъ орѣхъ, стулья; подъ зеркаломъ стоялъ ломберный столъ; на окнахъ тѣснились горшки съ еранью и бархатцами и висѣли четыре клѣтки, съ чижами и канарейками.

Братецъ вошелъ на цыпочкахъ и отвѣчалъ троекратнымъ поклономъ на привѣтствіе Обломова. Виц-мундиръ на немъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, такъ-что нельзя было узнать, есть-ли на немъ бѣлье, или нѣтъ; галстухъ завязанъ простымъ узломъ и концы спрятаны внизъ.

Онъ былъ лѣтъ сорока, съ прямымъ хохломъ на лбу и двумя небрежно на вѣтеръ пущенными такими же хохлами

на вискахъ, похожими на собачьи уши средней величины. Сѣрые глаза не вдругъ глядѣли на предметъ, а сначала взглядывали украдкой, а во второй разъ ужь останавливались.

Рукъ своихъ онъ какъ-будто стыдился, и когда говорилъ, то старался прятать, или обѣ за спину, или одну за пазуху, а другую за спину. Подавая начальнику бумагу и объясняясь, онъ одну руку держалъ на спинѣ, а среднимъ пальцемъ другой руки, ногтемъ внизъ, осторожно показывалъ какую-нибудь строку, или слово, и, показавъ, тотчасъ прятalъ руку назадъ, можетъ-быть оттого, что пальцы были толстоваты, красноваты и немного тряслись, и ему не безъ причины казалось несовсѣмъ приличнымъ выставлять ихъ часто на-показъ.

— Вы изволили, началъ онъ, бросивъ свой двойной взглядъ на Обломова,—приказать мнѣ придти къ себѣ.

— Да, я хотѣлъ поговорить съ вами насчетъ квартиры. Прошу садиться! вѣжливо отвѣчалъ Обломовъ.

Иванъ Матвѣичъ, послѣ двукратнаго приглашенія, рѣшился сѣсть, перегнувшись тѣломъ впередъ и поджавъ руки въ рукава.

— По обстоятельствамъ, я долженъ пріискать себѣ другую квартиру, сказалъ Обломовъ:—поэтому желалъ бы эту передать.

— Теперь трудно передать, кашлянувъ въ пальцы и проворно спрятавъ ихъ въ рукавъ, отозвался Иванъ Матвѣевичъ:—еслибъ въ концѣ лѣта пожаловали, тогда много ходили смотрѣть.

— Я былъ, да васъ не было, перебилъ Обломовъ.

— Сестра сказывала, прибавилъ чиновникъ·—Да вы не безпокойтесь насчетъ квартиры: здѣсь вамъ будетъ удобно. Можетъ-быть, птица васъ безпокоитъ?

— Какая птица?

— Куры-съ.

Обломовъ, хотя слышалъ постоянно съ ранняго утра подъ окнами тяжолое кудахтанье насѣдки и пискъ циплятъ, но до того ли ему? Передъ нимъ носился образъ Ольги и онъ едва замѣчалъ окружающее.

— Нѣтъ, это ничего, сказалъ онъ:—я думалъ, вы говорите о канарейкахъ: онѣ съ утра начинаютъ трещать.

— Мы ихъ вынесемъ, отвѣчалъ Иванъ Матвѣевичъ.

— И это ничего, замѣтилъ Обломовъ:—но мнѣ, по обстоятельствамъ, нельзя оставаться.

— Какъ угодно-съ, отвѣчалъ Иванъ Матвѣевичъ. — А если не пріищете жильца, какъ же насчетъ контракта? Сдѣлаете удовлетвореніе?.. Вамъ убытокъ будетъ.

— А сколько тамъ слѣдуетъ? спросилъ Обломовъ.

— Да вотъ я принесу разсчетъ.

Онъ принесъ контрактъ и щеты.

— Вотъ-съ, за квартиру восемьсотъ рублей ассигнаціями, сто рублей получено задатку, осталось семьсотъ рублей, сказалъ онъ.

— Да неужели вы съ меня за цѣлый годъ хотите взять, когда я у васъ и двухъ недѣль не прожилъ? перебилъ его Обломовъ.

— Какъ же-съ? кротко и совѣстливо возвразилъ Иванъ Матвѣевичъ:—Сестра убытокъ понесетъ несправедливо. Она бѣдная вдова, живетъ только тѣмъ, что̀ съ дома получитъ; да развѣ на цыплятахъ и яйцахъ выручитъ кое что̀ на одёжонку ребятишкамъ.

— Помилуйте я не могу, заговорилъ Обломовъ: — посудите, я не прожилъ двухъ недѣль. Что̀-же это, за что̀?

— Вотъ-съ, въ контрактѣ сказано, говорилъ Иванъ Матвѣевичъ, показывая среднимъ пальцемъ двѣ строки и спрятавъ палецъ въ рукавъ: — извольте прочесть: „Буде же я, Обломовъ, пожелаю прежде времени съѣхать съ квартиры,

то обязанъ передать ее другому лицу, на тѣхъ же условіяхъ, или, въ противномъ случаѣ, удовлетворить ее, Пшеницыну, сполна платою за весь годъ, по первое іюня будущаго года", прочиталъ Обломовъ.

— Какъ-же это? говорилъ онъ:—Это несправедливо.

— По закону такъ-съ, замѣтилъ Иванъ Матвѣевичъ.—Сами изволили подписать: вотъ подпись-съ!

Опять появился палецъ подъ подписью, и опять спрятался.

— Сколько же? спросилъ Обломовъ.

— Семьсотъ рублей, началъ щелкать тѣмъ же пальцомъ Иванъ Матвѣевичъ, подгибая его всякій разъ проворно въ кулакъ: — да за конюшню и сарай сто-пятьдесятъ рублей.

И онъ щелкнулъ еще.

— Помилуйте, у меня лошадей нѣтъ, я не держу: зачѣмъ мнѣ конюшня и сарай? съ живостью возразилъ Обломовъ.

— Въ контрактѣ есть-съ, замѣтилъ, показывая пальцемъ строку, Иванъ Матвѣевичъ.—Михей Андрѣичъ сказывалъ, что у васъ лошади будутъ.

— Вретъ Михей Андреичъ! съ досадой сказалъ Обломовъ.—Дайте мнѣ контрактъ!

— Вотъ-съ, копію извольте получить, а контрактъ принадлежитъ сестрѣ, мягко отозвался Иванъ Матвѣевичъ, взявъ контрактъ въ руку.—Сверхъ-того, за огородъ и продовольствіе изъ онаго капустой, рѣпой и прочими овощами, считая на одно лицо, читалъ Иванъ Матвѣевичъ:—примѣрно, двѣсти-пятьдесятъ рублей...

И онъ хотѣлъ щелкнуть на щетахъ.

— Какой огородъ? Какая капуста? Я и знать не знаю, что́ вы! почти грозно возражалъ Обломовъ.

— Вотъ- съ, въ контрактѣ: Михей Андреичъ сказали, что вы съ тѣмъ нанимаете...

— Что́-же это такое, что вы безъ меня моимъ столомъ распоряжаетесь? Я не хочу ни капусты, ни рѣпы... говорилъ Обломовъ, вставая.

И Иванъ Матвѣевичъ всталъ со стула.

— Помилуйте, какъ можно безъ васъ: вотъ подпись есть! возразилъ онъ.

И опять толстый палецъ трясся на подписи и вся бумага тряслась въ его рукѣ.

— Сколько всего считаете вы? нетерпѣливо спросилъ Обломовъ.

— Еще за окраску потолка и дверей, за передѣлку оконъ въ кухнѣ, за новые пробои къ дверямъ—сто-пятьдесятъ-четыре рубля двадцать-восемь копеекъ ассигнаціями.

— Ка́къ, и это на мой счетъ? съ изумленіемъ спросилъ Обломовъ.—Это всегда на счетъ хозяина дѣлается. Кто же переѣзжаетъ въ неотдѣланную квартиру?..

— Вотъ-съ, въ контрактѣ сказано, что на вашъ счетъ, сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, издали показывая пальцомъ въ бумагѣ, гдѣ это сказано.—Тысячу-триста-пятьдесятъ-четыре рубля двадцать-восемь копеекъ ассигнаціями всего-съ! кротко заключилъ онъ, спрятавъ обѣ руки съ контрактомъ назади.

— Да гдѣ я возьму? У меня нѣтъ денегъ! возразилъ Обломовъ, ходя по комнатѣ. — Нужно мнѣ очень вашей рѣпы, да капусты!

— Ка́къ угодно-съ? тихо прибавилъ Иванъ Матвѣевичъ. — Да не безпокойтесь: вамъ здѣсь будетъ удобно, прибавилъ онъ.—А деньги... сестра подождетъ.

— Нельзя мнѣ, нельзя по обстоятельствамъ! Слышите?

— Слушаю-съ. Ка́къ угодно, послушно отвѣчалъ Иванъ Матвѣевичъ, отступивъ на шагъ.

— Хорошо, я подумаю и постараюсь передать квартиру! сказалъ Обломовъ, кивнувъ чиновнику головой.

— Трудно-съ; а впрочемъ, какъ угодно! заключилъ Иванъ Матвѣевичъ и, троекратно поклонясь, вышелъ вонъ.

Обломовъ вынулъ бумажникъ и счелъ деньги: всего триста-пять рублей. Онъ обомлѣлъ.

„Куда-жь я дѣлъ деньги?“ съ изумленіемъ, почти съ ужасомъ спросилъ самого себя Обломовъ. „Въ началѣ лѣта изъ деревни прислали тысячу-двѣсти рублей, а теперь всего триста!“

Онъ началъ считать, припоминать всѣ траты, и могъ припомнить только двѣсти-пятьдесятъ рублей.

— Куда-жь это вышли деньги? говорилъ онъ.

— Захаръ, Захаръ!

— Чего изволите?

— Куда это у насъ всѣ деньги вышли? Вѣдь денегъ-то нѣтъ у насъ! спросилъ онъ.

Захаръ началъ шарить, въ карманахъ, вынулъ полтинникъ, гривенникъ и положилъ на столъ.

— Вотъ, забылъ отдать, отъ перевозки осталось, сказалъ онъ.

— Что ты мнѣ мелочь-то суешь? Ты скажи, куда восемьсотъ рублей дѣлись?

— Почемъ я знаю? Развѣ я знаю, куда вы тратите? Что вы тамъ извощикамъ за коляски платите?

— Да́, вотъ на экипажъ много вышло, вспомнилъ Обломовъ, глядя на Захара.—Ты не помнишь ли, сколько мы на дачѣ отдали извощику?

— Гдѣ помнить? отозвался Захаръ:—Одинъ разъ вы велѣли мнѣ тридцать рублей отдать, такъ я и помню.

— Что́ бы тебѣ записывать? упрекнулъ его Обломовъ:—Худо быть безграмотнымъ!

— Прожилъ вѣкъ и безъ грамоты, слава Богу, нехуже другихъ! возразилъ Захаръ, глядя въ сторону.

„Правду говоритъ Штольцъ, что надо завести школу въ деревнѣ!“ подумалъ Обломовъ.

— Вонъ, у Ильинскихъ былъ грамотный-то, сказывали люди, продолжалъ Захаръ: — да серебро изъ буфета и стащилъ.

„Прошу покорнѣйше!“ трусливо подумалъ Обломовъ. „Въ-самомъ-дѣлѣ, эти грамотѣи—все такой безнравственный народъ: по трактирамъ, съ гармоникой, да чаи... Нѣтъ, рано школы заводить!...“

— Ну, куда еще вышли деньги? спросилъ онъ.

— Почемъ я знаю? Вонъ, Михею Андреичу дали на дачѣ...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, обрадовался Обломовъ, вспомнивъ про эти деньги.—Такъ, вотъ извощику тридцать, да, кажется, двадцать-пять рублей Тарантьеву... Еще куда?

Онъ задумчиво и вопросительно глядѣлъ на Захара. Захаръ, угрюмо, стороной, смотрѣлъ на него.

— Не помнитъ ли Анисья? спросилъ Обломовъ.

— Гдѣ дурѣ помнить? Что̀ баба знаетъ? съ презрѣніемъ сказалъ Захаръ.

— Не припомню! съ тоской заключилъ Обломовъ:—ужь не воры ли были?

— Кабы воры, такъ все бы взяли, сказалъ Захаръ, уходя.

Обломовъ сѣлъ въ кресло и задумался. „Гдѣ же я возьму денегъ?“ до холоднаго пота думалъ онъ. „Когда пришлютъ изъ деревни и сколько?“

Онъ взглянулъ на часы: два часа, пора ѣхать къ Ольгѣ. Сегодня положенный день обѣдать. Онъ мало-по-малу развеселился, велѣлъ привести извощика и поѣхалъ въ Морскую.

IV.

Онъ сказалъ Ольгѣ, что переговорилъ съ братомъ хозяйки и скороговоркой прибавилъ отъ себя, что есть надежда на этой недѣлѣ передать квартиру.

Ольга поѣхала съ тёткой съ визитомъ до обѣда, а онъ пошелъ глядѣть квартиры по близости. Заходилъ въ два дома; въ одномъ нашелъ квартиру въ четыре комнаты за четыре тысячи ассигнаціями, въ другомъ за пять комнатъ просили шесть тысячъ рублей.

— Ужасъ! ужасъ! твердилъ онъ, зажимая уши и убѣгая отъ изумленныхъ дворниковъ. Прибавивъ къ этимъ суммамъ тысячу слишкомъ рублей, которые надо было заплатить Пшеницыной, онъ, отъ страха, не поспѣлъ вывести итога и только прибавилъ шагу и побѣжалъ къ Ольгѣ.

Тамъ было общество. Ольга была одушевлена, говорила, пѣла, и произвела фуроръ. Только Обломовъ слушалъ разсѣянно, а она говорила и пѣла для него, чтобъ онъ не сидѣлъ, повѣся носъ, опустя вѣки, чтобъ все говорило и пѣло безпрестанно въ немъ самомъ.

— Пріѣзжай завтра въ театръ, у насъ ложа, сказала она.

„Вечеромъ, по грязи, этакую даль!“ подумалъ Обломовъ, но взглянувъ ей въ глаза, отвѣчалъ на ея улыбку улыбкой согласія.

— Абонируйся въ кресло, прибавила она:—на той недѣлѣ пріѣдутъ Маевскіе; ma tante пригласила ихъ къ намъ въ ложу.

И она глядѣла ему въ глаза, чтобъ знать, какъ онъ обрадуется.

„Господи!“ подумалъ онъ въ ужасѣ: „А у меня всего триста рублей денегъ“.

— Вотъ, попроси барона; онъ тамъ со всѣми знакомъ, завтра же пошлетъ за креслами.

И она опять улыбнулась, и онъ улыбнулся, глядя на нее, и съ улыбкой просилъ барона: тотъ, тоже съ улыбкой, взялся послать за билетомъ.

— Теперь въ креслѣ, а потомъ, когда ты кончишь дѣла, прибавила Ольга:—ты ужь займешь по праву мѣсто въ нашей ложѣ.

И окончательно улыбнулась, какъ улыбалась, когда была совершенно счастлива.

Ухъ, какимъ счастьемъ вдругъ пахнуло на него, когда Ольга немного приподняла завѣсу обольстительной дали, прикрытой, какъ цвѣтами, улыбками!

Обломовъ и про деньги забылъ; только когда, на другой день утромъ, увидѣлъ мелькнувшій мимо оконъ пакетъ братца, онъ вспомнилъ про довѣренность и просилъ Ивана Матвѣевича засвидѣтельствовать ее въ палатѣ. Тотъ прочиталъ довѣренность, объявилъ, что въ ней есть одинъ неясный пунктъ и взялся прояснить.

Бумага была вновь переписана, наконецъ засвидѣтельствована и отослана на почту. Обломовъ съ торжествомъ объявилъ объ этомъ Ольгѣ и успокоился надолго.

Онъ радовался, что до полученія отвѣта квартиры пріискивать не понадобится и деньги понемногу заживаются.

„Оно бы и тутъ можно жить,“ думалъ онъ, „да далеко отъ всего, а въ домѣ у нихъ порядокъ строгій и хозяйство идетъ славно“.

Въ самомъ дѣлѣ хозяйство шло отлично. Хотя Обломовъ держалъ столъ особо, но глазъ хозяйки бодрствовалъ и надъ его кухней.

Илья Ильичъ зашелъ однажды въ кухню и засталъ Агафью Матвѣевну съ Анисьей чуть не въ объятіяхъ другъ друга.

Если есть симпатія душъ, если родственныя сердца чуютъ другъ друга издалека, то никогда это не доказывалось такъ очевидно, какъ на симпатіи Агафьи Матвѣевны и

*

Анисьи. Съ перваго взгляда, слóва и движенія онѣ поняли и оцѣнили одна другую.

По пріемамъ Анисьи, по тому, кáкъ она, вооруженная кочергой и тряпкой, съ засученными рукавами, въ пять минутъ привела полгода-нетопленную кухню въ порядокъ, кàкъ смахнула щеткой разомъ пыль съ полокъ, со стѣнъ и со стола; какіе широкіе размахи дѣлала метлой по полу и по лавкамъ; кáкъ мгновенно выгребла изъ печки золу— Агафья Матвѣевна оцѣнила, чтó такое Анисья и какая бы она великая сподручница была ея хозяйственнымъ распоряженіемъ. Она дала ей съ той поры у себя мѣсто въ сердцѣ.

И Анисья, въ свою очередь, поглядѣвъ однажды только, кàкъ Агафья Матвѣевна царствуетъ въ кухнѣ, кáкъ соколиными очами, безъ бровей, видитъ каждое неловкое движеніе неповоротливой Акулины; кáкъ гремитъ приказаніями вынуть, поставить, подогрѣть, посолить, кáкъ на рынкѣ однимъ взглядомъ и много-много прикосновеніемъ пальца безошибочно рѣшаетъ, сколько курицѣ мѣсяцевъ отъ роду, давно ли уснула рыба, когда сорвана съ грядъ петрушка или салатъ—она съ удивленіемъ и почтительною боязнью возвела на нее глаза и рѣшила, что она, Анисья, миновала свое назначеніе, что поприще ея—не кухня Обломова, гдѣ торопливость ея, вѣчно-бьющаяся, нервическая лихорадочность движеній устремлена только на то, чтобъ подхватить на лету уроненную Захаромъ тарелку или стаканъ, и гдѣ опытность ея и тонкость соображеній, подавляются мрачною завистью и грубымъ высокомѣріемъ мужа. Двѣ женщины поняли другъ друга и стали неразлучны.

Когда Обломовъ не обѣдалъ дома, Анисья присутствовала на кухнѣ хозяйки и, изъ любви къ дѣлу, бросалась изъ угла въ уголъ, сажала, вынимала горшки, почти къ одно и то же мгновеніе отпирала шкапъ, доставала чтò надо и

захлопывала прежде, нежели Акулина успѣетъ понять въ чемъ дѣло.

Зато наградой Анисьѣ былъ обѣдъ, чашекъ шесть кофе утромъ и столько же вечеромъ, и откровенный, продолжительный разговоръ, иногда довѣрчивый шопотъ съ самой хозяйкой.

Когда Обломовъ обѣдалъ дома, хозяйка помогала Анисьѣ, то-есть указывала, словомъ или пальцемъ, пора ли, или рано вынимать жаркое, надо ли къ соусу прибавить немного краснаго вина, или сметаны, или что рыбу надо варить не та́къ, а вотъ ка́къ...

И Боже мой, какими знаніями помѣнялись онѣ въ хозяйственномъ дѣлѣ, не по одной только кулинарной части, но и по части холста, нитокъ, шитья, мытья бѣлья, платьевъ, чистки блондъ, кружевъ, перчатокъ, выведенія пятенъ изъ разныхъ матерій, также употребленія разныхъ домашнихъ лекарственныхъ составовъ, травъ—всего, что́ внесли въ извѣстную сферу жизни наблюдательный умъ и вѣковые опыты!

Илья Ильичъ встанетъ утромъ часовъ въ девять, иногда увидитъ сквозь рѣшотку забора мелькнувшій бумажный пакетъ подъ мышкой уходящаго въ должность братца, потомъ примется за кофе. Кофе все такой же славный, сливки густыя, булки сдобныя, разсыпчатыя.

Потомъ онъ примется за сигару и слушаетъ внимательно, ка́къ тяжело кудахтаетъ насѣдка, ка́къ пищатъ цыплята, ка́къ трещатъ канарейки и чижи. Онъ не велѣлъ убирать ихъ:—Деревню напоминаютъ, Обломовку, сказалъ онъ.

Потомъ сядетъ дочитывать начатыя на дачѣ книги, иногда приляжетъ небрежно съ книгой на диванъ и читаетъ.

Тишина идеальная; пройдетъ развѣ солдатъ какой-нибудь по улицѣ, или кучка мужиковъ, съ топорами за поясомъ. Рѣдко-рѣдко заберется въ глушь разнощикъ и, оста-

новясь передъ рѣшетчатымъ заборомъ, съ полчаса горланитъ:—Яблоки, арбузы астраханскіе—такъ, что нѣхотя купишь что́-нибудъ.

Иногда придетъ къ нему Маша, хозяйская дѣвочка, отъ маменьки, сказать, что грузди или рыжики продаютъ: не велитъ ли онъ взять кадочку для себя, или зазоветъ онъ къ себѣ Ваню, ея сына, спрашиваетъ, что́ онъ выучилъ, заставитъ прочесть, или написать и посмотритъ, хорошо ли онъ пишетъ и читаетъ.

Если дѣти не затворятъ дверь за собой, онъ видитъ голую шею и мелькающіе, вѣчно-движущіеся локти и спину хозяйки.

Она все за работой, все что́-нибудь гладитъ, толчетъ, третъ, и уже не церемонится, не накидываетъ шаль, когда замѣтитъ, что онъ видитъ ее сквозь полуотворенную дверь, только усмѣхнется и опять заботливо толчетъ, гладитъ и третъ на большомъ столѣ.

Онъ иногда съ книгой подойдетъ къ двери, заглянетъ къ ней и поговоритъ съ хозяйкой.

— Вы все за работой! сказалъ онъ ей однажды.

Она усмѣхнулась и опять заботливо принялась вертѣть ручку кофейной мельницы, и локоть ея такъ проворно описывалъ круги, что у Обломова рябило въ глазахъ.

— Вѣдь вы устанете, продолжалъ онъ.

— Нѣтъ, я привыкла, отвѣчала она, треща мельницей.

— А когда нѣтъ работы, что́-жь вы дѣлаете?

— Ка́къ нѣтъ работы? Работа всегда есть, сказала она: —утромъ обѣдъ готовить, послѣ обѣда шить, а къ вечеру ужинъ.

— Развѣ вы ужинаете?

— Какъ же безъ ужина? ужинаемъ. Подъ праздникъ ко всенощной ходимъ.

— Это хорошо, похвалилъ Обломовъ.—Въ какую же церковь?

— Къ Рождеству: это нашъ приходъ.

— А читаете что́-нибудь?

Она поглядѣла не него тупо́ и молчала.

— Книги у васъ есть? спросилъ онъ.

— У братца есть, да они не читаютъ. Газеты изъ трактира беремъ, такъ иногда братецъ вслухъ читаютъ... да вотъ у Ванички много книгъ.

— Ужели же вы никогда не отдыхаете?

— Ей-Богу, правда!

— И въ театрѣ не бываете?

— Братецъ на святкахъ бываютъ.

— А вы?

— Когда мнѣ? А ужинъ ка̀къ? спросила она, бокомъ поглядѣвъ на него.

— Кухарка можетъ безъ васъ...

— Акулина-то! съ удивленіемъ возразила она:—Какъ же можно? Что̀ она сдѣлаетъ безъ меня? Ужинъ и къ завтрему не поспѣетъ. У меня всѣ ключи.

Молчаніе. Обломовъ любовался ея полными, круглыми локтями.

— Ка́къ у васъ хороши руки, вдругъ сказалъ Обломовъ:—можно хоть сейчасъ нарисовать.

Она усмѣхнулась и немного застыдилась.

— Неловко̀ съ рукавами, оправдывалась она:—нынче, вѣдь, вонъ какія пошли платья, рукава всѣ выпачкаешь.

И замолчала. Обломовъ тоже молчалъ.

— Вотъ только домелю кофе, шептала про-себя хозяйка:—сахаръ буду колоть. Еще не забыть за корицей послать.

— Вамъ бы замужъ надо выйти, сказалъ Обломовъ:—вы славная хозяйка.

Она усмѣхнулась и стала пересыпать кофе въ большую стеклянную банку.

— Право, прибавилъ Обломовъ.

— Кто меня съ дѣтьми-то возьметъ? отвѣчала она и что́-то начала считать въ умѣ.

— Два десятка... задумчиво говорила она:—ужели она ихъ всѣ положитъ?.. И, поставивъ въ шкапъ банку, побѣжала въ кухню. А Обломовъ ушелъ къ себѣ и сталъ читать книгу...

— Какая еще свѣжая, здоровая женщина и какая хозяйка! Право бы замужъ ей... говорилъ онъ самъ себѣ и погружался въ мысль... объ Ольгѣ.

Обломовъ въ хорошую погоду надѣнетъ фуражку и обойдетъ окрестность; тамъ попадетъ въ грязь, здѣсь войдетъ въ непріятное сношеніе съ собаками, и вернется домой.

А дома ужъ накрытъ столъ и кушанье такое вкусное, подано чисто. Иногда сквозь двери просунется голая рука, съ тарелкой—просятъ попробовать хозяйскаго пирога.

— Тихо, хорошо въ этой сторонѣ, только скучно! говорилъ Обломовъ, уѣзжая въ оперу.

Однажды, воротясь поздно изъ театра, онъ, съ извощикомъ, стучалъ почти часъ въ ворота; собака, отъ скаканья на цѣпи и лая, потеряла голосъ. Онъ иззябъ и разсердился, объявивъ, что съѣдетъ на другой же день. Но и другой, и третій день, и недѣля прошла—онъ еще не съѣзжалъ.

Ему было очень скучно не видѣть Ольги въ неположенные дни, не слышать ея голоса, не читать въ глазахъ все той же, неизмѣняющейся ласки, любви, счастья.

Зато въ положенные дни онъ жилъ какъ лѣтомъ, заслушивался ея пѣнія, или глядѣлъ ей въ глаза; а при свидѣтеляхъ довольно было ему одного ея взгляда, равнодушнаго для всѣхъ, но глубокаго и знаменательнаго для него.

По мѣрѣ того, однакожь, какъ дѣло подходило къ зимѣ, свиданія ихъ становились рѣже наединѣ. Къ Ильинскимъ стали ѣздить гости, и Обломову по цѣлымъ днямъ не уда-

валось сказать съ ней двухъ словъ. Они мѣнялись взглядами. Ея взгляды выражали иногда усталость и нетерпѣніе.

Она съ нахмуренными бровями глядѣла на всѣхъ гостей. Обломовъ раза два даже соскучился и послѣ обѣда однажды взялся было за шляпу.

— Куда? вдругъ съ изумленіемъ спросила Ольга, очутясь подлѣ него и хватая за шляпу.

— Позвольте домой...

— Зачѣмъ? спросила она. Одна бровь у ней лежала выше другой.—Что́ вы станете дѣлать?

— Я такъ .. говорилъ онъ, едва таращa глаза отъ сна.

— Кто-жь вамъ позволитъ? Ужь не спать ли вы собираетесь? спрашивала она, строго поглядѣвъ ему́ попеременно въ одинъ глазъ, потомъ въ другой.

— Что́ вы! живо возразилъ Обломовъ:—Спать днемъ! Мнѣ, просто, скучно.

И онъ отдалъ шляпу.

— Сегодня въ театръ, сказала она.

— Не вмѣстѣ въ ложу, прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Такъ что́ же? А это развѣ ничего, что мы видимъ другъ друга, что ты зайдешь въ антрактѣ, при разъѣздѣ подойдешь, подашь руку до кареты?.. Извольте ѣхать! повелительно прибавила она.—Что́ это за новости!

Нечего дѣлать, онъ ѣхалъ въ театръ, зѣвалъ, какъ-будто хотѣлъ вдругъ проглотить сцену, чесалъ затылокъ и перекладывалъ ногу на ногу.

„Ахъ скорѣй бы кончить, да сидѣть съ ней рядомъ, не таскаться такую даль сюда!“ думалъ онъ. „А то послѣ такого лѣта, да еще видѣться урывками, украдкой, играть роль влюбленнаго мальчика... Правду сказать, я бы сегодня не поѣхалъ въ театръ, еслибъ ужь былъ женатъ: шестой разъ слышу эту оперу...“

Въ антрактѣ онъ пошелъ въ ложу къ Ольгѣ и едва про-

тѣснился до нея между двухъ какихъ-то франтовъ. Чрезъ пять минутъ онъ ускользнулъ и остановился у входа въ кресла, въ толпѣ. Актъ начался и всѣ торопились къ своимъ мѣстамъ. Франты изъ ложи Ольги тоже были тутъ и не видѣли Обломова.

— Что́ это за господинъ былъ сейчасъ въ ложѣ у Ильинскихъ? спросилъ одинъ у другаго.

— Это Обломовъ какой-то, небрежно отвѣчалъ другой.

— Что́ это за Обломовъ?

— Это... помѣщикъ, другъ Штольца.

— А! значительно произнесъ другой:—Другъ Штольца. Что́-жь онъ тутъ дѣлаетъ?

— Dieu sait! отвѣчалъ другой, и всѣ разошлись по мѣстамъ. Но Обломовъ потерялся отъ этого ничтожнаго разговора.

„Что́ за *господинъ*?... *какой-то* Обломовъ... что̀ онъ тутъ дѣлаетъ... Dieu sait“—все это застучало ему въ голову. „Какой-то!“ „Что̀ я тутъ дѣлаю“? Какъ что̀? Люблю Ольгу; я ея... Однакожь, вотъ ужь въ свѣтѣ родился вопросъ: что̀ я тутъ дѣлаю? Замѣтили... Ахъ, Боже мой! какъ же, надо что̀-нибудь...“

Онъ ужь не видѣлъ, что́ дѣлается на сценѣ, какіе тамъ выходятъ рыцари и женщины; оркестръ гремитъ, а онъ и не слышитъ. Онъ озирается по сторонамъ и считаетъ, сколько знакомыхъ въ театрѣ: вонъ тутъ, тамъ—вездѣ сидятъ, всѣ спрашиваютъ:—„Что̀ это за господинъ входилъ къ Ольгѣ въ ложу?..“—„Какой-то Обломовъ!“ говорятъ всѣ.

— Да́, я „какой-то!“ думалъ онъ въ робкомъ унынiи: „Меня знаютъ, потому-что я другъ Штольца. — Зачѣмъ я у Ольги? — „Dieu sait!.. Вонъ, вонъ, эти франты смотрятъ на меня, потомъ на ложу Ольги!“

Онъ взглянулъ на ложу: бинокль Ольги устремленъ былъ на него.

„Ахъ, ты Господи!“ думалъ онъ: “А она глазъ не спускаетъ съ меня? Что она нашла во мнѣ такого? Экое сокровище далось! Вонъ, кажется теперь, на сцену указываетъ... франты, кажется, смѣются, смотрятъ на меня... Господи, Господи!“

Онъ опять, въ волненіи, неистово почесалъ затылокъ, опять переложилъ ногу на ногу.

Она звала франтовъ изъ театра пить чай, обѣщала повторить каватину и ему велѣла пріѣхать.

„Нѣтъ, ужь сегодня не поѣду; надо рѣшить дѣло скорѣй, да потомъ... Что это, отвѣта повѣренный не шлетъ изъ деревни?... Я бы давно уѣхалъ, передъ отъѣздомъ обручился бы съ Ольгой... Ахъ, а она все смотритъ на меня! Бѣда право!“

Онъ, не дождавшись конца оперы, уѣхалъ домой. Мало-по-малу, впечатлѣніе его изгладилось, и онъ опять съ трепетомъ счастья смотрѣлъ на Ольгу наединѣ, слушалъ, съ подавленными слезами восторга, ея пѣніе при всѣхъ, и, пріѣзжая домой, ложился, безъ вѣдома Ольги, на диванъ, но ложился не спать, не лежать мертвой колодой, а мечтать о ней, играть мысленно въ счастье, и волноваться, заглядывая въ будущую перспективу своей домашней, мирной жизни, гдѣ будетъ сіять Ольга—и все засіяетъ около нея. Заглядывая въ будущее, онъ иногда невольно, иногда умышленно заглядывалъ, въ полуотворенную дверь, и на мелькавшіе локти хозяйки.

Однажды тишина въ природѣ и въ домѣ была идеальная; ни стуку каретъ, ни хлопанья дверей; въ передней на часахъ мѣрно постукивалъ маятникъ да пѣли канарейки; но это не нарушаетъ тишины, а придаетъ ей только нѣкоторый оттѣнокъ жизни.

Илья Ильичъ лежалъ небрежно на диванѣ, играя туфлей, ронялъ ее на полъ, поднималъ на воздухъ, повертитъ

тамъ, она упадетъ, онъ подхватываетъ съ пола ногой... Вошелъ Захаръ и сталъ у дверей.

— Ты что? небрежно спросилъ Обломовъ.

Захаръ молчалъ и почти прямо, не стороной, глядѣлъ на него.

— Ну? спросилъ Обломовъ, взглянувъ на него съ удивленіемъ:—Пирогъ, что ли, готовъ?

— Вы нашли квартиру? спросилъ, въ свою очередь, Захаръ.

— Нѣтъ еще. А что?

— Да я не все еще разобралъ: посуда, одёжа, сундуки, все еще въ чуланѣ горой стоитъ. Разбирать, что ли?

— Погоди, разсѣянно сказалъ Обломовъ:—я жду отвѣта изъ деревни.

— Стало-быть, свадьба-то послѣ Рождества будетъ? прибавилъ Захаръ.

— Какая свадьба? вдругъ вставъ, спросилъ Обломовъ.

— Извѣстно какая: ваша! отвѣчалъ Захаръ положительно, какъ о дѣлѣ давно рѣшеномъ.—Вѣдь вы женитесь?

— Я же-нюсь! На комъ? съ ужасомъ спросилъ Обломовъ, пожирая Захара изумленными глазами.

— На Ильинской барыш..... Захаръ еще не договорилъ, а Обломовъ былъ у него почти на носу.

— Что ты, несчастный, кто тебѣ внушилъ эту мысль? патетически, сдержаннымъ голосомъ воскликнулъ Обломовъ, напирая на Захара.

— Что я за несчастный? Слава тебѣ Господи! говорилъ Захаръ, отступая къ дверямъ:—Кто? Люди Ильинскіе еще лѣтомъ сказывали.

— Цссс!... зашипѣлъ на него Обломовъ, поднявъ палецъ вверхъ и грозя на Захара:—Ни слова больше!

— Развѣ я выдумалъ? говорилъ Захаръ.

— Ни слова! повторилъ Обломовъ, грозно глядя на не-

го, и указалъ ему дверь. Захаръ ушелъ и вздохнулъ на всѣ комнаты.

Обломовъ не могъ опомниться; онъ все стоялъ въ одномъ положеніи, съ ужасомъ глядя на то мѣсто, гдѣ стоялъ Захаръ, потомъ, въ отчаяньи, положилъ руки на голову и сѣлъ въ кресло.

„Люди знаютъ!“ ворочалось у него въ головѣ: по лакейскимъ, по кухнямъ толки идутъ! Вотъ до чего дошло! Онъ осмѣлился спросить, когда свадьба. А тётка еще не подозрѣваетъ, или если подозрѣваетъ, то, можетъ быть, другое, недоброе... Ай, ай, ай, что̀ она можетъ подумать! А я? А Ольга?

— Несчастный, что̀ я надѣлалъ! говорилъ онъ, переваливаясь на диванъ лицемъ къ подушкѣ.—Свадьба! Этотъ поэтическій мигъ въ жизни любящихся, вѣнецъ счастья—о немъ заговорили лакеи, кучера, когда еще ничего не рѣшено, когда отвѣта изъ деревни нѣтъ, когда у меня пустой бумажникъ, когда квартира не найдена...

Онъ сталъ разбирать поэтическій мигъ, который вдругъ потерялъ краски, какъ только заговорилъ о немъ Захаръ. Обломовъ сталъ видѣть другую сторону медали, и мучительно переворачивался съ боку на бокъ, ложился на спину, вдругъ вскакивалъ, дѣлалъ три шага по комнатѣ и опять ложился.

„Ну, не бывать добру!“ думалъ со страхомъ Захаръ у себя въ передней: „Экъ меня дернула нелегкая!“

— Откуда они знаютъ? твердилъ Обломовъ:—Ольга молчала, я и подумать вслухъ не смѣлъ, а въ передней все рѣшили! Вотъ что̀ значитъ свиданія наединѣ, поэзія утреннихъ и вечернихъ зорь, страстные взгляды и обаятельное пѣніе! Охъ, ужь эти поэмы любви, никогда добромъ не кончаются! Надо прежде стать подъ вѣнецъ и тогда плавать въ розовой атмосферѣ!.. Боже мой! Боже мой!

Бѣжать къ тёткѣ, взять Ольгу за руку и сказать: „вотъ моя невѣста!“ да неготово ничего, отвѣта изъ деревни нѣтъ, денегъ нѣтъ, квартиры нѣтъ! Нѣтъ, надо выбить прежде изъ головы Захара эту мысль, затушить слухи, какъ пламя, чтобъ оно не распространилось, чтобъ не было огня и дыма... Свадьба! Что̀ такое свадьба?...

Онъ было улыбнулся, вспомнивъ прежній свой поэтическій идеалъ свадьбы, длинное покрывало, померанцовую вѣтку, шопотъ толпы...

Но краски были уже не тѣ: тутъ же, въ толпѣ, былъ грубый, неопрятный Захаръ и вся дворня Ильинскихъ, рядъ каретъ, чужія, холодно-любопытныя лица. Потомъ, потомъ мерещилось все такое скучное, страшное...

— Надо выбить изъ головы Захара эту мысль, чтобъ онъ счелъ это за нелѣпость, рѣшилъ онъ, то судорожно волнуясь, то мучительно задумываясь.

Черезъ часъ онъ кликнулъ Захара.

Захаръ притворился, что не слышитъ и сталъ было потихоньку выбираться на кухню. Онъ ужь отворилъ безъ скрипу дверь, да не попалъ бокомъ въ одну половинку и плечомъ такъ задѣлъ за другую, что обѣ половинки распахнулись съ грохотомъ.

— Захаръ! повелительно закричалъ Обломовъ.

— Чего вамъ? изъ передней отозвался Захаръ.

— Поди сюда! сказалъ Илья Ильичъ.

— Подать, что̀ ли, что̀? Такъ говорите, я подамъ! отвѣтилъ онъ.

— Поди сюда! разстановисто и настойчиво произнесъ Обломовъ.

— Ахъ, смерть нейдетъ! прохрипѣлъ Захаръ, влѣзая въ комнату.

— Ну, чего вамъ? спросилъ онъ, увязнувъ въ дверяхъ.

— Подойди сюда! торжественно-таинственнымъ голосомъ

говорилъ Обломовъ, указывая Захару куда стать, и указалъ такъ близко, что почти пришлось бы ему сѣсть на колѣни барину.

— Куда я туда подойду? Тамъ тѣсно, я и отсюда слышу, отговаривался Захаръ, остановясь упрямо у дверей.

— Подойди, тебѣ говорятъ! грозно произнесъ Обломовъ.

Захаръ сдѣлалъ шагъ и сталъ, какъ монументъ, глядя въ окно, на бродившихъ куръ, и подставляя барину, какъ щетку, бакенбарду. Илья Ильичъ въ одинъ часъ, отъ волненія, измѣнился, будто осунулся въ лицѣ; глаза бѣгали безпокойно.

„Ну, будетъ теперь“! подумалъ Захаръ, дѣлаясь мрачнѣе и мрачнѣе.

— Ка́къ ты могъ сдѣлать такой несообразный вопросъ барину? спросилъ Обломовъ.

„Вона, пошелъ!“ думалъ Захаръ, крупно мигая, въ тоскливомъ ожиданіи „жалкихъ словъ“.

— Я тебя спрашиваю, какъ ты могъ забрать такую нелѣпость себѣ въ голову? повторилъ Обломовъ.

Захаръ молчалъ.

— Слышишь, Захаръ? Зачѣмъ ты позволяешь себѣ нетолько думать, даже говорить?...

— Позвольте, Илья Ильичъ, я лучше Анисью позову... отвѣчалъ Захаръ и шагнулъ-было къ двери.

— Я хочу съ тобой говорить, а не съ Анисьей возразилъ Обломовъ. — Зачѣмъ ты выдумалъ такую нелѣпость?

— Я не выдумывалъ, сказалъ Захаръ:—Ильинскіе люди сказывали.

— А имъ кто сказывалъ?

— Я почемъ знаю! Катя сказала Семену, Семенъ Никитѣ, Никита Василисѣ, Василиса Анисьѣ, а Анисья мнѣ... говорилъ Захаръ.

— Господи, Господи! Всѣ! съ ужасомъ произнесъ Об-

ломовъ.—Все это вздоръ, нелѣпость, ложь, клевета—слышишь ли ты? постучавъ кулакомъ объ столъ, сказалъ Обломовъ.—Этого быть не можетъ!

— Отчего не можетъ быть? равнодушно перебилъ Захаръ:—Дѣло обыкновенное—свадьба! Не вы одни, всѣ женятся.

— Всѣ! сказалъ Обломовъ.—Ты мастеръ равнять меня съ другими, да со всѣми! Это быть не можетъ! И нѣтъ, и не было! Свадьба—обыкновенное дѣло: слышите? Что́ такое свадьба?

Захаръ взглянулъ-было на Обломова, да увидалъ яростно-устремленные на него глаза и тотчасъ перенесъ взглядъ направо, въ уголъ.

— Слушай, я тебѣ объясню, что́ это такое. „Свадьба, свадьба“, начнутъ говорить праздные люди, разныя женщины, дѣти, по лакейскимъ, по магазинамъ, по рынкамъ. Человѣкъ перестаетъ называться Ильей Ильичемъ, или Петромъ Петровичемъ, а называется „женихъ“. Вчера на него никто и смотрѣть не хотѣлъ, а завтра всѣ глаза пучатъ, какъ на шельму какую-нибудь. Ни въ театрѣ, ни на улицѣ прохода не дадутъ. „Вотъ, вотъ женихъ!“ шепчутъ всѣ. А сколько человѣкъ подойдетъ къ нему въ день, всякій норовитъ сдѣлать рожу поглупѣе, вотъ какъ у тебя теперь! (Захаръ быстро перенесъ взглядъ опять на дворъ) и сказать что́-нибудь понелѣпѣе, продолжалъ Обломовъ.—Вотъ оно, какое начало! А ты ѣзди каждый день, какъ окаянный, съ утра къ невѣстѣ, да все въ палевыхъ перчаткахъ, чтобъ у тебя платье съ иголочки было, чтобъ ты не глядѣлъ скучно, чтобъ не ѣлъ, не пилъ, ка́къ слѣдуетъ, обстоятельно, а такъ, вѣтромъ бы жилъ, да букетами! Это мѣсяца три, четыре! Видишь? Такъ ка̀къ же я-то могу?

Обломовъ остановился и посмотрѣлъ, дѣйствуетъ ли на Захара это изображеніе неудобствъ женитьбы.

— Идти, что́ ли, мнѣ? спросилъ Захаръ, оборачиваясь къ двери.

— Нѣтъ, ты постой! Ты мастеръ распускать фальшивые слухи, такъ узнай, почему они фальшивые.

— Что́ мнѣ узнавать? говорилъ Захаръ, осматривая стѣны комнаты.

— Ты забылъ, сколько бѣготни, суматохи и у жениха, и у невѣсты. А кто у меня, ты, что́ ли, будешь бѣгать по портнымъ, по сапожникамъ, къ мебельщику? Одинъ я не разорвусь на всѣ стороны. Всѣ въ городѣ узнаютъ. „Обломовъ женится—вы слышали?“ — „Уже-ли? На комъ? Кто такая? Когда свадьба?“ говорилъ Обломовъ разными голосами:—Только и разговора! Да я измучусь, слягу отъ одного этого а ты выдумалъ: свадьба!

Онъ опять взглянулъ на Захара.

— Позвать, что̀ ли, Анисью? спросилъ Захаръ.

— Зачѣмъ Анисью? Ты, а не Анисья, допустилъ это необдуманное предположеніе.

— Ну, за что̀ это наказалъ меня Господь сегодня? прошепталъ Захаръ, вздохнувъ такъ, что у него приподнялись даже плечи.

— А издержки какія? продолжалъ Обломовъ:—А деньги гдѣ? Ты видѣлъ, сколько у меня денегъ? почти грозно спросилъ Обломовъ.—А квартира гдѣ? Здѣсь надо тысячу рублей заплатить, да нанять другую, три тысячи дать, да на отдѣлку сколько! А тамъ экипажъ, поваръ, на прожитокъ! Гдѣ я возьму?

— Какъ же съ тремястами душъ женятся другіе? возразилъ Захаръ, да и самъ раскаялся, потому-что баринъ почти вскочилъ съ кресла, такъ и припрыгнулъ на немъ.

— Ты опять „другіе?“ Смотри! сказалъ онъ, погрозивъ пальцемъ:—Другіе въ двухъ, много въ трехъ комнатахъ живутъ: и столовая, и гостиная—все-тутъ; а иныя и спятъ

тутъ же; дѣти рядомъ; одна дѣвка на весь домъ служитъ. Сама барыня на рынокъ ходитъ! А Ольга Сѣргѣевна пойдетъ на рынокъ?

— На рынокъ-то и я схожу, замѣтилъ Захаръ.

— Ты знаешь, сколько дохода съ Обломовки получаемъ? спрашивалъ Обломовъ.—Слышишь, что́ староста пишетъ? доходу „тысящи яко двѣ поменѣ!“ А тутъ дорогу надо строить, школы заводить, въ Обломовку ѣхать; тамъ негдѣ жить, дома еще нѣтъ... Какая же свадьба? Что́ ты выдумалъ?

Обломовъ остановился. Онъ самъ пришелъ въ ужасъ отъ этой грозной, безотрадной перспективы. Розы, померанцовые цвѣты, блистанье праздника, шопотъ удивленія въ толпѣ—все вдругъ померкло.

Онъ измѣнился въ лицѣ и задумался. Потомъ понемногу пришелъ въ себя, оглянулся и увидѣлъ Захара.

— Что̀ ты? спросилъ онъ угрюмо.

— Вѣдь вы велѣли стоять! сказалъ Захаръ.

— Поди! съ нетерпѣніемъ махнулъ ему Обломовъ. Захаръ быстро шагнулъ въ двери.

— Нѣтъ, постой! вдругъ остановилъ Обломовъ.

— То поди, то постой! ворчалъ Захаръ, придерживаясь рукой за дверь.

— Ка́къ же ты смѣлъ распускать про меня такіе, ни съ чѣмъ несообразные слухи? встревоженнымъ шопотомъ спрашивалъ Обломовъ.

— Когда же я, Илья Ильичъ, распускалъ? Это не я, а люди Ильинскіе сказывали, что баринъ, дескать, сватался...

— Цссс... зашипѣлъ Обломовъ, грозно махая рукой:— ни слова, никогда! Слышишь?

— Слышу, робко отвѣчалъ Захаръ.

— Не станешь распространять этой нелѣпости?

— Не стану, тихо отвѣчалъ Захаръ, не понявъ половины словъ и зная только, что они „жалкія“.

— Смотри же, чуть услышишь, заговорятъ объ этомъ, спросятъ—скажи: это вздоръ, никогда не было и быть не можетъ! шопотомъ добавилъ Обломовъ.

— Слушаю, чуть-слышно прошепталъ Захаръ.

Обломовъ оглянулся и погрозилъ ему пальцемъ. Захаръ мигалъ испуганными глазами и на цыпочкахъ уходилъ-было къ двери.

— Кто первый сказалъ объ этомъ? догнавъ, спросилъ его Обломовъ.

— Катя сказала Семену, Семенъ Никитѣ, шепталъ Захаръ:—Никита Василисѣ...

— А ты всѣмъ разболталъ! Я тебя! грозно шипѣлъ Обломовъ:—Распускать клевету про барина! А!

— Что̀ вы томите меня жалкими-то словами? сказалъ Захаръ:—я позову Анисью: она все знаетъ...

— Что́ она знаетъ? Говори, говори сейчасъ!.. Захаръ мгновенно выбрался изъ двери и съ необычайной быстротой шагнулъ въ кухню.

— Брось сковороду, пошла къ барину! сказалъ онъ Анисьѣ, указавъ ей большимъ пальцемъ на дверь. Анисья передала сковороду Акулинѣ, выдернула изъ-за пояса подолъ, ударила ладонями по бедрамъ и, утеревъ указательнымъ пальцемъ носъ, пошла къ барину. Она въ пять минутъ успокоила Илью Ильича, сказавъ ему, что никто о свадьбѣ ничего не говорилъ: вотъ побожиться не грѣхъ и даже образъ со стѣны снять, и что она въ первый разъ объ этомъ слышитъ; говорили, напротивъ, совсѣмъ другое, что баронъ, слышь, сватался за барышню...

— Какъ баронъ! вскочивъ вдругъ, спросилъ Илья Ильичъ, и у него поледенѣло не только сердце, но руки и ноги.

— И это вздоръ! поспѣшила сказать Анисья, видя что

*

она изъ огня попала въ полымя:—Это Катя только Семену сказала, Семенъ Марѳѣ, Марѳа переврала всё Никитѣ, а Никита, сказалъ, что „хорошо, еслибъ вашъ баринъ Илья Ильичъ, посваталъ барышню...“

— Какой дуракъ этотъ Никита! замѣтилъ Обломовъ.

— Точно что дуракъ, подтвердила Анисья: — онъ и за каретой когда ѣдетъ, такъ словно спитъ. Да и Василиса не повѣрила, скороговоркой продолжала она: — она еще въ Успеньевъ-день говорила ей, а Василисѣ разсказывала сама няня, что барышня и не думаетъ выходить замужъ, что статочное ли дѣло, чтобъ вашъ баринъ давно не нашелъ себѣ невѣсты, кабы захотѣлъ жениться, и что еще недавно она видѣла Самойлу, такъ тотъ даже смѣялся этому: какая дескать свадьба? И на свадьбу непохоже, а скорѣе на похороны, что у тетёньки все головка болитъ, а барышня плачутъ да молчатъ; да въ домѣ и приданаго не готовятъ; у барышни чулковъ пропасть нештопанныхъ, и тѣ не соберутся заштопать; что на той недѣлѣ даже заложили серебро...

„Заложили серебро? И у нихъ денегъ нѣтъ!“ подумалъ Обломовъ, съ ужасомъ поводя глазами по стѣнамъ и останавливая ихъ на носу Анисьи, потому-что на другомъ остановить ихъ было нѣ на чемъ. Она какъ-будто и говорила всё это не ртомъ, а носомъ.

— Смотри же, не болтать пустяковъ! замѣтилъ Обломовъ, грозя ей пальцемъ.

— Какое болтать! Я и въ мысляхъ не думаю, не токмо что болтать, трещала Анисья, какъ-будто лучину щепала: да ничего и нѣтъ, въ первый разъ слышу сегодня, вотъ передъ Господомъ Богомъ, сквозь землю провалиться! Удивилась, какъ баринъ молвилъ мнѣ, испугалась, даже затряслась вся! Какъ это можно? Какая свадьба? Никому и во снѣ не грезилось. Я ни съ кѣмъ ничего не говорю, все

на кухнѣ сижу. Съ Ильинскими людьми не видалась съ мѣсяцъ, забыла какъ ихъ и зовутъ. А здѣсь съ кѣмъ болтать? Съ хозяйкой только и разговору, что о хозяйствѣ; съ бабушкой говорить нельзя: та кашлятъ, да и на ухо крѣпка; Акулина дура набитая, а дворникъ пьяница; остаются ребятишки только: съ тѣми что говорить? Да я и барышню въ лицо забыла...

— Ну, ну, ну! говорилъ Обломовъ, съ нетерпѣніемъ махнувъ рукой, чтобъ она шла.

— Какъ можно говорить, чего нѣтъ? договаривала Анисья, уходя:—А что Никита сказалъ, такъ для дураковъ законъ неписанъ. Мнѣ самой и въ голову-то не придетъ: день-деньской маешься, маешься—до того ли? Богъ знаетъ, что это! Вотъ образъ-то на стѣнѣ... И вслѣдъ за этимъ говорящій носъ исчезъ за дверь, но говоръ еще слышался съ минуту за дверью.

— Вотъ оно что! И Анисья твердитъ: статочное ли дѣло! говорилъ шопотомъ Обломовъ, складывая ладони вмѣстѣ.

—Счастье, счастье! ѣдко проговорилъ онъ потомъ:—Какъ ты хрупко, какъ ненадежно! Покрывало, вѣнокъ, любовь, любовь! А деньги гдѣ? а жить чѣмъ? И тебя надо купить, любовь, чистое, законное благо.

Съ этой минуты мечты и спокойствіе покинули Обломова. Онъ плохо спалъ, мало ѣлъ, разсѣянно и угрюмо глядѣлъ на все.

Онъ хотѣлъ испугать Захара и испугался самъ больше его, когда вникнулъ въ практическую сторону вопроса о свадьбѣ и увидѣлъ, что это, конечно, поэтическій, но вмѣстѣ и практическій, оффиціальный шагъ къ существенной и серьёзной дѣйствительности и къ ряду строгихъ обязанностей.

А онъ не такъ воображалъ себѣ разговоръ съ Захаромъ.

Онъ вспомнилъ, какъ торжественно хотѣлъ онъ объявить объ этомъ Захару, какъ Захаръ завопилъ бы отъ радости и повалился ему въ ноги; онъ бы далъ ему двадцать-пять рублей, а Анисьѣ десять...

Все вспомнилъ, и тогдашній трепетъ счастья, руку Ольги, ея страстный поцѣлуй... и обмеръ: „Поблекло, отошло!“ раздалось внутри его.

— Что же теперь?..

V.

Обломовъ не зналъ, съ какими глазами покажется онъ къ Ольгѣ, что будетъ говорить она, что будетъ говорить онъ, и рѣшился не ѣхать къ ней въ среду, а отложить свиданіе до воскресенья, когда тамъ много народу бываетъ, и имъ наединѣ говорить не удастся.

Сказать ей о глупыхъ толкахъ людей онъ не хотѣлъ, чтобъ не тревожить ея зломъ неисправимымъ, а не говорить тоже было мудрено; притвориться съ ней онъ не съумѣетъ: она непремѣнно добудетъ изъ него все, что бы онъ ни затаилъ въ самыхъ глубокихъ пропастяхъ души.

Остановившись на этомъ рѣшеніи, онъ уже немного успокоился и написалъ въ деревню къ сосѣду, своему повѣренному, другое письмо, убѣдительно прося его поспѣшить отвѣтомъ, повозможности удовлетворительнымъ.

Затѣмъ сталъ размышлять, какъ употребить это длинное, несносное послѣ-завтра, которое было бы такъ наполнено присутствіемъ Ольги, невидимой бесѣдой ихъ душъ, ея пѣніемъ. А тутъ вдругъ Захара дернуло встревожить его такъ некстати!

Онъ рѣшился поѣхать къ Ивану Герасимовичу и отобѣдать у него, чтобъ какъ можно менѣе замѣтить этотъ несносный день. А тамъ, къ воскресенью, онъ успѣетъ при-

готовиться, да, можетъ быть, къ тому времени придетъ и отвѣтъ изъ деревни.

Пришло и послѣ завтра.

Его разбудило неистовое скаканье на цѣпи и лай собаки. Кто-то вошелъ на дворъ, кого-то спрашиваютъ. Дворникъ вызвалъ Захара. Захаръ принесъ Обломову письмо съ городской почты.

— Отъ Ильинской барышни, сказалъ Захаръ.

— Ты почемъ знаешь? сердито спросилъ Обломовъ:— Врешь!

— На дачѣ все такія письма отъ нея носили, твердилъ свое Захаръ.

„Здорова ли она? Что́ это значитъ?“ думалъ Обломовъ, распечатывая письмо.

„Не хочу ждать среды (писала Ольга): мнѣ такъ скуч-„но не видѣться подолгу съ вами, что я завтра непремѣн-„но жду въ три часа въ Лѣтнемъ Саду“.

И только.

Опять поднялась-было тревога со дна души, опять онъ началъ метаться отъ безпокойства, ка́къ говорить съ Ольгой, какое лицо сдѣлать ей.

— Не умѣю, не могу, говорилъ онъ.—Поди, узнай у Штольца!

Но онъ успокоилъ себя тѣмъ, что, вѣроятно, она пріѣдетъ съ тёткой, или съ другой дамой—съ Марьей Семеновной, напримѣръ, которая такъ ее любитъ, не налюбуется на нее. При нихъ онъ кое-какъ надѣялся скрыть свое замѣшательство и готовился быть разговорчивымъ и любезнымъ.

„И въ самый обѣдъ: нашла время“! думалъ онъ, направляясь, не безъ лѣни, къ Лѣтнему Саду.

Лишь только онъ вошелъ въ длинную аллею, онъ видѣлъ,

ка́къ съ одной скамьи встала и пошла къ нему навстрѣчу женщина подъ вуалью.

Онъ никакъ не принялъ ея за Ольгу: одна! быть не можетъ! Не рѣшится она, да и нѣтъ предлога уйти изъ дома.

Однакожь... походка какъ будто ея: такъ легко и быстро скользятъ ноги, какъ будто не переступаютъ, а движутся; такая же наклоненная немного впередъ шея и го́лова, точно она все ищетъ чего-то глазами подъ ногами у себя.

Другой бы, по шляпкѣ, по платью, замѣтилъ, но онъ, просидѣвъ съ Ольгой цѣлое утро, никогда не могъ потомъ сказать, въ какомъ она была платьѣ и шляпкѣ.

Въ саду почти никого нѣтъ; какой-то пожилой господинъ ходитъ проворно: очевидно, дѣлаетъ моціонъ для здоровья, да двѣ... не дамы, а женщины, нянька съ двумя озябшими, до синевы въ лицѣ, дѣтьми.

Листья облетѣли, видно все насквозь; вороны на деревьяхъ кричатъ такъ непріятно. Впрочемъ, ясно, день хорошъ, и если закутаться хорошенько, такъ и тепло.

Женщина подъ вуалью ближе, ближе...

— Она! сказалъ Обломовъ и остановился въ страхѣ, не вѣря глазамъ.

— Какъ, ты? Что́ ты? спросилъ онъ, взявъ ее за руку.

— Какъ я рада, что ты пришелъ, говорила она, не отвѣчая на его вопросъ:—я думала, что ты не придешь, начинала бояться!

— Какъ ты сюда, какимъ образомъ? спрашивалъ онъ, растерявшись.

— Оставь; что́ за дѣло, что̀ за распросы? Это скучно! Я хотѣла видѣть тебя и пришла—вотъ и все!

Она крѣпко пожимала ему руку и весело, беззаботно смотрѣла на него, такъ явно и открыто наслаждаясь украденнымъ у судьбы мгновеніемъ, что ему даже завидно ста-

ло, что онъ не раздѣляетъ ея игриваго настроенія. Какъ, однакожь, ни былъ онъ озабоченъ, но не могъ не забыться на минуту, увидя лицо ея, лишенное той сосредоточенной мысли, которая играла ея бровями, вливалась въ складку на лбу; теперь она являлась безъ этой, не разъ смущавшей его чудной зрѣлости въ чертахъ.

Въ эти минуты лице ея дышало такою дѣтскою довѣрчивостью къ судьбѣ, къ счастью, къ нему... Она была очень мила.

— Ахъ, какъ я рада! Какъ я рада! твердила она, улыбаясь и глядя на него:—Я думала, что не увижу тебя сегодня. Мнѣ вчера такая тоска вдругъ сдѣлалась—не знаю, отчего, и я написала. Ты радъ?

Она заглянула ему въ лицо.

— Что̀ ты такой нахмуренный сегодня? Молчишь? Ты не радъ? Я думала, ты съ ума сойдешь отъ радости, а онъ точно спитъ. Проснитесь, сударь, съ вами Ольга!

Она, съ упрекомъ, слегка оттолкнула его отъ себя.

— Ты нездоровъ? Что́ съ тобой? приставала она.

— Нѣтъ я здоровъ и счастливъ, поспѣшилъ онъ сказать, чтобъ только дѣло не доходило до добыванья тайнъ у него изъ души.—Я вотъ только тревожусь ка́къ ты одна...

— Это ужъ моя забота, сказала она съ нетерпѣніемъ.— Лучше развѣ, еслибъ я съ ma tante пріѣхала?

— Лучше, Ольга...

— Еслибъ я знала, я бы попросила ее, перебила обиженнымъ голосомъ Ольга, выпуская его руку изъ своей.— Я думала, что для тебя нѣтъ больше счастья, какъ побыть со мной.

— И нѣтъ, и быть не можетъ! возразилъ Обломовъ.— Да ка̀къ же ты одна...

— Нѐчего долго и разговаривать объ этомъ; поговоримъ лучше о другомъ, беззаботно сказала она.

— Послушай... Ахъ, что̀-то я хотѣла сказать, да забыла...

— Не о томъ ли, какъ ты одна пришла сюда? заговорилъ онъ, оглядываясь безпокойно по сторонамъ.

— Ахъ нѣтъ! Ты все свое! Ка̀къ не надоѣсть! Что́ такое я хотѣла сказать?.. Ну, все-равно, послѣ вспомню. Ахъ, ка́къ здѣсь хорошо: листья всѣ упали, feuilles d'automne — помнишь Гюго? Тамъ вонъ солнце, Нева... Пойдемъ къ Невѣ, покатаемся въ лодкѣ...

— Что́ ты? Богъ съ тобой! Этакой холодъ, а я только въ ваточной шинели...

— Я тоже въ ваточномъ платьѣ. Что̀ за нужда. Пойдемъ, пойдемъ.

Она бѣжала, тащила и его. Онъ упирался и ворчалъ. Однакожъ, надо было сѣсть въ лодку и поѣхать.

— Какъ ты это одна попала сюда? твердилъ тревожно Обломовъ.

— Сказать ка̀къ? лукаво дразнила она, когда они выѣхали на средину рѣки: — Теперь можно: ты не уйдешь отсюда, а тамъ убѣжалъ бы...

— А что̀? со страхомъ заговорилъ онъ.

— Завтра придешь къ намъ? вмѣсто отвѣта спросила она.

„Ахъ, Боже мой!“ подумалъ Обломовъ: „Она какъ будто въ мысляхъ прочла у меня, что я не хотѣлъ приходить“.

— Приду, отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Съ утра, на цѣлый день.

Онъ замялся.

— Ну, такъ не скажу, сказала она.

— Приду на цѣлый день.

— Вотъ видишь... начала она серьёзно:—я затѣмъ звала тебя сегодня сюда, чтобъ сказать тебѣ...

— Что́? съ испугомъ спросилъ онъ.

— Чтобъ ты... завтра пришелъ къ намъ...

— Ахъ, ты Боже мой! съ нетерпѣніемъ перебилъ онъ: —Да какъ ты сюда-то попала?

— Сюда? разсѣянно повторила она:—Какъ я сюда попала? Да вотъ такъ, пришла... Постой... да что объ этомъ говорить!

Она зачерпнула горстью воды и брызнула ему въ лицо. Онъ зажмурился, вздрогнулъ, а она засмѣялась.

— Какая холодная вода, совсѣмъ рука оледенѣла! Боже мой! Какъ весело, какъ хорошо! продолжала она, глядя по сторонамъ.—Поѣдемъ завтра опять, только ужъ прямо изъ дома...

— А теперь развѣ не прямо? Откуда же ты? торопливо спросилъ онъ.

— Изъ магазина, отвѣчала она.

— Изъ какого магазина?

— Ка́къ изъ какого? Я еще въ саду сказала, изъ какого...

— Да нѣтъ не сказала... съ нетерпѣніемъ говорилъ онъ.

— Не сказала! Какъ странно! Забыла! Я пошла изъ дома съ человѣкомъ, къ золотыхъ дѣлъ мастеру...

— Ну?

— Ну, вотъ... Какая это церковь? вдругъ спросила она у лодочника, указывая вдаль.

— Которая? Вонъ эта-то? переспросилъ лодочникъ.

— Смольный! нетерпѣливо сказалъ Обломовъ. — Ну, что-жъ, въ магазинъ пошла, а тамъ?

— Тамъ... славныя вещи... Ахъ, какой браслетъ я видѣла!

— Не о браслетѣ рѣчь! перебилъ Обломовъ:—что-жъ потомъ?

— Ну, и только, разсѣянно добавила она и зорко оглядывала мѣстность вокругъ.

— Гдѣ же человѣкъ? приставалъ Обломовъ.

— Домой пошелъ, едва отвѣчала она, вглядываясь въ зданія противоположнаго берега.

— А ты какъ? говорилъ онъ.

— Какъ тамъ хорошо! Нельзя ли туда? спросила она, указывая зонтикомъ на противоположную сторону.—Вѣдь ты тамъ живешь!

— Да.

— Въ какой улицѣ, покажи.

— Какъ же человѣкъ-то? спрашивалъ Обломовъ.

— Такъ, небрежно отвѣчала она: — я послала его за браслетомъ. Онъ ушелъ домой, а я сюда.

— Какъ же ты такъ? сказалъ Обломовъ, тараща на нее глаза.

Онъ сдѣлалъ испуганное лицо. И она сдѣлала нарочно такое же.

— Говори серьёзно, Ольга; полно шутить.

— Я не шучу, право такъ! сказала она покойно: — Я нарочно забыла дома браслетъ, а ma tante просила меня сходить въ магазинъ. Ты ни за что не выдумаешь этого! прибавила она съ гордостью, какъ-будто дѣло сдѣлала.

— А если человѣкъ воротится? спросилъ онъ.

— Я велѣла сказать, чтобъ подождалъ меня, что я въ другой магазинъ пошла, а сама сюда...

— А если Марья Михайловна спроситъ, въ какой другой магазинъ пошла?

— Скажу, у портнихи была.

— А если она у портнихи спроситъ?

— А если Нева вдругъ вся утечетъ въ море, а если лодка перевернется, а если Морская и нашъ домъ провалятся,

а если ты вдругъ разлюбишь меня... говорила она и опять брызнула ему въ лицо.

— Вѣдь человѣкъ ужь воротился, ждетъ... говорилъ онъ, утирая лицо.—Эй, лодочникъ, къ берегу!

— Ненадо, ненадо! приказывала она лодочнику.

— Къ берегу! человѣкъ ужь воротился, твердилъ Обломовъ.

— Пусть его! Ненадо!

Но Обломовъ настоялъ на своемъ и торопливо пошелъ съ нею по саду, а она, напротивъ, шла тихо, опираясь ему на руку.

— Что ты спѣшишь? говорила она: — Погоди, мнѣ хочется побыть съ тобой.

— Она шла еще тише, прижималась къ его плечу и близко взглядывала ему въ лицо, а онъ говорилъ ей тяжело и скучно объ обязанностяхъ, о долгѣ. Она слушала разсѣянно, съ томной улыбкой, склонивъ голову, глядя внизъ, или опять близко ему въ лицо, и думала о другомъ.

— Послушай, Ольга, заговорилъ онъ наконецъ торжественно: — подъ опасеніемъ возбудить въ тебѣ досаду, навлечь на себя упреки, я долженъ, однакожь, рѣшительно сказать, что мы зашли далеко. Мой долгъ, моя обязанность сказать тебѣ это.

— Что̀ сказать? спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Что мы дѣлаемъ очень дурно, что видимся тайкомъ.

— Ты говорилъ это еще на дачѣ, сказала она въ раздумьѣ.

— Да̀, но я тогда увлекался: одной рукой отталкивалъ, а другой удерживалъ. Ты была довѣрчива, а я... какъбудто... обманывалъ тебя. Тогда было еще ново чувство...

— А теперь ужь оно не новость, и ты начинаешь скучать...

— Ахъ, нѣтъ, Ольга! Ты несправедлива. Ново, говорю

я, и потому нѣкогда, невозможно было образумиться. Меня убиваетъ совѣсть: ты молода, мало знаешь свѣтъ и людей, и притомъ ты такъ чиста, такъ свято любишь, что тебѣ и въ голову не приходитъ, какому строгому порицанію подвергаемся мы оба за то, что̀ дѣлаемъ—больше всего я.

— Что̀ же мы дѣлаемъ? остановившись, спросила она.

— Какъ что? Ты обманываешь тётку, тайкомъ уходишь изъ дома, видишься наединѣ съ мужчиной... Попробуй сказать это все въ воскресенье, при гостяхъ...

— Отчего же не сказать? произнесла она покойно:— Пожалуй, скажу...

— И увидишь, продолжалъ онъ: — что тёткѣ твоей сдѣлается дурно, дамы бросятся вонъ, а мужчины лукаво и смѣло посмотрятъ на тебя...

Она задумалась.

— Но вѣдь мы—женихъ и невѣста! возразила она.

— Да̀, да̀, милая Ольга, говорилъ онъ, пожимая ей обѣ руки:—и тѣмъ строже намъ надо быть, тѣмъ осмотрительнѣе на каждомъ шагу. Я хочу съ гордостью вести тебя подъ руку по этой самой аллеѣ, всенародно, а не тайкомъ, чтобъ взгляды склонялись передъ тобой съ уваженіемъ, а не устремлялись на тебя смѣло и лукаво, чтобъ ни въ чьей головѣ не смѣло родиться подозрѣніе, что ты, гордая дѣвушка, могла, очертя голову, забывъ стыдъ и воспитаніе, увлечься и нарушить долгъ...

— Я не забыла ни стыда, ни воспитанія, ни долга, гордо отвѣтила она, отнявъ руку отъ него.

— Знаю, знаю, мой невинный ангелъ, но это не я говорю, это скажутъ люди, свѣтъ, и никогда не простятъ тебѣ этого. Пойми, ради Бога, чего я хочу. Я хочу чтобъ ты и въ глазахъ свѣта была чиста и безукоризненна, какова ты въ самомъ дѣлѣ...

Она шла задумавшись.

— Пойми, для чего я говорю тебѣ это: ты будешь несчастлива, и на меня одного ляжетъ отвѣтственность въ этомъ. Скажутъ, я увлекалъ, закрывалъ отъ тебя пропасть съ умысломъ. Ты чиста и покойна со мной, но кого ты увѣришь въ этомъ? Кто повѣритъ?

— Это правда, вздрогнувъ, сказала она.—Слушай-же, прибавила рѣшительно: — скажемъ все ma tante, и пусть она завтра благословитъ насъ...

Обломовъ поблѣднѣлъ.

— Что́ ты? спросила она.

— Погоди, Ольга: къ чему такъ торопиться?.. поспѣшно прибавилъ онъ.

У самого дрожали губы.

— Не ты ли, двѣ недѣли назадъ, самъ торопилъ меня? спросила она, глядя сухо и внимательно на него.

— Да я не подумалъ тогда о приготовленіяхъ, а ихъ много! сказалъ онъ, вздохнувъ. — Дождемся только письма изъ деревни.

— Зачѣмъ же дожидаться письма? — Развѣ тотъ или другой отвѣтъ можетъ измѣнить твое намѣреніе? спросила она, еще внимательнѣе глядя на него

— Вотъ мысль! Нѣтъ; а все нужно для соображеній; надо же будетъ сказать тёткѣ, когда свадьба. Съ ней мы не о любви будемъ говорить, а о такихъ дѣлахъ, для которыхъ я вовсе неприготовленъ теперь.

— Тогда и скажемъ, какъ получишь письмо, а между тѣмъ всѣ будутъ знать, что мы женихъ и невѣста, и мы будемъ видѣться ежедневно. — Мнѣ скучно, прибавила она: —я томлюсь этими длинными днями; всѣ замѣчаютъ, ко мнѣ пристаютъ, намекаютъ лукаво на тебя... Все это мнѣ надоѣло!

— Намекаютъ на меня? едва выговорилъ Обломовъ.

— Да, по милости Сонички.

— Вотъ видишь, видишь? Ты не слушала меня, разсердилась тогда!

— Ну, что, видишь? Ничего не вижу, вижу только, что ты трусъ... Я не боюсь этихъ намековъ.

— Не трусъ, а остороженъ... Но, пойдемъ, ради Бога, отсюда, Ольга: смотри, вонъ карета подъѣзжаетъ. Не знакомые ли? Ахъ! Такъ въ потъ и бросаетъ... Пойдемъ, пойдемъ... боязливо говорилъ онъ и заразилъ страхомъ и ее.

— Да, пойдемъ скорѣе, сказала и она шопотомъ, скороговоркой.

И они почти побѣжали по аллеѣ до конца сада, не говоря ни слова, Обломовъ, оглядываясь безпокойно во всѣ стороны, а она совсѣмъ склонивъ голову внизъ и закрывшись вуалью.

— Такъ завтра! сказала она, когда они были у того магазина, гдѣ ждалъ ее человѣкъ.

— Нѣтъ, лучше послѣ завтра... или нѣтъ, въ пятницу, или субботу, отвѣчалъ онъ.

— Отчего-жь?

— Да... видишь, Ольга... я все думаю, не подоспѣетъ ли письмо?

— Пожалуй. Но завтра такъ приди, къ обѣду, слышишь?

— Да, да, хорошо, хорошо! торопливо прибавилъ онъ, а она вошла въ магазинъ.

"Ахъ, Боже мой, до чего дошло! Какой камень вдругъ упалъ на меня! Что я теперь стану дѣлать? Соничка! Захаръ! франты...„

VI.

Онъ не замѣтилъ, что Захаръ подалъ ему совсѣмъ холодный обѣдъ, не замѣтилъ, какъ послѣ того очутился въ постели и заснулъ крѣпкимъ, какъ камень, сномъ.

На другой день онъ содрогнулся при мысли ѣхать къ Ольгѣ: какъ можно! Онъ живо представилъ себѣ какъ на него всѣ станутъ смотрѣть значительно.

Швейцаръ и безъ того встрѣчаетъ его какъ-то особенно ласково. Семенъ такъ и бросается, сломя голову, когда онъ спроситъ стаканъ воды. Катя, няня провожаютъ его дружелюбной улыбкой.

„Женихъ, женихъ!“ написано у всѣхъ на лбу, а онъ еще не просилъ согласія тетки, у него ни гроша денегъ нѣтъ, и онъ не знаетъ, когда будутъ, не знаетъ даже, сколько онъ получитъ дохода съ деревни въ нынѣшнемъ году; дома въ деревнѣ нѣтъ—хорошъ женихъ!

Онъ рѣшилъ, что до полученія положительныхъ извѣстій изъ деревни онъ будетъ видѣться съ Ольгой только въ воскресенье, при свидѣтеляхъ. Поэтому, когда пришло завтра, онъ не подумалъ съ утра начать готовиться ѣхать къ Ольгѣ.

Онъ не брился, не одѣвался, лѣниво перелистывалъ французскія газеты, взятыя на той недѣлѣ у Ильинскихъ, не смотрѣлъ безпрестанно на часы и не хмурился, что стрѣлка долго не подвигается впередъ.

Захаръ и Анисья думали, что онъ, по обыкновенію, не будетъ обѣдать дома, и не спрашивали его что́ готовить.

Онъ ихъ разбранилъ, объявивъ, что онъ совсѣмъ не всякую среду обѣдалъ у Ильинскихъ, что это „клевета“, что обѣдалъ онъ у Ивана Герасимовича, и что впередъ, кромѣ развѣ воскресенья, и то не каждаго, будетъ обѣдать дома.

Анисья опрометью побѣжала на рынокъ за потрохами для любимаго супа Обломова.

Приходили хозяйскія дѣти къ нему: онъ повѣрилъ сложеніе и вычитаніе у Вани и нашелъ двѣ ошибки. Машѣ налиневалъ тетрадь и написалъ большіе азы, потомъ слу-

шалъ какъ трещатъ канарейки, и смотрѣлъ въ полуотворенную дверь какъ мелькали и двигались локти хозяйки.

Часу во второмъ хозяйка изъ-за двери спросила, не хочетъ ли онъ закусить: у нихъ пекли ватрушки. Подали ватрушки и рюмку смородиновой водки.

Волненіе Ильи Ильича немного успокоилось и на него нашла только тупая задумчивость, въ которой онъ пробылъ почти до обѣда.

Послѣ обѣда, лишь только, было, онъ, лежа на диванѣ, началъ кивать головой, одолѣваемый дремотой, дверь изъ хозяйской половины отворилась и оттуда появилась Агаѳья Матвѣевна, съ двумя пирамидами чулокъ въ обѣихъ рукахъ.

Она положила ихъ на два стула, а Обломовъ вскочилъ и предложилъ ей самóй третій, но она не сѣла; это было не въ ея привычкахъ: она вѣчно на ногахъ, вѣчно въ заботѣ и въ движеніи.

— Вотъ я разобрала сегодня ваши чулки, сказала она: —пятьдесятъ-пять паръ, да почти все худые...

— Какія же вы добрыя! говорилъ Обломовъ, подходя къ ней и взявъ ее шутливо слегка за локти.

Она усмѣхнулась.

— Чтó вы безпокоитесь? Мнѣ, право, совѣстно.

— Ничего, наше дѣло хозяйское: у васъ нéкому разбирать, а мнѣ въ охоту, продолжала она. — Вотъ тутъ двадцать паръ совсѣмъ не годятся: ихъ ужь и штопать не стоитъ.

— Не надо, бросьте всѣ, пожалуйста! чтó вы занимаетесь этой дрянью. Можно новые купить...

— Кáкъ бросить, за чѣмъ? Вотъ эти можно всѣ надвязать, и она начала живо отсчитывать чулки.

— Да сядьте, пожалуйста; чтó вы стоите? предлагалъ онъ ей.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю, нéкогда поклады-ваться, отвѣчала она, уклоняясь опять отъ стула. — Сегодня стирка у насъ; надо все бѣлье приготовить.

— Вы чудо, а не хозяйка! говорилъ онъ, останавливая глаза на ея горлѣ и на груди.

Она усмѣхнулась.

— Такъ какъ же, спросила она:—надвязать чулки-то? Я бумаги и нитокъ закажу. Намъ старуха изъ деревни носитъ, а здѣсь не стóитъ покупать: все гниль.

— Если вы такъ добры, сдѣлайте одолженіе, говорилъ Обломовъ: — только мнѣ, право, совѣстно, что вы хлопочете.

— Ничего; чтó намъ дѣлать-то? Вотъ это я сама надвяжу, эти бабушкѣ дамъ; завтра золовка придетъ гостить: по вечерамъ нéчего будетъ дѣлать и надвяжемъ. У меня Маша ужъ начинаетъ вязать, только спицы все выдергиваетъ: большія, не по рукамъ.

— Уже-ли и Маша привыкаетъ? спросилъ Обломовъ.

— Ей-богу, правда.

— Незнаю, какъ и благодарить васъ, говорилъ Обломовъ, глядя на нее съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ утромъ смотрѣлъ на горячую ватрушку. — Очень, очень благодаренъ вамъ и въ долгу не останусь, особенно у Маши: шелковыхъ платьевъ накуплю ей, какъ куколку одѣну.

— Чтó вы? Чтó за благодарность? Куда ей шелковыя платья? Ей и ситцевыхъ не напасешься; такъ вотъ на ней все и горитъ, особенно башмаки: не успѣваемъ на рынкѣ покупать.

Она встала и взяла чулки.

— Куда-жъ вы торопитесь? говорилъ онъ. — Посидите, я не занятъ.

— Въ другое время когда-нибудь, въ праздникъ; и вы

къ намъ, милости просимъ, кофе кушать. А теперь стирка: я пойду посмотрю, что Акулина, начала ли?..

— Ну, Богъ съ вами, не смѣю задерживать, сказалъ Обломовъ, глядя ей вслѣдъ въ спину и на локти.

— Еще я халатъ вашъ достала изъ чулана, продолжала она: — его можно починить и вымыть: матерія такая славная! Онъ долго прослужитъ.

— Напрасно! Я его не ношу больше, я отсталъ, онъ мнѣ ненуженъ.

— Ну, все-равно, пусть вымоютъ: можетъ-быть надѣнете когда-нибудь... къ свадьбѣ! досказала она, усмѣхаясь и захлопывая дверь.

У него вдругъ и сонъ отлетѣлъ, и уши навострились, и глаза онъ вытаращилъ.

— И она знаетъ—всѣ! сказалъ онъ, опускаясь на приготовленный ей стулъ.—О, Захаръ, Захаръ!

Опять полились на Захара „жалкія“ слова, опять Анисья заговорила носомъ, что „она въ первый разъ отъ хозяйки слышитъ о свадьбѣ, что, въ разговорахъ съ ней, даже помину не было, да и свадьбы нѣтъ, и статочное ли дѣло? Это выдумалъ, должно-быть, врагъ рода человѣческаго, хоть сейчасъ сквозь землю провалиться, и что хозяйка тоже готова снять образъ со стѣны, что она про Ильинскую барышню и не слыхивала, а разумѣла какую-нибудь другую невѣсту...“

И много говорила Анисья, такъ-что Илья Ильичъ замахалъ рукой. Захаръ попробовалъ-было на другой день попроситься въ старый домъ, въ Гороховую, въ гости сходить, такъ Обломовъ такихъ гостей задалъ ему, что онъ насилу ноги унесъ.

— Тамъ еще не знаютъ, такъ надо распустить клевету. Дома сиди! прибавилъ Обломовъ грозно.

Прошла среда. Въ четвергъ Обломовъ получилъ опять по

городской почтѣ письмо отъ Ольги, съ вопросомъ, что значитъ, что̀ такое случилось, что его не было. Она писала, что проплакала цѣлый вечеръ и почти не спала ночь.

— Плачетъ не спитъ этотъ ангелъ! восклицалъ Обломовъ. — Господи! Зачѣмъ она любитъ меня? Зачѣмъ я люблю ее? Зачѣмъ мы встрѣтились? Это все Андрей: онъ привилъ любовь, какъ оспу, намъ обоимъ. И что̀ это за жизнь, все волненія, да тревоги! Когда же будетъ мирное счастье, покой?

Онъ съ громкими вздохами ложился, вставалъ, даже выходилъ на улицу, и все доискивался нормы жизни, такого существованія, которое было бы и исполнено содержанія, и текло бы тихо, день за днемъ, капля по каплѣ, въ нѣмомъ созерцаніи природы и тихихъ, едва-ползущихъ явленіяхъ семейной, мирно-хлопотливой жизни. Ему не хотѣлось воображать ее широкой, шумно-несущейся рѣкой, съ кипучими волнами, какъ воображалъ ее Штольцъ.

— Это болѣзнь, говорилъ Обломовъ:—горячка, скаканье съ порогами, съ прорывами плотинъ, съ наводненіями.

Онъ написалъ Ольгѣ, что въ Лѣтнемъ Саду простудился немного, долженъ былъ напиться горячей травы и просидѣть дня два дома, что теперь все прошло и онъ надѣется видѣть ее въ воскресенье.

Она написала ему отвѣтъ и похвалила, что онъ побережется, совѣтовала остаться дома и въ воскресенье, если нужно будетъ, и прибавила, что она лучше проскучаетъ съ недѣлю, чтобъ только онъ берегся.

Отвѣтъ принесъ Никита, тотъ самый, который, по словамъ Анисьи, былъ главнымъ виновникомъ болтовни. Онъ принесъ отъ барышни новыя книги, съ порученіемъ отъ Ольги прочитать и сказать, при свиданіи, сто́итъ ли ихъ читать ей самой.

Она требовала отвѣта о здоровьѣ. Обломовъ, написавъ

отвѣтъ, самъ отдалъ его Никитѣ и прямо изъ передней выпроводилъ его на дворъ и провожалъ глазами до калитки, чтобъ онъ не вздумалъ зайти на кухню и повторить тамъ „клевету“, и чтобъ Захаръ не пошелъ провожать его на улицу.

Онъ обрадовался предложенію Ольги поберечься и не приходить въ воскресенье и написалъ ей, что, дѣйствительно, для совершеннаго выздоровленія, нужно просидѣть еще нѣсколько дней дома.

Въ воскресенье онъ былъ съ визитомъ у хозяйки, пилъ кофе, ѣлъ горячій пирогъ, и къ обѣду посылалъ Захара на ту сторону, за мороженымъ и конфектами для дѣтей.

Захара насилу перевезли черезъ рѣку назадъ; мосты уже сняли, и Нева собралась замерзнуть. Обломову нельзя было думать и въ среду ѣхать къ Ольги.

Конечно, можно было бы броситься сейчасъ же на ту сторону, поселиться на нѣсколько дней у Ивана Герасимовича и бывать, даже обѣдать каждый день у Ольгѣ.

Предлогъ былъ законный: Нева захватила на той сторонѣ, не успѣлъ переправиться.

У Обломова первымъ движеніемъ была эта мысль, и онъ быстро спустилъ ноги на полъ, но, подумавъ немного, съ заботливымъ лицомъ и со вздохомъ, медленно опять улегся на своемъ мѣстѣ.

„Нѣтъ, пусть замолкнутъ толки, пусть постороннія лица, посѣщающія домъ Ольги, забудутъ немного его и увидятъ ужъ опять каждый день тамъ тогда, когда они объявлены будутъ женихомъ и невѣстой“.

— Скучно ждать, да нéчего дѣлать, прибавилъ онъ со вздохомъ, принимаясь за присланныя отъ Ольги книги.

Онъ прочелъ страницъ пятнадцать. Маша пришла звать его, не хочетъ ли пойти на Неву: всѣ идутъ посмотрѣть, какъ становится рѣка. Онъ пошелъ и воротился къ чаю.

Такъ проходили дни. Илья Ильичъ скучалъ, читалъ, ходилъ по улицѣ, а дома заглядывалъ въ дверь къ хозяйкѣ, чтобъ, отъ скуки, перемолвить слова два. Онъ даже смололъ ей однажды фунта три кофе съ такимъ усердіемъ, что у него лобъ сталъ мокрый.

Онъ хотѣлъ-было дать ей книгу прочесть. Она, медленно шевеля губами, прочла про себя заглавіе и возвратила книгу, сказавъ, что когда придутъ святки, такъ она возьметъ ее у него и заставитъ Ваню прочесть вслухъ, тогда и бабушка послушаетъ, а теперь некогда.

Между тѣмъ на Неву настлали мостки, и однажды скаканье собаки на цѣпи и отчаянный лай возвѣстили вторичный приходъ Никиты съ запиской, съ вопросомъ о здоровьѣ и съ книгой.

Обломовъ боялся, чтобъ и ему не пришлось идти по мосткамъ на ту сторону, спрятался отъ Никиты, написавъ въ отвѣтъ, что у него сдѣлалась маленькая опухоль въ горлѣ, что онъ не рѣшается еще выходить со двора, и что „жестокая судьба лишаетъ его счастья еще нѣсколько дней видѣть ненаглядную Ольгу“.

Онъ накрѣпко наказалъ Захару, не смѣть болтать съ Никитой, и опять глазами проводилъ послѣдняго до калитки, а Анисьѣ погрозилъ пальцемъ, когда она показала было носъ изъ кухни и что-то хотѣла спросить Никиту.

VII.

Прошла недѣля. Обломовъ, вставъ утромъ, прежде всего съ безпокойствомъ спрашивалъ, наведены ли мосты?

— Нѣтъ еще, говорили ему, и онъ мирно проводилъ день, слушая постукиванье маятника, трескъ кофейной мельницы и пѣніе канареекъ.

Цыплята не пищалие больше, они давно стали пожилыми

курами и прятались по курятникамъ. Книгъ, присланныхъ Ольгой, онъ не успѣлъ прочесть: какъ на сто-пятой страницѣ онъ положилъ книгу, обернувъ переплетомъ вверхъ, такъ она и лежитъ уже нѣсколько дней.

Зато онъ чаще занимается съ дѣтьми хозяйки. Ваня такой понятливый мальчикъ, въ три раза запомнилъ главные города въ Европѣ, и Илья Ильичъ обѣщалъ, какъ только поѣдетъ на ту сторону, подарить ему маленькій глобусъ; а Машенька обрубила ему три платка—плохо, правда, но зато она такъ смѣшно трудится маленькими ручонками и все бѣгаетъ показать ему каждый обрубленный вершокъ.

Съ хозяйкой онъ бесѣдовалъ безпрестанно, лишь только завидитъ ея локти въ полуотворенную дверь. Онъ уже, по движенію локтей, привыкъ распознавать, что́ дѣлаетъ хозяйка, сѣетъ, мелетъ, или гладитъ.

Даже пробовалъ заговорить съ бабушкой, да она не сможетъ никакъ докончить разговора: остановится на полусловѣ, упретъ кулакомъ въ стѣну, согнется и давай кашлять, точно трудную работу какую-нибудь исправляетъ, потомъ о́хнетъ—тѣмъ весь разговоръ и кончится.

Только братца одного не видитъ онъ совсѣмъ, или видитъ, какъ мелькаетъ большой пакетъ мимо оконъ, а самого его будто и не слыхать въ домѣ. Даже когда Обломовъ нечаянно вошелъ въ комнату, гдѣ они обѣдаютъ, сжавшись въ тѣсную кучу, братецъ на́скоро вытеръ пальцами губы и скрылся въ свою свѣтлицу.

Однажды, лишь только Обломовъ беззаботно проснулся утромъ и принялся за кофе, вдругъ Захаръ донесъ, что мосты наведены. У Обломова стукнуло сердце.

— А завтра воскресенье, сказалъ онъ:—надо ѣхать къ Ольгѣ, цѣлый день мужественно выносить значительные и любопытные взгляды постороннихъ, потомъ объявить ей,

когда намѣренъ говорить съ теткой. А онъ еще все на той же точкѣ невозможности двинуться впередъ.

Ему живо представилось, какъ онъ объявленъ женихомъ, какъ на другой, на третій день пріѣдутъ разныя дамы и мужчины, какъ онъ вдругъ станетъ предметомъ любопытства, какъ дадутъ оффиціальный обѣдъ, будутъ пить его здоровье. Потомъ... потомъ, по праву и обязанности жениха, онъ привезетъ невѣстѣ подарокъ...

— Подарокъ! съ ужасомъ сказалъ онъ себѣ и расхохотался горькимъ смѣхомъ.

Подарокъ! А у него двѣсти рублей въ карманѣ! Если деньги и пришлютъ, такъ къ Рождеству, а можетъ-быть и позже, когда продадутъ хлѣбъ, а когда продадутъ, сколько его тамъ и какъ велика сумма выручена будетъ — все это должно объяснить письмо, а письма нѣтъ. Какъ-же быть-то? Прощай двухнедѣльное спокойствіе!

Между этими заботами рисовалось ему прекрасное лицо Ольги, ея пушистыя, говорящія брови и эти умные сѣро-голубые глаза, и вся головка, и коса ея, которую она спускала какъ-то низко на затылокъ, такъ что она продолжала и дополняла благородство всей ея фигуры, начиная съ головы до плечъ и стана.

Но лишь только онъ затрепещетъ отъ любви, тотчасъ же, какъ камень, сваливается на него тяжелая мысль: какъ быть, что́ дѣлать, какъ приступить къ вопросу о свадьбѣ, гдѣ взять денегъ, чѣмъ потомъ жить?..

„Подожду еще; авось письмо придетъ завтра или послѣзавтра“. И онъ принимался разсчитывать, когда должно придти въ деревню его письмо, сколько времени можетъ промедлить сосѣдъ и какой срокъ понадобится для присылки отвѣта.

„Въ эти три, много четыре дня должно придти; подожду

ѣхать къ Ольгѣ," рѣшилъ онъ, тѣмъ болѣе, что она едвали знаетъ, что мосты наведены...

— Катя, навели мосты? проснувшись въ то же утро, спросила Ольга у своей горничной.

И этотъ вопросъ повторялся каждый день. Обломовъ не подозрѣвалъ этого.

— Не знаю, барышня; нынче не видала ни кучера, ни дворника, а Никита не знаетъ.

— Ты никогда не знаешь, что́ мнѣ нужно! съ неудовольствіемъ сказала Ольга, лежа въ постели и разсматривая цѣпочку на шеѣ.

— Я сейчасъ узнаю, барышня. Я не смѣла отойти, думала, что вы проснетесь, а то бы давно сбѣгала. И Катя исчезла изъ комнаты.

А Ольга отодвинула ящикъ столика и достала послѣднюю записку Обломова. „Боленъ, бѣдный" заботливо думала она: „онъ тамъ одинъ, скучаетъ... Ахъ, Боже мой, скоро ли..."

Она не окончила мысли, а раскраснѣвшаяся Катя влетѣла въ комнату.

— Наведены, наведены сегодня въ ночь! радостно сказала она и приняла быстро-вскочившую съ постели барышню на руки, накинула на нее блузу и пододвинула крошечныя туфли. Ольга проворно отворила ящикъ, вынула что́-то оттуда и опустила въ руку Катѣ, а Катя поцѣловала у ней руку. Все это—прыжокъ съ постели, опущенная монета въ руку Кати и поцѣлуй барышниной руки случилось въ одну и ту же минуту. „Ахъ, завтра воскресенье: какъ это кстати! Онъ придетъ!" подумала Ольга и живо одѣлась, наскоро напилась чаю и поѣхала съ теткой въ въ магазинъ.

— Поѣдемте, ma tante, завтра въ Смольный, къ обѣднѣ, просила она.

Тетка прищурилась немного, подумала, потомъ сказала:

— Пожалуй; только какая даль, ma chère! Что это тебѣ вздумалось зимой!

А Ольгѣ вздумалось только потому, что Обломовъ указалъ ей эту церковь съ рѣки, и ей захотѣлось помолиться въ ней... о немъ, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ любилъ ее, чтобъ былъ счастливъ ею, чтобъ... эта нерѣшительность, неизвѣстность скорѣе кончилась... Бѣдная Ольга!

Настало и воскресенье. Ольга какъ-то искусно умѣла весь обѣдъ устроить по вкусу Обломова.

Она надѣла бѣлое платье, скрыла подъ кружевами подаренный имъ браслетъ, причесалась какъ онъ любитъ; наканунѣ велѣла настроить фортепьяно и утромъ попробовала спѣть Casta diva. И голосъ такъ звученъ, какъ не былъ съ дачи. Потомъ стала ждать.

Баронъ засталъ ее въ этомъ ожиданіи и сказалъ, что она опять похорошѣла, какъ лѣтомъ, но что немного похудѣла.

— Отсутствіе деревенскаго воздуха и маленькій безпорядокъ въ образѣ жизни замѣтно подѣйствовали на васъ, сказалъ онъ.—Вамъ, милая Ольга Сергѣвна, нуженъ воздухъ полей и деревня.

Онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ей руку, такъ-что крашеные усы оставили даже маленькое пятнышко на пальцахъ.

— Да, деревня, отвѣчала она задумчиво, но не ему, а такъ кому-то, на воздухъ.

— A propos о деревнѣ, прибавилъ онъ:—въ будущемъ мѣсяцѣ дѣло ваше кончится, и въ апрѣлѣ вы можете ѣхать въ свое имѣніе. Оно невелико, но мѣстоположеніе—чудо! Вы будете довольны. Какой домъ! Садъ! Тамъ есть одинъ павильйонъ, на горѣ: вы его полюбите. Видъ на рѣку... вы не помните, вы пяти лѣтъ были, когда папа выѣхалъ оттуда и увезъ васъ.

— Ахъ, какъ я буду рада! сказала она и задумалась.

„Теперь ужь рѣшено“ думала она: „мы поѣдемъ туда, но онъ узнаетъ объ этомъ не прежде, какъ...“

— Въ будущемъ мѣсяцѣ, баронъ? живо спросила она: —Это вѣрно?

— Какъ то, что вы прекрасны вообще, а сегодня въ особенности, сказалъ онъ и пошелъ къ тёткѣ.

Ольга осталась на своемъ мѣстѣ и замечталась о близкомъ счастьѣ, но она рѣшилась не говорить Обломову объ этой новости, о своихъ будущихъ планахъ.

Она хотѣла дослѣдить до конца, какъ въ его лѣнивой душѣ любовь совершитъ переворотъ, какъ окончательно спадетъ съ него гнётъ, какъ онъ не устоитъ передъ близкимъ счастьемъ, получитъ благопріятный отвѣтъ изъ деревни и, сіяющій, прибѣжитъ, прилетитъ и положитъ его къ ея ногамъ, какъ они оба, въ перегонку, бросятся къ тёткѣ, и потомъ...

Потомъ вдругъ она скажетъ ему, что и у нея есть деревня, садъ, павильйонъ, видъ на рѣку и домъ, совсѣмъ готовый для житья, какъ надо прежде поѣхать туда, потомъ въ Обломовку.

„Нѣтъ, не хочу благопріятнаго отвѣта“, подумала она: „онъ загордится и не почувствуетъ даже радости, что у меня есть свое имѣніе, домъ, садъ... Нѣтъ, пусть онъ лучше придетъ разстроенный непріятнымъ письмомъ, что въ деревнѣ безпорядокъ, что надо ему побывать самому. Онъ поскачетъ, сломя голову, въ Обломовку, наскоро сдѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія, многое забудетъ, не съ умѣетъ, все кое-какъ, и поскачетъ обратно, и вдругъ узнаетъ, что ненадо было скакать—что есть домъ, садъ и павильйонъ съ видомъ, что есть гдѣ жить и безъ его Обломовки... Да, да, она ни за что не скажетъ ему, выдержитъ до конца; пусть онъ съѣздитъ туда, пусть пошевелится, оживетъ—все для

нея, во имя будущаго счастья! Или, нѣтъ: зачѣмъ посылать его въ деревню, разставаться? Нѣтъ, когда онъ въ дорожномъ платьѣ придетъ къ ней блѣдный, печальный, прощаться на мѣсяцъ, она вдругъ скажетъ ему, что не надо ѣхать до лѣта: тогда вмѣстѣ поѣдутъ...

Такъ мечтала она, и побѣжала къ барону, и искусно предупредила его, чтобъ онъ до времени объ этой новости не говорилъ никому, рѣшительно *никому*. Подъ этимъ *никому* она разумѣла одного Обломова.

— Да, да, зачѣмъ? подтвердилъ онъ:—Развѣ мсьё Обломову только, если рѣчь зайдетъ...

Ольга выдержала себя и равнодушно сказала:

— Нѣтъ, и ему не говорите.

— Ваша воля, вы знаете, для меня законъ... прибавилъ баронъ любезно.

Она была не безъ лукавства. Если ей очень хотѣлось взглянуть на Обломова при свидѣтеляхъ, она прежде взглянетъ поперемѣнно на троихъ другихъ, потомъ ужь на него.

Сколько соображеній—все для Обломова! Сколько разъ загорались два пятна у ней на щекахъ! Сколько разъ она тронетъ то тотъ, то другой клавишъ, чтобъ узнать, не слишкомъ ли высоко настроено фортепіано, или переложитъ ноты съ одного мѣста на другое! И вдругъ нѣтъ его! Что́ это значитъ!

Три, четыре часа—все нѣтъ! Въ половинѣ пятаго красота ея, расцвѣтаніе начали пропадать: она стала замѣтно увядать и сѣла за столъ поблѣднѣвшая.

А прочіе ничего: никто и не замѣчаетъ—всѣ ѣдятъ тѣ блюда, которыя готовились для него, разговариваютъ такъ весело, равнодушно.

Послѣ обѣда, вечеромъ—его нѣтъ, нѣтъ. До десяти часовъ она волновалась надеждой, страхомъ; въ десять часовъ ушла къ себѣ.

Сначала она обрушила мысленно на его голову всю желчь, накипѣвшую въ сердцѣ; не было ѣдкаго сарказма, горячаго слова, какія только были въ ея лексиконѣ, которыми бы она мысленно не казнила его.

Потомъ вдругъ, какъ-будто весь организмъ ея наполнился огнемъ, потомъ льдомъ.

„Онъ боленъ; онъ одинъ; онъ не можетъ даже писать“... сверкнуло у ней въ головѣ.

Это убѣжденіе овладѣло ею вполнѣ и не дало ей уснуть всю ночь. Она лихорадочно вздремнула два часа, бредила ночью, но потомъ, утромъ встала, хотя блѣдная, но такая покойная, рѣшительная.

Въ понедѣльникъ утромъ хозяйка заглянула къ Обломову въ кабинетъ и сказала:

— Васъ какая-то дѣвушка спрашиваетъ.

— Меня? Не можетъ быть! отвѣчалъ Обломовъ.

— Гдѣ она?

— Вотъ здѣсь: она ошиблась, на наше крыльцо пришла. Впустить?

Обломовъ не зналъ еще на что рѣшиться, какъ передъ нимъ очутилось Катя. Хозяйка ушла.

— Катя! съ изумленіемъ сказалъ Обломовъ:—Какъ ты? Что ты?

— Барышня здѣсь, шопотомъ отвѣчала она:—велѣли спросить...

Обломовъ измѣнился въ лицѣ.

— Ольга Сергѣевна! въ ужасѣ шепталъ онъ:—Неправда, Катя, ты пошутила? Не мучь меня!

— Ей-богу, правда: въ наемной каретѣ, въ чайномъ магазинѣ остановились, дожидаются, сюда хотятъ. Послали меня сказать, чтобъ Захара выслали куда-нибудь. Онѣ черезъ полчаса будутъ.

— Я лучше самъ пойду. Какъ можно ей сюда? сказалъ Обломовъ.

— Не успѣете: онѣ, того-и-гляди, войдутъ; онѣ думаютъ, что вы нездоровы. Прощайте, я побѣгу: онѣ однѣ, ждутъ меня..

Иушла.

Обломовъ съ необычайной быстротой надѣлъ галстухъ, жилетъ, сапоги и кликнулъ Захара.

— Захаръ, ты недавно просился у меня въ гости на ту сторону, въ Гороховую, что ли, такъ вотъ, ступай теперь! съ лихорадочнымъ волненіемъ говорилъ Обломовъ.

— Не пойду, рѣшительно отвѣчалъ Захаръ.

— Нѣтъ, ты ступай! настойчиво говорилъ Обломовъ.

— Что за гости въ будни? Не пойду! упрямо сказалъ Захаръ.

— Поди же, повеселись, не упрямься, когда баринъ дѣлаетъ милость, отпускаетъ тебя... ступай къ пріятелямъ!

— Ну ихъ, пріятелей-то!

— Развѣ тебѣ не хочется повидаться съ ними?

— Мерзавцы все такіе, что иной разъ не глядѣлъ бы!

— Поди же, поди! настоичйво твердилъ Обломовъ и кровь у него бросилась въ голову.

— Нѣтъ, сегодня цѣлый день дома пробуду, а вотъ въ воскресенье, пожалуй! равнодушно отнѣкивался Захаръ.

— Теперь же, сейчасъ! въ волненіи торопилъ его Обломовъ:—Ты долженъ...

— Да куда я пойду семь верстъ киселя ѣсть? отговаривался Захаръ.

— Ну, поди погуляй часа два: видишь, рожа-то у тебя какая заспанная—провѣтрись!

— Рожа, какъ рожа: обыкновенно какая бываетъ у нашего брата! сказалъ Захаръ, лѣниво глядя въ окно.

„Ахъ, ты Боже мой, сейчасъ явится!“ думалъ Обломовъ, отирая потъ на лбу.

— Ну, пожалуйста, поди, погуляй, тебя просятъ! На, вотъ, двугривенный: выпей пива съ пріятелемъ.

— Я лучше на крыльцѣ побуду:—а то куда я въ морозъ пойду? У воротъ, пожалуй, посижу, это могу...

— Нѣтъ, дальше отъ воротъ, живо сказалъ Обломовъ: —въ другую улицу ступай, вонъ туда, налѣво, къ саду... на ту сторону.

„Что̀ за диковина?“ думалъ Захаръ: „гулять гонитъ; этого не бывало“.

— Я лучше въ воскресенье, Илья Ильичъ...

— Уйдешь ли ты? сжавъ зубы, заговорилъ Обломовъ, напирая на Захара.

Захаръ скрылся, а Обломовъ позвалъ Анисью.

— Ступай на рынокъ, сказалъ онъ ей, и купи тамъ къ обѣду...

— Къ обѣду все куплено; скоро будетъ готовъ... заговорилъ-было носъ.

— Молчать и слушать! крикнулъ Обломовъ, такъ-что Анисья оробѣла.

— Купи... хоть спаржи... договорилъ онъ, придумывая и не зная, зачѣмъ послать ее.

— Какая теперь, батюшка, спаржа? Да и гдѣ здѣсь ее найдешь...

— Маршъ! закричалъ онъ, и она убѣжала.—Бѣги, что̀ есть мо́чи туда, кричалъ онъ ей вслѣдъ, и не оглядывайся, а оттуда какъ можно тише иди, раньше двухъ часовъ и носа не показывай.

— Что́ это за диковина! говорилъ Захаръ Анисьѣ, столкнувшись съ ней за воротами:—Гулять прогналъ, двугривенный далъ. Куда я пойду гулять?

— Барское дѣло, замѣтила сметливая Анисья:—ты поди къ Артемью, графскому кучеру, напой его чаемъ: онъ все поитъ тебя, а я побѣгу на рынокъ.

— Что это за диковина, Артемій? сказалъ Захаръ и ему.—Баринъ гулять прогналъ, и на пиво далъ...

— Да не вздумалъ ли самъ нализаться? остроумно догадался Артемій:—такъ и тебѣ далъ, чтобъ не завидно было. Пойдемъ!

Онъ мигнулъ Захару и махнулъ головой въ какую-то улицу.

— Пойдемъ! повторилъ Захаръ и тоже махнулъ головой въ ту улицу.

— Экая диковина: гулять прогналъ! съ усмѣшкой сипѣлъ онъ про себя.

Они ушли, а Анисья, добѣжавъ до перваго перекрестка, присѣла за плетень, въ канавѣ, и ждала, что́ будетъ.

Обломовъ прислушивался и ждалъ: вотъ кто-то взялся за кольцо у калитки, и въ то же мгновеніе раздался отчаянный лай и началось скаканье на цѣпи собаки.

— Проклятая собака! проскрежеталъ зубами Обломовъ, схватилъ фуражку и бросился къ калиткѣ, отворилъ ее и почти въ объятіяхъ донесъ Ольгу до крыльца.

Она была одна. Катя ожидала ее въ каретѣ, неподалеку отъ воротъ.

— Ты здоровъ? Не лежишь? Что съ тобой? бѣгло спросила она, не снимая ни салопа, ни шляпки и оглядывая его съ ногъ до головы, когда они вошли въ кабинетъ.

— Теперь мнѣ лучше, горло прошло... почти совсѣмъ, сказалъ онъ, дотрогиваясь до горла и кашлянувъ слегка.

— Что-жь ты не былъ вчера? спросила она, глядя на него такимъ добывающимъ взглядомъ, что онъ не могъ сказать ни слова.

— Какъ это ты рѣшилась, Ольга, на такой поступокъ? съ ужасомъ заговорилъ онъ:—Ты знаешь ли, что ты дѣлаешь...

— Объ этомъ послѣ! перебила она, нетерпѣливо. — Я спрашиваю тебя: что́ значитъ, что тебя не видать?

Онъ молчалъ.

— Не ячмень ли сѣлъ? спросила она.

Онъ молчалъ.

— Ты не былъ боленъ; у тебя не болѣло горло, сказала она, сдвинувъ брови.

— Не былъ, отвѣчалъ Обломовъ голосомъ школьника.

— Обманулъ меня!—Она съ изумленіемъ глядѣла на него.—Зачѣмъ?

— Я все объясню тебѣ, Ольга, оправдывался онъ: — важная причина заставила меня не быть двѣ недѣли... я боялся...

— Чего? спросила она, садясь и снимая шляпу и салопъ.

Онъ взялъ то и другое и положилъ на диванъ.

— Толковъ, сплетней...

— А не боялся, что я не спала ночь, Богъ знаетъ, что́ передумала и чуть не слегла въ постель? сказала она, поводя по немъ испытующимъ взглядомъ.

— Ты не знаешь, Ольга, что тутъ происходитъ у меня, говорилъ онъ, показывая на сердце и голову:—я весь въ тревогѣ, какъ въ огнѣ. Ты не знаешь, что случилось?

— Что еще случилось? спросила она холодно.

— Какъ далеко распространился слухъ о тебѣ и обо мнѣ! Я не хотѣлъ тебя тревожить и боялся показаться на глаза.

Онъ разсказалъ ей все, что слышалъ отъ Захара, отъ Анисьи, припомнилъ разговоръ франтовъ и заключилъ, сказавъ, что съ тѣхъ поръ онъ не спитъ, что онъ въ каждомъ взглядѣ видитъ вопросъ, или упрекъ, или лукавые намёки на ихъ свиданія.

— Но вѣдь мы рѣшили объявить на этой недѣли та

tante, возразила она: — тогда эти толки должны замолкнуть...

— Да; но мнѣ не хотѣлось заговариваться съ тёткой до нынѣшней недѣли, до полученія письма. Я знаю, она не о любви моей спроситъ, а объ имѣніи, войдетъ въ подробности, а этого ничего я не могу объяснить, пока не получу отвѣта отъ повѣреннаго.

Она вздохнула.

— Еслибъ я не знала тебя, въ раздумьѣ говорила она: — я Богъ знаетъ, что могла бы подумать. Боялся тревожить меня толками лакеевъ, а не боялся мнѣ сдѣлать тревогу! Я перестаю понимать тебя.

— Я думалъ, что болтовня ихъ взволнуетъ тебя. Катя, Марѳа, Семенъ и этотъ дуракъ Никита, Богъ знаетъ, что говорятъ...

— Я давно знаю, что они говорятъ, равнодушно сказала она.

— Какъ, знаешь?

— Такъ. Катя и няня давно донесли мнѣ объ этомъ, спрашивали о тебѣ, поздравляли меня...

— Ужели поздравляли? съ ужасомъ спросилъ онъ: — Что жь ты?

— Ничего, поблагодарила; нянѣ подарила платокъ, а она обѣщала сходить къ Сергію пѣшкомъ. Катѣ взялась выхлопотать отдать ее замужъ за кондитера: у ней есть свой романъ...

Онъ смотрѣлъ на нее испуганными и изумленными глазами.

— Ты бываешь каждый день у насъ: очень натурально, что люди толкуютъ объ этомъ, прибавила она: — они первые начинаютъ говорить. Съ Соничкой было тоже: что же это такъ пугаетъ тебя?

*

— Такъ вотъ откуда эти слухи? сказалъ онъ протяжно.

— Развѣ они неосновательны? Вѣдь это прада?

— Правда! ни вопросительно, ни отрицательно повторилъ Обломовъ.—Да, прибавилъ онъ потомъ:—въ самомъ дѣлѣ, ты права: только я не хочу, чтобъ они знали о нашихъ свиданіяхъ, оттого и боюсь...

— Ты боишься, дрожишь, какъ мальчикъ... Не понимаю! Развѣ ты крадешь меня?

Ему было неловко; она внимательно глядѣла на него.

— Послушай, сказала она:—тутъ есть какая-то ложь, что-то не то... Поди сюда и скажи все, что у тебя на душѣ. Ты могъ не быть день, два—пожалуй, недѣлю, изъ предосторожности, но все бы ты предупредилъ меня, написалъ. Ты знаешь, я ужь не дитя и меня не такъ легко смутить вздоромъ. Что это все значитъ?

Онъ задумался, потомъ поцѣловалъ у ней руку и вздохнулъ.

— Вотъ что Ольга, я думаю, сказалъ онъ:—у меня все это время такъ напугано воображеніе этими ужасами за тебя, такъ истерзанъ умъ заботами, сердце наболѣло, то отъ, сбывающихся, то отъ пропадающихъ надеждъ, отъ ожиданій, что весь организмъ мой потрясенъ: онъ нѣмѣетъ, требуетъ хоть временнаго успокоенія...

— Отчего жъ у меня не нѣмѣетъ, и я ищу успокоенія только подлѣ тебя?

— У тебя молодыя, крѣпкія силы и ты любишь ясно, покойно, а я... но ты знаешь, какъ я тебя люблю! сказалъ онъ, сползая на полъ и цѣлуя ея руки.

— Нѣтъ еще, мало знаю,—ты такъ страненъ, что я теряюсь въ соображеніяхъ; у меня гаснутъ умъ и надежда... скоро мы перестанемъ понимать другъ друга: тогда худо!

Они замолчали.

— Что жь ты дѣлалъ эти дни? спросила она, въ первый

разъ оглядывая глазами комнату.—У тебя нехорошо:—какія низенькія комнаты! Окна маленькія, обои старые... Гдѣ жь еще у тебя комнаты?

Онъ бросился показывать ей квартиру, чтобъ замять вопросъ о томъ, что онъ дѣлалъ эти дни. Потомъ она сѣла на диванъ, онъ помѣстился опять на коврѣ, у ногъ ея.

— Что жь ты дѣлалъ двѣ недѣли? допрашивала она.

— Читалъ, писалъ, думалъ о тебѣ.

— Прочелъ мои книги? Что онѣ? Я возьму ихъ съ собой.

Она взяла со стола книгу и посмотрѣла на развернутую страницу: страница запылилась.

— Ты не читалъ! сказала она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Она посмотрѣла на измятыя, шитыя подушки, на безпорядокъ, на запыленныя окна, на письменный столъ, перебрала нѣсколько покрытыхъ пылью бумагъ, пошевелила перо въ сухой чернильницѣ и съ изумленіемъ поглядѣла на него.

— Что жь ты дѣлалъ? повторила она.—Ты не читалъ и не писалъ?

— Времени мало было, началъ онъ, запинаясь:—утромъ встанешь, убираютъ комнаты, мѣшаютъ, потомъ начнутся толки объ обѣдѣ, тутъ хозяйскія дѣти придутъ, просятъ задачу повѣрить, а тамъ и обѣдъ. Послѣ обѣда... когда читать?

— Ты спалъ послѣ обѣда, сказала она такъ положительно, что послѣ минутнаго колебанія, онъ тихо отвѣчалъ:

— Спалъ...

— Зачѣмъ же?

— Чтобъ не замѣчать времени: тебя не было со мной, Ольга, и жизнь скучна, несносна безъ тебя...

Онъ остановился, а она строго глядѣла на него.

— Илья! серьёзно заговорила она:—Помнишь, въ паркѣ, когда ты сказалъ, что въ тебѣ загорѣлась жизнь, увѣрялъ, что я—цѣль твоей жизни, твой идеалъ, взялъ меня за руку и сказалъ, что она твоя—помнишь, какъ я дала тебѣ согласіе?

— Да развѣ это можно забыть? Развѣ это не перевернуло всю мою жизнь? Ты не видишь, какъ я счастливъ?

— Нѣтъ, не вижу; ты обманулъ меня, холодно сказала она:—ты опять опускаешься...

— Обманулъ! Не грѣхъ тебѣ? Богомъ клянусь, я кинулся бы сейчасъ въ бездну!..

— Да, еслибъ, бездна была вотъ тутъ, подъ ногами, сію минуту, перебила она:—а еслибъ отложили на три дня, ты бы передумалъ, испугался, особенно еслибъ Захаръ или Анисья стали болтать объ этомъ... Это не любовь.

— Ты сомнѣваешься въ моей любви? горячо заговорилъ онъ:—Думаешь, что я медлю отъ боязни за себя, а не за тебя? Не оберегаю, какъ стѣной, твоего имени, не бодрствую, какъ мать, чтобъ не смѣлъ коснуться слухъ тебя... Ахъ, Ольга! Требуй доказательствъ! Повторю тебѣ, что еслибъ ты съ другимъ могла быть счастливѣе, я бы безъ ропота уступилъ права свои; еслибъ надо было умереть за тебя, я бы съ радостью умеръ! со слезами досказалъ онъ.

— Этого ничего ненужно никто не требуетъ! Зачѣмъ мнѣ твоя жизнь? Ты сдѣлай, что надо. Это уловка лукавыхъ людей предлагать жертвы, которыхъ ненужно, или нельзя приносить, чтобъ не приносить нужныхъ. Ты не лукавъ—я знаю, но...

— Ты не знаешь, сколько здоровья унесли у меня эти страсти и заботы! продолжалъ онъ.—У меня нѣтъ другой мысли съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю... Да, и теперь, повторю, ты моя цѣль, и только ты одна. Я сейчасъ умру, сойду съ ума, если тебя не будетъ со мной! Я теперь дышу,

смотрю, мыслю и чувствую тобой. Что-жь ты удивляешься, что въ тѣ дни, когда не вижу тебя, я засыпаю и падаю? Мнѣ все противно, все скучно; я машина: хожу, дѣлаю и не замѣчаю, что дѣлаю. Ты огонь и сила этой машины, говорилъ онъ, становясь на колѣни и выпрямляясь.

Глаза заблистали у него, какъ, бывало, въ паркѣ. Опять гордость и сила воли засіяли въ нихъ.

— Я сейчасъ готовъ идти, куда ты велишь, дѣлать, что хочешь. Я чувствую, что живу, когда ты смотришь на меня, говоришь, поешь...

Ольга съ строгой задумчивостью слушала эти изліянія страсти.

— Послушай, Илья, сказала она:—я вѣрю твоей любви и своей силѣ надъ тобой. Зачѣмъ же ты пугаешь меня своей нерѣшительностью, доводишь до сомнѣній? Я цѣль твоя, говоришь ты, и идешь къ ней такъ робко, медленно; а тебѣ еще далеко идти; ты долженъ стать выше меня. Я жду этого отъ тебя! Я видала счастливыхъ людей, какъ они любятъ, прибавила она со вздохомъ:—у нихъ все кипитъ, и покой ихъ непохожъ на твой; они не опускаютъ головы; глаза у нихъ открыты; они едва спятъ, они дѣйствуютъ? А ты... нѣтъ, непохоже, чтобъ любовь, чтобъ я была твоей цѣлью...

Она съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Ты, ты!.. говорилъ онъ, цѣлуя опять у ней руки и волнуясь у ногъ ея:—Одна ты! Боже мой, какое счастье! твердила онъ, какъ въ бреду.—И ты думаешь—возможно обмануть тебя, уснуть послѣ такого пробужденія, не сдѣлаться героемъ! Вы увидите, ты и Андрей, продолжалъ онъ, озираясь вдохновенными глазами:—до какой высоты поднимаетъ человѣка любовь такой женщины, какъ ты! Смотри, смотри на меня: не воскресъ ли я, не живу ли въ эту минуту? Пойдемъ отсюда! Вонъ! Вонъ! Я не могу ни

минуты оставаться здѣсь; мнѣ душно, гадко! говорилъ онъ, съ непритворнымъ отвращеніемъ оглядываясь вокругъ.— Дай мнѣ дожить сегодня этимъ чувствомъ... Ахъ, еслибъ этотъ же огонь жегъ меня, какой теперь жжетъ—и завтра, и всегда! А то нѣтъ тебя—я гасну, падаю! Теперь я ожилъ воскресъ. Мнѣ кажется, я... Ольга, Ольга!—Ты прекраснѣе всего въ мірѣ, ты первая женщина, ты... ты...

Онъ припалъ къ ея рукѣ лицомъ и замеръ. Слова не шли болѣе съ языка. Онъ прижалъ руку къ сердцу, чтобъ унять волненіе, устремилъ на Ольгу свой страстный, влажный взглядъ и сталъ неподвиженъ.

„Нѣженъ, нѣженъ, нѣженъ!“ мысленно твердила Ольга, но со вздохомъ, не какъ, бывало, въ паркѣ, и погрузилась въ глубокую задумчивость.

— Мнѣ пора! очнувшись сказала она ласково.

Онъ вдругъ отрезвился.

— Ты здѣсь, Боже мой! У меня? говорилъ онъ, и вдохновенный взглядъ замѣнился робкимъ озираньемъ по сторонамъ. Горячая рѣчь не шла больше съ языка.

Онъ торопливо хваталъ шляпку и салопъ и, въ суматохѣ, хотѣлъ надѣть салопъ ей на голову.

Она засмѣялась.

— Не бойся за меня, успокоивала она:—ma tante уѣхала на цѣлый день; дома только няня знаетъ, что меня нѣтъ, да Катя. Проводи меня.

Она подала ему руку, и безъ трепета, покойно, въ гордомъ сознаніи своей невинности, перешла дворъ, при отчаянномъ скаканьѣ на цѣпи и лаю собаки, сѣла въ карету и уѣхала.

Изъ оконъ, съ хозяйской половины, смотрѣли головы; изъ-за угла, за плетнемъ, выглянула изъ канавы голова Анисьи.

Когда карета заворотила въ другую улицу, пришла Ани-

сья и сказала, что она избѣгала весь рынокъ и спаржи не оказалось. Захаръ вернулся часа черезъ три и проспалъ цѣлыя сутки.

Обломовъ долго ходилъ по комнатѣ и не чувствовалъ подъ собой ногъ, не слыхалъ собственныхъ шаговъ: онъ ходилъ, какъ будто на четверть отъ полу.

Лишь только замолкъ скрипъ колесъ кареты по снѣгу, увезшей его жизнь, счастье—безпокойство его прошло, голова и спина у него выпрямились, вдохновенное сіяніе воротилось на лицо и глаза были влажны отъ счастья, отъ умиленія. Въ организмѣ разлилась какая-то теплота, свѣжесть, бодрость. И опять, какъ прежде, ему захотѣлось вдругъ всюду, куда-нибудь далеко: и туда, къ Штольцу, съ Ольгой, и въ деревню, на поля, въ рощи, хотѣлось уединиться въ своемъ кабинетѣ и погрузиться въ трудъ, и самому ѣхать на Рыбинскую Пристань, и дорогу проводить, и прочесть только-что вышедшую новую книгу, о которой всѣ говорятъ, и въ оперу—сегодня...

Да, сегодня она у него, онъ у ней, потомъ въ оперѣ. Какъ полонъ день! Какъ легко дышется въ этой жизни, въ сферѣ Ольги, въ лучахъ ея дѣвственнаго блеска, бодрыхъ силъ, молодаго, но тонкаго и глубокаго, здраваго ума! Онъ ходитъ, точно летаетъ; его будто кто-то носитъ по комнатѣ.

— Впередъ, впередъ! говоритъ Ольга:—выше, выше, туда, къ той чертѣ, гдѣ сила нѣжности и граціи теряетъ свои права и гдѣ начинается царство мужчины!

Какъ она ясно видитъ жизнь! Какъ читаетъ въ этой мудреной книгѣ свой путь и инстинктомъ угадываетъ и его дорогу! Обѣ жизни, какъ двѣ рѣки, должны слиться: онъ ея руководитель, вождь!

Она видитъ его силы, способности, знаетъ, сколько онъ можетъ, и покорно ждетъ его владычества. Чудная Ольга!

Невозмутимая, неробкая, простая, но рѣшительная женщина, естественная, какъ сама жизнь!

— Какая, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь гадость! говорилъ онъ, оглядываясь:—И этотъ ангелъ спустился въ болото, освятилъ его своимъ присутствіемъ!

Онъ съ любовью смотрѣлъ на стулъ, гдѣ она сидѣла, и вдругъ глаза его заблистали: на полу, около стула, онъ увидѣлъ крошечную перчатку.

— Залогъ! Ея рука: это предзнаменованіе! О!.. простоналъ онъ страстно, прижимая перчатку къ губамъ.

Хозяйка выглянула изъ двери, съ предложеніемъ посмотрѣть полотно: принесли продавать, такъ не понадобится ли?

Но онъ сухо поблагодарилъ ее, не подумалъ взглянуть на локти и извинился, что очень занятъ. Потомъ углубился въ воспоминанія лѣта, перебралъ всѣ подробности, вспомнилъ о всякомъ деревѣ, кустѣ, скамьѣ, о каждомъ сказанномъ словѣ, и нашелъ все это милѣе, нежели какъ было въ то время, когда онъ наслаждался этимъ.

Онъ рѣшительно пересталъ владѣть собой, пѣлъ, ласково заговаривалъ съ Анисьей, шутилъ, что у нея нѣтъ дѣтей, и обѣщалъ крестить, лишь-только родится ребёнокъ. Съ Машей поднялъ такую возню, что хозяйка выглянула и прогнала Машу домой, чтобъ не мѣшала жильцу „заниматься“.

Остальной день подбавилъ сумасшествія. Ольга была весела, пѣла, и потомъ еще пѣли въ оперѣ, потомъ онъ пилъ у нихъ чай, и за чаемъ шелъ такой задушевный, искренній разговоръ между нимъ, тёткой, барономъ, и Ольгой, что Обломовъ чувствовалъ себя совершенно членомъ этого маленькаго семейства. Полно жить одиноко: есть у него теперь уголъ; онъ крѣпко намоталъ свою жизнь; есть у него свѣтъ и тепло — какъ хорошо жить съ этимъ!

Ночь онъ спалъ мало: все дочитывалъ присланныя Ольгой книги и прочиталъ полтора тома.

„Завтра письмо должно придти изъ деревни“, думалъ онъ, и сердце у него билось... билось... Наконецъ-то!

VIII.

На другой день Захаръ, убирая комнату, нашелъ на письменномъ столѣ маленькую перчатку, долго разглядывалъ ее, усмѣхнулся, потомъ подалъ Обломову.

— Должно-быть, Ильинская барышня забыла, сказалъ онъ.

— Дьяволъ! грянулъ Илья Ильичъ, вырывая у него перчатку изъ рукъ:—Врешь! Какая Ильинская барышня! Это портниха пріѣзжала изъ магазина рубашки примѣрять. Какъ ты смѣешь выдумывать!

— Что за дьяволъ? Что я выдумываю? Вонъ, ужъ на хозяйской половинѣ говорятъ...

— Что говорятъ? спросилъ Обломовъ.

— Да что, слышь, Ильинская барышня съ дѣвушкой была...

— Боже мой! съ ужасомъ произнесъ Обломовъ:—А почемъ они знаютъ Ильинскую барышню? Ты же или Анисья разболтали...

Вдругъ Анисья высунулась до половины изъдверей передней.

— Какъ тебѣ не грѣхъ, Захаръ Трофимычъ, пустяки молоть? Не слушайте его, батюшка, сказала она:—никто и не говорилъ, и не знаетъ, Христомъ Богомъ...

— Ну, ну, ну! захрипѣлъ на нее Захаръ, замахиваясь локтемъ въ грудь:—Туда же суешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ.

Анисья скрылась. Обломовъ погрозилъ обоими кулаками

Захару, потомъ быстро отворилъ дверь на хозяйскую половину. Агаѳья Матвѣевна сидѣла на полу и перебирала рухлядь въ старомъ сундукѣ; около нея лежали груды тряпокъ, ваты, старыхъ платьевъ, пуговицъ и отрѣзковъ мѣховъ.

— Послушайте, ласково, но съ волненіемъ заговорилъ Обломовъ:—мои люди болтаютъ разный вздоръ; вы, ради Бога, не вѣрьте имъ.

— Я ничего не слыхала, сказала хозяйка. — Что они болтаютъ?

— Насчетъ вчерашняго визита, продолжалъ Обломовъ: —они говорятъ, будто пріѣзжала какая-то барышня...

— Что намъ за дѣло, кто къ жильцамъ ѣздитъ? сказала хозяйка.

— Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не вѣрьте: это совершенная клевета! Никакой барышни не было: пріѣзжала просто портниха, которая рубашки шьетъ. Примѣрять пріѣзжала...

— А вы гдѣ заказали рубашки? Кто вамъ шьетъ? живо спросила хозяйка.

— Во французскомъ магазинѣ...

— Покажите, какъ принесутъ:—у меня есть двѣ дѣвушки: такъ шьютъ, такую строчку дѣлаютъ, что никакой француженкѣ не сдѣлать. Я видѣла, онѣ приносили показать, графу Метлинскому шьютъ: никто такъ не сошьетъ. Куда ваши, вотъ эти, что на васъ...

— Очень-хорошо, я припомню. Вы только, ради Бога, не подумайте, что это была барышня...

— Что за дѣло, кто къ жильцу ходитъ? Хоть бы и барышня...

— Нѣтъ, нѣтъ! опровергалъ Обломовъ. Помилуйте, та барышня, про которую болтаетъ Захаръ, огромнаго роста, говоритъ басомъ, а эта, портниха-то, чай, слышали, какимъ

тоненькимъ голосомъ говоритъ: у ней чудесный голосъ. Пожалуйста, не думайте...

— Что намъ за дѣло? говорила хозяйка, когда онъ уходилъ.—Такъ не забудьте, когда понадобится рубашки шить, сказать мнѣ: мои знакомыя такую строчку дѣлаютъ... ихъ зовутъ Лизавета Николавна и Марья Николавна.

— Хорошо, хорошо, не забуду; только вы не подумайте, пожалуйста.

И онъ ушелъ, потомъ одѣлся и уѣхалъ къ Ольгѣ.

Воротясь вечеромъ домой, онъ нашелъ у себя на столѣ письмо изъ деревни, отъ сосѣда, его повѣреннаго. Онъ бросился къ лампѣ, прочелъ—и у него опустились руки.

„Прошу покорно передать довѣренность другому лицу (писалъ сосѣдъ), а у меня накопилось столько дѣла, что, по совѣсти сказать, не могу, какъ слѣдуетъ, присматривать за вашимъ имѣніемъ. Всего лучше вамъ самимъ пріѣхать сюда, и еще лучше поселиться въ имѣніи. Имѣніе хорошее, но сильно запущено. Прежде всего надо аккуратнѣе распредѣлить барщину и оброкъ; безъ хозяина этого сдѣлать нельзя: мужики избалованы, старосты новаго не слушаютъ, а старый плутоватъ, за нимъ надо смотрѣть. Количество дохода опредѣлить нельзя. При нынѣшнемъ безпорядкѣ едвали вы получите больше трехъ тысячъ, и то при себѣ. Я считаю доходъ съ хлѣба, а на оброчныхъ надежда плоха: надо ихъ взять въ руки и разобрать недоимки—на это на все понадобится мѣсяца три. Хлѣбъ былъ хорошъ и въ цѣнѣ, и въ мартѣ, или апрѣля, вы получите деньги, если сами присмотрите за продажей. Теперь же денегъ наличныхъ нѣтъ ни гроша. Что касается дороги черезъ Верхлёво и моста, то, не получая отъ васъ долгое время отвѣта, я ужъ рѣшился съ Одонцовымъ и Бѣловодовымъ проводить дорогу отъ себя на Нельки, такъ-что Обломовка остается далеко въ-сторонѣ. Въ заключеніе, повторю просьбу пожаловать

какъ можно скорѣе: мѣсяца въ три можно привести въ извѣстность, чего надѣяться на будущій годъ. Кстати, теперь выборы: не пожелали ли бы вы балотироваться въ уѣздные судьи? Поспѣшайте. Домъ вашъ очень плохъ (прибавлено было въ концѣ). Я велѣлъ скотницѣ, старому кучеру и двумъ старымъ дѣвкамъ выбраться оттуда въ избу: долѣе опасно бы было оставаться".

При письмѣ приложена была записка, сколько четвертей хлѣба снято, умолочено, сколько ссыпано въ магазины, сколько назначено въ продажу и тому подобныя хозяйственныя подробности.

"Денегъ ни гроша, три мѣсяца, пріѣхать самому, разобрать дѣла крестьянъ, привести доходъ въ извѣстность, служить по выборамъ" — все это, въ видѣ призраковъ, обступило Обломова. Онъ очутился будто въ лѣсу, ночью, когда въ каждомъ кустѣ и деревѣ чудится разбойникъ, мертвецъ, звѣрь.

— Однакожъ, это позоръ: я не поддамся! твердилъ онъ, стараясь ознакомиться съ этими призраками, какъ и трусъ силится, сквозь зажмуренныя вѣки, взглянуть на призраки и чувствуетъ только холодъ у сердца и слабость въ рукахъ и ногахъ.

Чего жъ надѣялся Обломовъ! Онъ думалъ, что въ письмѣ сказано будетъ опредѣлительно, сколько онъ получитъ дохода и, разумѣется, какъ-можно-больше, тысячъ, напримѣръ, шесть, семь; что домъ еще хорошъ, такъ-что по нуждѣ въ немъ можно жить, пока будетъ строиться новый; что, наконецъ, повѣренный пришлетъ тысячи три, четыре—словомъ, что въ письмѣ онъ прочтетъ тотъ же смѣхъ, игру жизни и любовь, что читалъ въ запискахъ Ольги.

Онъ уже не ходилъ на четверть отъ полу по комнатѣ, не шутилъ съ Анисьей, не волновался надеждами на счастье: ихъ надо было отодвинуть на три мѣсяца; да—нѣтъ! Въ три

мѣсяца онъ только разберетъ дѣла, узнаетъ свое имѣніе, а свадьба...

— О свадьбѣ ближе года и думать нельзя, боязливо сказалъ онъ:—да, да, черезъ годъ, не прежде! Ему еще надо дописать свой планъ, надо порѣшить съ архитекторомъ, потомъ... потомъ... Онъ вздохнулъ.

— „Занять!“ блеснуло у него въ головѣ, но онъ оттолкнулъ эту мысль.

„Какъ можно! А какъ не отдашь въ срокъ? если дѣла пойдутъ плохо, тогда подадутъ ко взысканію, и имя Обломова, до-сихъ-поръ чистое, неприкосновенное...“ Боже сохрани! Тогда прощай его спокойствіе, гордость... нѣтъ, нѣтъ! Другіе займутъ, да потомъ и мечутся, работаютъ, не спятъ, точно демона впустятъ въ себя. Да, долгъ — это демонъ, бѣсъ, котораго ничѣмъ не изгонишь, кромѣ денегъ!

Есть такіе молодцы, что весь вѣкъ живутъ на чужой счетъ, наберутъ, нахватаютъ справа, слѣва, да и въ усъ не дуютъ! Какъ они могутъ покойно уснуть, какъ обѣдаютъ —непонятно! Долгъ! послѣдствія его — или неисходный трудъ, какъ каторжнаго, или безчестіе.

Заложить деревню? Развѣ это не тотъ же долгъ, только неумолимый, неотсрочимый? Плати каждый годъ—пожалуй, на прожитокъ не останется.

Еще на годъ отодвинулось счастье! Обломовъ застоналъ болѣзненно и повалился, было, на постель, но вдругъ опомнился и всталъ. А что говорила Ольга? Какъ взывала къ нему, какъ къ мужчинѣ, довѣрилась его силамъ? Она ждетъ, какъ онъ пойдетъ впередъ и дойдетъ до той высоты, гдѣ протянетъ ей руку и поведетъ за собой, покажетъ ея путь! Да, да! Но съ чего начать?

Онъ подумалъ, подумалъ, потомъ вдругъ ударилъ себя по лбу и пошелъ на хозяйскую половину.

— Вашъ братецъ дома? спросилъ онъ хозяйку.

— Дома, да спать легли.

— Такъ завтра попросите его ко мнѣ, сказалъ Обломовъ: —мнѣ нужно видѣться съ нимъ.

IX.

Братецъ опять тѣмъ же порядкомъ вошли въ комнату, также осторожно сѣли на стулъ, подобрали руки въ рукава и ждали, что скажетъ Илья Ильичъ.

— Я получилъ очень непріятное письмо изъ деревни, въ отвѣтъ на посланную довѣренность—помните? сказалъ Обломовъ:—Вотъ потрудитесь прочесть.

Иванъ Матвѣевичъ взялъ письмо и привычными глазами бѣгалъ по строкамъ, а письмо слегка дрожало въ его пальцахъ. Прочитавъ, онъ положилъ письмо на столъ, а руки спряталъ за спину.

— Какъ вы полагаете, что теперь дѣлать? спросилъ Обломовъ.

— Они совѣтуютъ вамъ ѣхать туда, сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.—Что же-съ: тысячу-двѣсти верстъ не Богъ знаетъ что! Черезъ недѣлю установится дорога, вотъ и съѣздили бы.

— Я отвыкъ совсѣмъ ѣздить; съ непривычки, да еще зимой, признаюсь, мнѣ бы трудно было, не хотѣлось бы... Притомъ же въ деревнѣ одному очень скучно.

— А у васъ много оброчныхъ? спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Да... не знаю: давно не былъ въ деревнѣ.

— Надо знать-съ:—безъ этого какъ же-съ? нельзя справокъ навести, сколько доходу получите.

— Да, надо бы, повторилъ Обломовъ:—и сосѣдъ тоже пишетъ, да вотъ дѣло-то подошло къ зимѣ.

— А сколько оброку вы полагаете?

— Оброку? Кажется... вотъ позвольте, у меня было гдѣ-то росписаніе... Штольцъ еще тогда составилъ, да трудно отыскать: Захаръ, должно быть, сунулъ куда-нибудь. Я послѣ покажу... кажется, тридцать рублей съ тягла.

— Мужики-то у васъ каковы? Какъ живутъ? спрашивалъ Иванъ Матвѣевичъ:—Богатые, или разорены, бѣдные? Барщина-то какова?

— Послушайте, сказалъ, подойдя къ нему, Обломовъ и довѣрчиво взявъ его за оба борта вицмундира.

Иванъ Матвѣевичъ проворно всталъ, но Обломовъ усадилъ его опять.

— Послушайте, повторилъ онъ разстановисто, почти шопотомъ:—я не знаю, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый; не знаю, что значитъ четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ ли я, или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ, или буду нищій—я ничего не знаю! заключилъ онъ съ унынiемъ, выпустивъ борты вицмундира и отступая отъ Ивана Матвѣевича:— слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ какъ ребенку...

— Какъ же-съ, надо знать: безъ этого ничего сообразить нельзя, съ покорной усмѣшкой сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, привставъ и заложивъ одну руку за спину, а другую за пазуху.—Помѣщикъ долженъ знать свое имѣніе какъ съ нимъ обращаться... говорилъ онъ поучительно.

— А я не знаю. Научите меня, если можете.

— Я самъ не занимался этимъ предметомъ, надо посовѣтоваться съ знающими людьми. Да вотъ-съ, въ письмѣ пишутъ вамъ, продолжалъ Иванъ Матвѣевичъ, указывая среднимъ пальцемъ, ногтемъ внизъ, на страницу письма:— чтобъ вы послужили по выборамъ: вотъ и славно бы! По-

жили бы тамъ, послужили бы въ уѣздномъ судѣ и узнали бы между тѣмъ временемъ и хозяйство.

— Я не знаю, что такое уѣздный судъ, что въ немъ дѣлаютъ, какъ служатъ! выразительно, но вполголоса опять говорилъ Обломовъ, подойдя вплоть къ носу Ивана Матвѣевича.

— Привыкнете-съ. Вы вѣдь служили здѣсь, въ департаментѣ: дѣло вездѣ одно, только въ формахъ будетъ маленькая разница. Вездѣ предписанія, отношенія, протоколъ... Былъ бы хорошій секретарь, а вамъ что заботы? подписать только. Если знаете, какъ въ департаментахъ дѣло дѣлается...

— Я не знаю, какъ дѣло дѣлается въ департаментахъ, монотонно сказалъ Обломовъ.

Иванъ Матвѣевичъ бросилъ свой двойной взглядъ на Обломова и молчалъ.

— Должно-быть, все книги читали-съ? съ той же покорной усмѣшкой замѣтилъ онъ.

— Книги! съ горечью возразилъ Обломовъ и остановился.

Не достало духа и не нужно было обнажаться до дна души передъ чиновникомъ. „Я и книгъ не знаю,“ шевельнулось въ немъ, но не сошло съ языка и выразилось печальнымъ вздохомъ.

— Изволили же чѣмъ-нибудь заниматься, смиренно прибавилъ Иванъ Матвѣевичъ, какъ-будто дочитавъ въ умѣ Обломова отвѣтъ о книгахъ:—нельзя, чтобъ...

— Можно, Иванъ Матвѣичъ: вотъ вамъ живое доказательство—я! Кто же я? Что я такое? Подите спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: „баринъ!“ Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите—на то и наука!

Онъ началъ ходить по комнатѣ, а Иванъ Матвѣевичъ стоялъ на своемъ мѣстѣ и всякій разъ слегка ворочался всѣмъ корпусомъ въ тотъ уголъ, куда пойдетъ Обломовъ. Оба они молчали нѣкоторое время.

— Гдѣ вы учились? спросилъ Обломовъ, остановясь опять передъ нимъ.

— Началъ-было въ гимназіи, да изъ шестаго класса взялъ меня отецъ и опредѣлилъ въ правленіе. Что наша наука! Читать, писать, грамматикѣ, ариѳметикѣ, а дальше и не пошелъ-съ. Кое-какъ приспособился къ дѣлу, да и перебиваюсь помаленьку. Ваше дѣло другое-съ: вы проходили настоящія науки...

— Да, со вздохомъ подтвердилъ Обломовъ:—правда, я проходилъ и высшую алгебру, и политическую экономію, и права́, а все къ дѣлу не приспособился. Вотъ видите, съ высшей алгеброй не знаю, много ли у меня дохода. Пріѣхалъ въ деревню, послушалъ, посмотрѣлъ—какъ дѣлалось у насъ въ домѣ и въ имѣніи, и кругомъ насъ—совсѣмъ не тѣ права́. Уѣхалъ сюда, думалъ какъ-нибудь съ политической экономіей выйду въ люди... А мнѣ сказали, что науки пригодятся мнѣ со временемъ, развѣ подъ старость, а прежде надо выйти въ чины, и для этого нужна одна наука—писать бумаги. Вотъ я и не приспособился въ дѣлу, а сдѣлался просто бариномъ, а вы приспособились: ну, такъ рѣшите же, какъ изворотиться.

— Можно-съ, ничего, сказалъ, наконецъ, Иванъ Матвѣевичъ.

Обломовъ остановился противъ него и ждалъ, что онъ скажетъ.

— Можно поручить это все знающему человѣку и довѣренность перевести на него, прибавилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— А гдѣ взять такого человѣка? спросилъ Обломовъ.

*

— У меня есть сослуживецъ, Исай Ѳомичъ Затертый: онъ заикается немного, а дѣловой и знающій человѣкъ. Три года управлялъ большимъ имѣніемъ, да помѣщикъ отпустилъ его, по этой самой причинѣ, что заикается. Вотъ онъ и вступилъ къ намъ.

— Да можно ли положиться на него?

— Честнѣйшая душа, не извольте безпокоиться! Онъ свое проживетъ, лишь бы довѣрителю угодить. Двѣнадцатый годъ у насъ состоитъ на службѣ.

— Какъ же онъ поѣдетъ, если служитъ?

— Ничего-съ, отпускъ на четыре мѣсяца возьметъ. Вы извольте рѣшиться, а я привезу его сюда. Вѣдь онъ не даромъ поѣдетъ...

— Конечно нѣтъ, подтвердилъ Обломовъ.

— Вы ему извольте положить прогоны, на прожитокъ, сколько понадобится въ сутки, а тамъ, по окончаніи дѣла, вознагражденіе, по условію. Поѣдетъ-съ, ничего!

— Я вамъ очень благодаренъ: вы меня отъ большихъ хлопотъ избавите, сказалъ Обломовъ, подавая ему руку.— Какъ его?..

— Исай Ѳомичъ Затертый, повторилъ Иванъ Матвѣевичъ, отирая наскоро руку обшлагомъ другаго рукава, и, взявъ на минуту руку Обломова, тотчасъ спряталъ свою въ рукавъ.—Я завтра поговорю съ нимъ-съ и приведу.

— Да приходите обѣдать, мы и потолкуемъ.—Очень, очень благодаренъ вамъ! говорилъ Обломовъ, провожая Ивана Матвѣевича до дверей.

X.

Вечеромъ въ тотъ же день, въ двухэтажномъ домѣ, выходившемъ одной стороной въ улицу, гдѣ жилъ Обломовъ, а другой на набережную, въ одной изъ комнатъ верхняго этажа сидѣли Иванъ Матвѣевичъ и Тарантьевъ.

Это было такъ-называемое „заведеніе“, у дверей котораго всегда стояло двое-трое пустыхъ дрожекъ, а извощики сидѣли въ нижнемъ этажѣ, съ блюдечками въ рукахъ. Верхній этажъ назначался для „господъ“ Выборгской Стороны.

Передъ Иваномъ Матвѣевичемъ и Тарантьевымъ стоялъ чай и бутылка рому.

— Чистѣйшій ямайскій, сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, наливая дрожащей рукой себѣ въ стаканъ рому:—не побрезгуй, кумъ, угощеніемъ.

— Признайся, есть за что́ и угостить, отозвался Тарантьевъ:—домъ сгнилъ бы, а этакого жильца не дождался.

— Правда, правда, перебилъ Иванъ Матвѣевичъ.—А если наше дѣло состоится и Затертый поѣдетъ въ деревню —магарычъ будетъ!

— Да ты скупъ, кумъ: съ тобой надо торговаться, говорилъ Тарантьевъ:—пятьдесятъ рублей за этакого жильца!

— Боюсь, грозится съѣхать, замѣтилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Ахъ ты: а еще дока! Куда онъ съѣдетъ? Его не выгонишь теперь.

— А свадьба-то? Женится, говорятъ.

Тарантьевъ захохоталъ.

— Онъ женится! Хочешь объ закладъ, что не женится? возразилъ онъ:—Да ему Захаръ и спать-то помогаетъ, а то жениться! Доселѣ я ему все благодѣтельствовалъ: вѣдь безъ меня, братецъ ты мой, онъ бы съ голоду умеръ, или въ тюрьму попалъ. Надзиратель придетъ, хозяинъ домо́вый что-нибудь спроситъ, такъ вѣдь, ни въ зубъ толкнуть—все я! Ничего не смыслитъ...

— Подлинно ничего: въ уѣздномъ судѣ, говоритъ, не знаю, что дѣлаютъ, въ департаментѣ то же; какіе мужики у него — не вѣдаетъ. Что за голова! Меня даже смѣхъ взялъ...

— А контрактъ-то, контрактъ-то каковъ заключили? хвастался Тарантьевъ.—Мастеръ ты, братъ, строчить бумаги, Иванъ Матвѣевичъ, ей-богу мастеръ! Вспомнишь покойника отца! И я былъ гораздъ, да отвыкъ, видитъ Богъ, отвыкъ. Присяду: слеза такъ и бьетъ изъ глазъ. Не читалъ, такъ и подмахнулъ! А тамъ и огороды, и конюшни, и амбары.

— Да, кумъ, пока не перевелись олухи на Руси, что подписываютъ бумаги, не читая, нашему брату можно жить. А то хоть пропадай, плохо стало! Послышишь отъ стариковъ, такъ не то! Въ двадцать-пять лѣтъ службы, какой я капиталъ составилъ? Можно прожить на Выборгской Сторонѣ, не показывая носа на свѣтъ Божій: кусокъ будетъ хорошій, не жалуюсь, хлѣба не переѣшь! А чтобъ тамъ квартиры на Литейной, ковры, да жениться на богатой, дѣтей въ знать выводить—прошло времечко! И рожато, слышь, не такая, и пальцы, видишь, красны, зачѣмъ водку пьешь... А какъ ее не пить-то? Попробуй! Хуже лакея, говорятъ: нынче и лакей этакихъ сапогъ не носитъ и рубашку каждый день мѣняетъ. Воспитаніе не такое—все молокососы перебили: ломаются, читаютъ, да говорятъ пофранцузски...

— А дѣла не смыслятъ, прибавилъ Тарантьевъ.

— Нѣтъ, братъ, смыслятъ: дѣло-то нынче не такое; всякій хочетъ проще, все гадятъ намъ. Такъ ненужно писать: это лишняя переписка, трата времени; можно скорѣе... гадятъ!

— А контрактъ-то подписанъ: не изгадили! сказалъ Тарантьевъ.

— То ужъ, конечно, свято. Выпьемъ, кумъ! Вотъ пошлетъ Затертаго въ Обломовку, тотъ повысосетъ немного: пусть достается потомъ наслѣдникамъ...

— Пусть! замѣтилъ Тарантьевъ.—Да наслѣдники-то какіе: троюродные, седьмая вода на киселѣ.

— Вотъ только свадьбы боюсь! сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Не бойся, тебѣ говорятъ. Вотъ помяни мое слово.

— Ой-ли? весело возразилъ Иванъ Матвѣевичъ.—А вѣдь онъ пялитъ глаза на мою сестру... шопотомъ прибавилъ онъ.

— Что ты? съ изумленіемъ сказалъ Тарантьевъ.

— Молчи только! Ей-Богу такъ...

— Ну, братъ, дивился Тарантьевъ, насилу приходя въ себя:—мнѣ бы и во снѣ не приснилось! Ну, а она что?

— Что она? Ты ее знаешь—вотъ что!

Онъ кулакомъ постучалъ объ столъ.

— Развѣ умѣетъ свои выгоды соблюсти? Корова, сущая корова: ее хоть ударь, хоть обними—все ухмыляется, какъ лошадь на овесъ. Другая бы... ой-ой! Да я глазъ не спущу—понимаешь, чѣмъ это пахнетъ!

XI.

„Четыре мѣсяца! Еще четыре мѣсяца принужденій, свиданій тайкомъ, подозрительныхъ лицъ, улыбокъ!“ думалъ Обломовъ, поднимаясь на лѣстницу къ Ильинскимъ. „Боже мой! когда это кончится? А Ольга будетъ торопить: сегодня, завтра. Она такъ настойчива, непреклонна! Ее трудно убѣдить...“

Обломовъ дошелъ почти до комнаты Ольги, не встрѣтивъ никого. Ольга сидѣла въ своей маленькой гостиной, передъ спальной, и углубилась въ чтеніе какой-то книги.

Онъ вдругъ явился передъ ней, такъ что она вздрогнула; потомъ ласково, съ улыбкой, протянула ему руку, но глаза еще какъ-будто дочитывали книгу: она смотрѣла разсѣянно.

— Ты одна? спросилъ онъ ее.

— Да; ma tante уѣхала въ Царское Село; звала меня съ собой. Мы будемъ обѣдать почти одни: Марья Семеновна только придетъ; иначе бы я не могла принять тебя. Сегодня ты неможешь объясниться. Какъ это все скучно! За-то завтра... прибавила она и улыбнулась.—А что, еслибъ я сегодня уѣхала въ Царское Село! спросила она шутливо.

Онъ молчалъ.

— Ты озабоченъ? продолжала она.

— Я получилъ письмо изъ деревни, сказалъ онъ монотонно.

— Гдѣ оно? съ тобой?

Онъ подалъ ей письмо.

— Я ничего не разберу, сказала она, посмотрѣвъ на бумагу.

Онъ взялъ у ней письмо и прочелъ вслухъ. Она задумалась.

— Что-жь теперь? спросила она, помолчавъ.

— Я сегодня совѣтовался съ братомъ хозяйки, отвѣчалъ Обломовъ, и онъ рекомендуетъ мнѣ повѣреннаго, Исая Ѳомича Затертаго: я поручу ему обдѣлать все это...

— Чужому, незнакомому человѣку! съ удивленіемъ возразила Ольга:—Собирать оброкъ, разбирать крестьянъ, смотрѣть за продажей хлѣба...

— Онъ говоритъ, что это честнѣйшая душа, двѣнадцать лѣтъ съ нимъ служитъ... Только заикается немного.

— А самъ братъ твоей хозяйки каковъ? Ты его знаешь?

— Нѣтъ; да онъ, кажется, такой положительный, дѣловой человѣкъ, и притомъ я живу у него въ домѣ: посовѣстится обмануть!

Ольга молчала и сидѣла, потупя глаза.

— Иначе вѣдь самому надо ѣхать, сказалъ Обломовъ:—мнѣ бы, признаться, этого не хотѣлось. Я совсѣмъ отвыкъ ѣздить по дорогамъ, особенно зимой... никогда даже не ѣзжалъ.

Она все глядѣла внизъ, шевеля носкомъ ботинки.

— Если даже я и поѣду, продолжалъ Обломовъ: — то вѣдь рѣшительно изъ этого ничего не выйдетъ: я толку не добьюсь; мужики меня обманутъ; староста скажетъ, что́ хочетъ—я долженъ вѣрить всему; денегъ дастъ, сколько вздумаетъ. Ахъ, Андрея нѣтъ здѣсь: онъ бы все уладилъ! съ огорченіемъ прибавилъ онъ.

Ольга усмѣхнулась, то-есть у ней усмѣхнулись только губы, а не сердце: на сердцѣ была горечь. Она начала глядѣть въ окно, прищуря немного одинъ глазъ и слѣдя за каждой проѣзжавшей каретой.

— Между-тѣмъ повѣренный этотъ управлялъ большимъ имѣніемъ, продолжалъ онъ:—да помѣщикъ отослалъ его именно потому, что заикается. Я дамъ ему довѣренность, передамъ планы: онъ распорядится закупкой матеріаловъ для постройки дома, соберетъ оброкъ, продастъ хлѣбъ, привезетъ деньги, и тогда... Какъ я радъ, милая Ольга, сказалъ онъ, цалуя у ней руку:—что мнѣ ненужно покидать тебя! Я бы не вынесъ разлуки; безъ тебя въ деревнѣ, одному... это ужасъ! Но только теперь намъ надо быть очень-осторожными.

Она взглянула на него такимъ большимъ взглядомъ и ждала.

— Да, началъ онъ говорить медленно, почти заикаясь: —видѣться изрѣдка; вчера опять заговорили у насъ, даже на хозяйской половинѣ... а я не хочу этого... Какъ только всѣ дѣла устроятся, повѣренный распорядится стройкой и привезетъ деньги... все это кончится въ какой-нибудь годъ... тогда нѣтъ болѣе разлуки, мы скажемъ все тёткѣ, и... и...

Онъ взглянулъ на Ольгу: она безъ чувствъ. Голова у ней склонилась на сторону, изъ-за посинѣвшихъ губъ видны были зубы. Онъ не замѣтилъ, въ избыткѣ радости и меч-

танья, что при словахъ: „когда устроятся дѣла, повѣренный распорядится“, Ольга поблѣднѣла и не слыхала заключенія его фразы.

— Ольга!.. Боже мой, ей дурно! сказалъ онъ и дернулъ звонокъ.

— Барышнѣ дурно, сказалъ онъ прибѣжавшей Катѣ. Скорѣе, воды!.. спирту...

— Господи! Все утро такія веселыя были... Что съ ними? шептала Катя, принеся со стола тётки спиртъ и суетясь со стаканомъ воды.

Ольга очнулась, встала, съ помощью Кати и Обломова, съ кресла и, шатаясь, пошла къ себѣ въ спальню.

— Это пройдетъ, слабо сказала она:—это нервы; я дурно спала ночь. Катя, затвори дверь, а вы подождите меня: я оправлюсь и выйду.

Обломовъ остался одинъ, прикладывалъ къ двери ухо, смотрѣлъ въ щель замка́, но ничего не слышно и не видно.

Чрезъ полчаса онъ пошелъ по корридору до дѣвичьей и спросилъ Катю:—Что́ барышня?

— Ничего, сказала Катя:—онѣ легли, а меня выслали; потомъ я входила: онѣ сидятъ въ креслѣ.

Обломовъ опять пошелъ въ гостиную, опять смотрѣлъ въ дверь—ничего не слышно.

Онъ чуть-чуть постучалъ пальцемъ—нѣтъ отвѣта.

Онъ сѣлъ и задумался. Много передумалъ онъ въ эти полтора часа, много измѣнилось въ его мысляхъ, много онъ принялъ новыхъ рѣшеній. Наконецъ, онъ остановился на томъ, что самъ поѣдетъ съ повѣреннымъ въ деревню, но прежде выпроситъ согласіе тётки на свадьбу, обручится съ Ольгой, Ивану Герасимовичу поручитъ отъискать квартиру и даже займетъ денегъ... немного, чтобъ свадьбу съиграть.

Этотъ долгъ можно заплатить изъ выручки за хлѣбъ.

Что-жь онъ такъ пріунылъ? Ахъ, Боже мой, какъ все можетъ перемѣнить видъ въ одну минуту! А тамъ, въ деревнѣ, они распорядятся съ повѣреннымъ собрать оброкъ; да наконецъ, Штольцу напишетъ: тотъ дастъ денегъ и потомъ пріѣдетъ и устроитъ ему Обломовку на славу, онъ всюду дороги проведетъ, имостовъ настроитъ, и школы заведетъ... А тамъ они, съ Ольгой!.. Боже! вотъ оно, счастье! Какъ это все ему въ голову не пришло!

Вдругъ ему стало такъ легко, весело; онъ началъ ходить изъ угла въ уголъ, даже пощёлкивалъ тихонько пальцами, чуть не закричалъ отъ радости, подошелъ къ двери Ольги и тихо позвалъ ее веселымъ голосомъ:

— Ольга, Ольга! Что я вамъ скажу! говорилъ онъ приложивъ губы сквозь двери:—Никакъ не ожидаете...

Онъ даже рѣшилъ не уѣзжать сегодня отъ нея, а дождаться тётки. „Сегодня же объявимъ ей и я уѣду отсюда женихомъ“.

Дверь тихо отворилась, и явилась Ольга: онъ взглянулъ на нее и вдругъ упалъ духомъ; радость его какъ въ воду канула: Ольга какъ-будто немного постарѣла. Блѣдна, но глаза блестятъ; въ замкнутыхъ губахъ, во всякой чертѣ таится внутренняя напряженная жизнь, окованная, точно льдомъ, насильственнымъ спокойствіемъ и неподвижностью.

Во взглядѣ ея онъ прочелъ рѣшеніе, но какое—еще не зналъ, только у него сердце стукнуло, какъ никогда не стучало. Такихъ минутъ не бывало въ его жизни.

— Послушай, Ольга, не глядина меня такъ: мнѣ страшно! сказалъ онъ. — Я передумалъ: совсѣмъ иначе надо устроить... продолжалъ потомъ, постепенно понижая тонъ, останавливаясь и стараясь вникнуть въ этотъ новый для него смыслъ ея глазъ, губъ и говорящихъ бровей:—я рѣшилъ самъ ѣхать въ деревню, вмѣстѣ съ повѣреннымъ... чтобъ тамъ... едва-слышно досказалъ онъ.

Она молчала, глядя на него пристально, какъ привидѣніе.

Онъ смутно догадывался, какой приговоръ ожидалъ его, и взялъ шляпу, но медлилъ спрашивать: ему страшно было услыхать роковое рѣшеніе, и можетъ-быть, безъ аппелляціи. Наконецъ, онъ осилилъ себя.

— Такъ ли я понялъ?.. спросилъ онъ ее измѣнившимся голосомъ.

Она медленно, съ кротостью наклонила, въ знакъ согласія, голову. Онъ хотя до этого угадалъ ея мысль, но поблѣднѣлъ и все стоялъ передъ ней.

Она была нѣсколько томна, но казалась такою покойною и неподвижною, какъ-будто каменная статуя. Это былъ тотъ сверхъестественный покой, когда сосредоточенный замыселъ, или пораженное чувство даютъ человѣку вдругъ всю силу, чтобъ сдержать себя, но только на одинъ моментъ. Она походила на раненаго, который зажалъ рану рукой, чтобъ досказать, что нужно, и потомъ умереть.

— Ты не возненавидишь меня? спросилъ онъ.

— За что? сказала она слабо.

— За все, что я сдѣлалъ съ тобой...

— Что ты сдѣлалъ?

— Любилъ тебя: это оскорбленіе!

Она съ жалостью улыбнулась.

— За то, говорилъ онъ, поникнувъ головой, что ты ошибалась... Можетъ быть, ты простишь меня, если вспомнишь, что я предупреждалъ, какъ тебѣ будетъ стыдно, какъ ты станешь раскаяваться...

— Я не раскаяваюсь. Мнѣ только больно, такъ больно... сказала она и остановилась, чтобъ перевести духъ.

— Мнѣ хуже, отвѣчалъ Обломовъ, но я стóю этого:— за чтó *ты* мучишься?

— За гордость, сказала она:—я наказана, я слишкомъ

понадѣялась на свои силы—вотъ въ чемъ я ошиблась, а не въ томъ, чего ты боялся. Не о первой молодости и красотѣ мечтала я: я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня—а ты ужь давно умеръ. Я не предвидѣла этой ошибки, а все ждала, надѣялась... и вотъ!.. съ трудомъ, со вздохомъ досказала она.

Она замолчала, потомъ сѣла.

— Я не могу стоять: ноги дрожатъ. Камень ожилъ бы отъ того, что я сдѣлала, продолжала она томнымъ голосомъ.—Теперь не сдѣлаю ничего, ни шагу, даже не пойду въ Лѣтній Садъ: все безполезно—ты умеръ! Ты согласенъ со мной, Илья? прибавила она потомъ, помолчавъ:—Не упрекнешь меня никогда, что я по гордости или по капризу разсталась съ тобой?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Убѣжденъ ли ты, что намъ ничего не осталось, никакой надежды?

— Да, сказалъ онъ:—это правда... Но, можетъ-быть... нерѣшительно прибавилъ потомъ: черезъ годъ... У него недоставало духа нанести рѣшительный ударъ своему счастью.

— Уже-ли ты думаешь, что черезъ годъ ты устроилъ бы свои дѣла и жизнь? спросила она.—Подумай!

Онъ вздохнулъ и задумался, боролся съ собой. Она прочла эту борьбу на лицѣ.

— Послушай, сказала она:—я сейчасъ долго смотрѣла на портретъ моей матери и, кажется, заняла въ ея глазахъ совѣта и силы. Если ты теперь, какъ честный человѣкъ... Помни, Илья, мы не дѣти и не шутимъ: дѣло идетъ о цѣлой жизни! Спроси же строго у своей совѣсти и скажи—я повѣрю тебѣ, я тебя знаю: станетъ ли тебя на всю жизнь? Будешь ли ты для меня тѣмъ, что мнѣ нужно? Ты меня знаешь, слѣдовательно понимаешь, что я хочу сказать.

Если ты скажешь смѣло и обдуманно *да:* я беру назадъ свое рѣшеніе: вотъ моя рука и пойдемъ, куда хочешь, за границу, въ деревню, даже на Выборгскую Сторону!

Онъ молчалъ.

— Еслибъ ты знала, какъ я люблю...

— Я жду не увѣреній въ любви, а короткаго отвѣта, перебила она почти сухо.

— Не мучь меня, Ольга! съ унынiемъ умолялъ онъ.

— Что-жь, Илья, права я или нѣтъ?

— Да, внятно и рѣшительно сказалъ онъ:—ты права!

— Такъ намъ пора разстаться, рѣшила она:—пока не застали тебя и не видали, какъ я разстроена!

Онъ все не шелъ.

— Еслибъ ты и женился, что́ потомъ? спросила она.

Онъ молчалъ.

— Ты засыпа́лъ бы съ каждымъ днемъ все глубже—не правда ли? А я? Ты видишь, какая я? Я не состарѣюсь, не устану жить никогда. А съ тобой мы стали бы жить изо дня въ день, ждать Рождества, потомъ масляницы, ѣздить въ гости, танцовать, и не думать ни о чемъ; ложились бы спать и благодарили Бога, что день скоро прошелъ, а утромъ просыпа́лись бы съ желанiемъ, чтобъ сегодня походило на вчера... вотъ наше будущее—да? Развѣ это жизнь? Я зачахну, умру... за что, Илья? Будешь ли ты счастливъ...

Онъ мучительно провелъ глазами по потолку, хотѣлъ сойти съ мѣста, бѣжать—ноги не повиновались. Хотѣлъ сказать что-то: во рту было сухо, языкъ не ворочался, голосъ не выходилъ изъ груди. Онъ протянулъ ей руку.

— Стало-быть... началъ онъ упавшимъ голосомъ, но не кончилъ и взглядомъ досказалъ: „прости!“

И она хотѣла что-то сказать, но ничего не сказала, протянула ему руку, но рука, не коснувшись его руки, упала; хотѣла-было также сказать: „прощай“, но голосъ у ней

на половинѣ слова сорвался и взялъ фальшивую ноту; лицо исказилось судорогой; она положила руку и голову ему на плечо и зарыдала. У ней какъ будто вырвали оружіе изъ рукъ. Умница пропала—явилась просто женщина, беззащитная противъ горя.

— Прощай, прощай... вырывалось у ней среди рыданій.

Онъ молчалъ и въ ужасѣ слушалъ ея слезы, не смѣя мѣшать имъ. Онъ не чувствовалъ жалости ни къ ней, ни къ себѣ; онъ былъ самъ жалокъ. Она опустилась въ кресло и, прижавъ голову къ платку, оперлась на столъ и плакала горько. Слезы текли не какъ мгновенно вырвавшаяся жаркая струя, отъ внезапной и временной боли, какъ тогда въ паркѣ, а изливались безотрадно, холодными потоками, какъ осенній дождь, безпощадно поливающій нивы.

— Ольга, наконецъ сказалъ онъ:—за что ты терзаешь себя? Ты меня любишь, ты не перенесешь разлуки! Возьми меня, какъ я есть, люби во мнѣ что есть хорошаго.

Она отрицательно покачала головой, не поднимая ее.

— Нѣтъ... нѣтъ... силилась выговорить потомъ, — за меня и за мое горе не бойся. Я знаю себя: я выплачу его и потомъ ужь больше плакать не стану. А теперь не мѣшай плакать... уйди... Ахъ, нѣтъ постой!.. Богъ наказываетъ меня!.. Мнѣ больно, ахъ, какъ больно... здѣсь, у сердца...

Рыданія возобновились.

— А если боль не пройдетъ, сказалъ онъ:—и здоровье твое пошатнется? Такія слезы ядовиты. Ольга, ангелъ мой, не плачь... забудь все...

— Нѣтъ, дай мнѣ плакать! Я пла́чу не о будущемъ, а о прошедшемъ... выговаривала она съ трудомъ:—оно „поблекло, отошло“... Не я пла́чу, воспоминанія плачутъ!..

Лѣто... паркъ... помнишь? Мнѣ жаль нашей аллеи, сирени... Это все приросло къ сердцу: больно отрывать!..

Она, въ отчаяніи, качала головой и рыдала, повторяя:

— О, какъ больно, больно!

— Если ты умрешь? вдругъ съ ужасомъ сказалъ онъ.— Подумай, Ольга...

— Нѣтъ, перебила она, поднявъ голову и стараясь взглянуть на него сквозь слезы.—Я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... голубь; ты прячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю! Можешь ли научить меня, сказать, что это такое, чего мнѣ не достаетъ, дать это все, чтобъ я... А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!

У Обломова подкосились ноги; онъ сѣлъ въ кресло и отеръ платкомъ руки и лобъ.

Слово было жестоко; оно глубоко уязвило Обломова: внутри оно будто обожгло его, снаружи повѣяло на него холодомъ. Онъ въ отвѣтъ улыбнулся какъ-то жалко, болѣзненно-стыдливо, какъ нищій, котораго упрекнули его наготой. Онъ сидѣлъ съ этой улыбкой безсилія, ослабѣвшій отъ волненія и обиды; потухшій взглядъ его ясно говорилъ: „да, я скуденъ, жалокъ, нищъ... бейте, бейте меня!“..

Ольга вдругъ увидѣла, сколько яду было въ ея словѣ; она стремительно бросилась къ нему.

— Прости меня, мой другъ! заговорила она нѣжно, будто слезами:—Я не помню, что говорю: я безумная! Забудь все; будемъ попрежнему; пусть все останется какъ было...

— Нѣтъ! сказалъ онъ, вдругъ всталъ и устраняя рѣшительнымъ жестомъ ея порывъ:—Не останется! Не тре-

вожься, что сказала правду: я стóю... прибавилъ онъ съ унынiемъ.

— Я мечтательница, фантазёрка! говорила она:—Несчастный характеръ у меня. Отчего другiя, отчего Сонička такъ счастлива...

Она заплакала.

— Уйди! рѣшила она, терзая мокрый платокъ руками: —Я не выдержу; мнѣ еще дорого прошедшее...

Она опять закрыла лицо платкомъ и старалась заглушить рыданiя.

— Отчего погибло все? вдругъ, поднявъ голову, спросила она:—Кто проклялъ тебя, Илья? Что ты сдѣлалъ? Ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу...

— Есть, сказалъ онъ чуть-слышно.

Она вопросительно, полными слезъ глазами взглянула на него.

— Обломовщина! прошепталъ онъ, потомъ взялъ ея руку, хотѣлъ поцѣловать, но не могъ, только прижалъ крѣпко къ губамъ, и горячiя слезы закапали ей на пальцы. Не поднимая головы, не показывая ей лица, онъ обернулся и пошелъ.

XII.

Богъ знаетъ, гдѣ онъ бродилъ, что дѣлалъ цѣлый день, но домой вернулся поздно ночью. Хозяйка первая услыхала стукъ въ ворота и лай собаки, и растолкала отъ сна Анисью и Захара, сказавъ, что баринъ воротился.

Илья Ильичъ почти не замѣтилъ, какъ Захаръ раздѣлъ его, стащилъ сапоги и накинулъ на него—халатъ!

— Что это? спросилъ онъ только, поглядѣвъ на халатъ.

— Хозяйка сегодня принесла: вымыли и починили халатъ, сказалъ Захаръ.

Обломовъ какъ сѣлъ, такъ и остался въ креслѣ.

Все погрузилось въ сонъ и мракъ около него. Онъ сидѣлъ опершись на руку, не замѣчалъ мрака, не слыхалъ боя часовъ. Умъ его утонулъ въ хаосѣ безобразныхъ, неясныхъ мыслей; онѣ неслись, какъ облака въ небѣ, безъ цѣли и безъ связи—онъ не ловилъ ни одной.

Сердце было убито: тамъ на время затихла жизнь. Возвращеніе къ жизни, къ порядку, къ теченію правильнымъ путемъ скопившагося напора жизненныхъ силъ совершалось медленно.

Приливъ было очень жестокъ и Обломовъ не чувствовалъ тѣла на себѣ, не чувствовалъ ни усталости, никакой потребности. Онъ могъ лежать, какъ камень, цѣлыя сутки, или цѣлыя сутки идти, ѣхать, двигаться, какъ машина.

По немногу, труднымъ путемъ выработывается въ человѣкѣ, или покорность судьбѣ—и тогда организмъ медленно и постепенно вступаетъ во всѣ свои отправленія,—или горе сломитъ человѣка и онъ не встанетъ больше, смотря по горю, и по человѣку тоже.

Обломовъ не помнилъ, гдѣ онъ сидитъ, даже сидѣлъ ли онъ: машинально смотрѣлъ и не замѣчалъ, какъ забрезжилось утро; слышалъ и не слыхалъ, какъ раздался сухой кашель старухи, какъ сталъ дворникъ колоть дрова на дворѣ, какъ застучали и загремѣли въ домѣ, видѣлъ и не видалъ, какъ хозяйка и Акулина пошли на рынокъ, какъ мелькнулъ пакетъ мимо забора.

Ни пѣтухи, ни лай собаки, ни скрипъ воротъ не могли вывести его изъ столбняка. Загремѣли чашки, зашипѣлъ самоваръ.

Наконецъ, часу въ десятомъ Захаръ отворилъ подносомъ дверь въ кабинетъ, лягнулъ, по обыкновенію, назадъ ногой, чтобъ затворить ее и, по обыкновенію, промахнулся, но удержалъ, однакожь, подносъ: наметался отъ долго-

временной практики, да притомъ зналъ, что сзади смотритъ въ дверь Анисья, и только урони онъ что-нибудь, она сейчасъ подскочитъ и сконфузитъ его.

Онъ благополучно дошелъ, уткнувъ бороду въ подносъ и обнявъ его крѣпко, до самой постели, и только располагалъ поставить чашки на столъ подлѣ кровати и разбудить барина—глядь, постель не измята, барина нѣтъ!

Онъ встрепенулся, и чашка полетѣла на полъ, за ней сахарница. Онъ сталъ ловить вещи на воздухѣ и качалъ подносомъ, другія летѣли. Онъ успѣлъ удержать на подносѣ только ложечку.

— Что это за напасть такая? говорилъ онъ, глядя, какъ Анисья подбирала куски сахару, черепки чашки, хлѣбъ.— Гдѣ же баринъ?

А баринъ сидитъ въ креслѣ и лица на немъ нѣтъ. Захаръ посмотрѣлъ на него съ разинутымъ ртомъ.

— Вы зачѣмъ это, Илья Ильичъ, всю ночь просидѣли въ креслѣ, не ложились? спросилъ онъ.

Обломовъ медленно обернулъ къ нему голову, разсѣянно посмотрѣлъ на Захара, на разлитый кофе, на разбросанный по ковру сахаръ.

— А ты зачѣмъ чашку-то разбилъ? сказалъ онъ, потомъ подошелъ къ окну.

Снѣгъ валилъ хлопьями и густо устилалъ землю.

— Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ! твердилъ онъ безсмысленно, глядя на снѣгъ, густымъ слоемъ покрывшій заборъ, плетень и гряды на огородѣ. — Все засыпалъ! шепнулъ потомъ отчаянно, легъ въ постель и заснулъ свинцовымъ, безотраднымъ сномъ. Ужь было за полдень, когда его разбудилъ скрипъ двери съ хозяйской половины; изъ двери просунулась обнаженная рука, съ тарелкой; на тарелкѣ дымился пирогъ.

*

— Сегодня воскресенье, говорилъ ласково голосъ:—пирогъ пекли; не угодно ли закусить?

Но онъ не отвѣчалъ ничего: у него была горячка.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Годъ прошелъ со времени болѣзни Ильи Ильича. Много перемѣнъ принесъ этотъ годъ въ разныхъ мѣстахъ міра: тамъ взволновалъ край, а тамъ успокоилъ; тамъ закатилось какое-нибудь свѣтило міра, тамъ засіяло другое; тамъ міръ усвоилъ себѣ новую тайну бытія, а тамъ рушились въ прахъ жилища и поколѣнія. Гдѣ падала старая жизнь, тамъ, какъ молодая зелень, пробивалась новая...

И на Выборгской сторонѣ, въ домѣ вдовы Пшеницыной, хотя дни и ночи текутъ мирно, не внося буйныхъ и внезапныхъ перемѣнъ въ однообразную жизнь, хотя четыре времени года повторили свои отправленія, какъ въ прошедшемъ году, но жизнь все-таки не останавливалась, все мѣнялась въ своихъ явленіяхъ, но мѣнялась съ такою медленною постепенностью, съ какою происходятъ геологическія видоизмѣненія нашей планеты: тамъ потихоньку осыпается гора, здѣсь цѣлые вѣка море наноситъ илъ, или отступаетъ отъ берега и образуетъ приращеніе почвы.

Илья Ильичъ выздоровѣлъ. Повѣренный Затертый отправился въ деревню и прислалъ вырученныя за хлѣбъ деньги сполна и былъ изъ нихъ удовлетворенъ прогонами, суточными деньгами и вознагражденіемъ за трудъ.

Что касается оброка, то Затертый писалъ, что денегъ этихъ собрать нельзя, что мужики частью разорились, частью ушли по разнымъ мѣстамъ и гдѣ находятся—неизвѣстно, и что онъ собираетъ на мѣстѣ дѣятельныя справки.

О дорогѣ, о мостахъ, писалъ онъ, что время терпитъ, что мужики охотнѣе предпочитаютъ переваливаться черезъ гору и черезъ оврагъ до торговаго села, чѣмъ работать надъ устройствомъ новой дороги и мостовъ.

Словомъ, свѣдѣнія и деньги получены удовлетворительныя, и Илья Ильичъ не встрѣтилъ крайней надобности ѣхать самъ и былъ съ этой стороны успокоенъ до будущаго года.

Повѣренный распорядился и насчетъ постройки дома: опредѣливъ, вмѣстѣ съ губернскимъ архитекторомъ, количество нужныхъ матеріаловъ, онъ оставилъ старостѣ приказъ, съ открытіемъ весны, возить лѣсъ и велѣлъ построить сарай для кирпича, такъ-что Обломову оставалось только пріѣхать весной и, благословясь, начать стройку при себѣ. Къ тому времени предполагалось собрать оброкъ и, кромѣ-того, было въ виду заложить деревню, слѣдовательно, расходы было изъ чего покрыть.

Послѣ болѣзни Илья Ильичъ долго былъ мраченъ, по цѣлымъ часамъ повергался въ болѣзненную задумчивость и иногда не отвѣчалъ на вопросы Захара, не замѣчалъ, какъ онъ ронялъ чашки на полъ и не сметалъ со стола пыль, или хозяйка, являясь по праздникамъ съ пирогомъ, заставала его въ слезахъ.

Потомъ, мало-по-малу, мѣсто живаго горя заступило нѣмое равнодушіе. Илья Ильичъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ падалъ снѣгъ и наносилъ сугробы на дворѣ и на улицѣ, какъ покрылъ дрова, курятники, конуру, садикъ, гряды огорода, какъ изъ столбовъ забора образовались пирамиды, какъ все умерло и окуталось въ саванъ.

Подолгу слушалъ онъ трескъ кофейной мельницы, скаканье на цѣпи и лай собаки, чищенье сапогъ Захаромъ и мѣрный стукъ маятника.

Къ нему, попрежнему, входила хозяйка, съ предложе-

ніемъ купить что-нибудь, или откушать чего-нибудь; бѣгали хозяйскія дѣти: онъ равнодушно-ласково говорилъ съ первой, послѣднимъ задавалъ уроки, слушалъ, какъ они читаютъ, и улыбался на ихъ дѣтскую болтовню вяло и нéхотя.

Но гора осыпалась понемногу, море отступало отъ берега, или приливало къ нему, и Обломовъ мало-по-малу входилъ въ прежнюю нормальную свою жизнь.

Осень, лѣто и зима прошли вяло, скучно. Но Обломовъ ждалъ опять весны и мечталъ о поѣздкѣ въ деревню.

Въ мартѣ напекли жаворонковъ, въ апрѣлѣ у него выставили рамы и объявили, что вскрылась Нева и наступила весна.

Онъ бродилъ по саду. Потомъ стали сажать овощи въ огородѣ; пришли разные праздники. Троица, семикъ, первое мая: все это ознаменовалось березками, вѣнками; въ рощѣ пили чай.

Съ начала лѣта въ домѣ стали поговаривать о двухъ большихъ предстоящихъ праздникахъ: Ивановѣ-днѣ, именинахъ братца, и объ Ильинѣ-днѣ—именинахъ Обломова: это были двѣ важныя эпохи въ виду. И когда хозяйкѣ случалось купить, или видѣть на рынкѣ отличную четверть телятины, или удавался особенно-хорошо пирогъ, она приговаривала:—Ахъ, еслибъ этакая телятина попалась, или этакій пирогъ удался въ Ивановъ или въ Ильинъ-день!

Поговаривали объ ильинской пятницѣ и о совершаемой ежегодно на Пороховые Заводы прогулкѣ пѣшкомъ, о праздникѣ на Смоленскомъ Кладбищѣ, въ Колпинѣ.

Подъ окнами снова раздалось тяжелое кудахтанье насѣдки и пискъ новаго поколѣнія цыплятъ; пошли пироги съ цыплятами и свѣжими грибами, свѣжепросольные огурцы; вскорѣ появились и ягоды.

— Потроха ужь теперь нехороши, сказала хозяйка Об-

ломову:—вчера за двѣ пары маленькихъ просили семь гривенъ, зато лососина свѣжая есть: ботвинье хоть каждый день можно готовить.

Хозяйственная часть въ домѣ Пшеницыной процвѣтала, не потому только, что Агаѳья Матвѣевна была образцовая хозяйка, что это было ея призваніемъ, но и потому еще, что Иванъ Матвѣевичъ Мухояровъ былъ, въ гастрономическомъ отношеніи, великій эпикуреецъ. Онъ былъ болѣе нежели небреженъ въ платье, въ бѣльѣ: платье носилъ по многимъ годамъ и тратилъ деньги на покупку новаго съ отвращеніемъ и досадой, не развѣшивалъ его тщательно, а сваливалъ въ уголъ, въ кучу. Бѣлье, какъ чернорабочій, мѣнялъ только въ субботу; но что касалось стола, онъ не щадилъ издержекъ.

Въ этомъ онъ отчасти руководствовался своей собственной, созданной имъ, со времени вступленія въ службу, логикой: „не увидятъ что въ брюхѣ—и толковать пустяковъ не станутъ; тогда какъ тяжелая цѣпочка на часахъ, новый фракъ, свѣтлые сапоги—все это порождаетъ лишніе разговоры“.

Отъ этого на столѣ у Пшеницыныхъ являлась телятина перваго сорта, янтарная осетрина, бѣлые рябчики. Онъ иногда самъ обходитъ и обнюхаетъ, какъ лягавая собака, рынокъ, или милютины лавки, подъ полой принесетъ лучшую пулярку, не пожалѣетъ четырехъ рублей на индѣйку.

Вино онъ бралъ съ биржи и пряталъ самъ, и самъ доставалъ; но на столѣ никогда никто не видалъ ничего, кромѣ графина водки, настоенной смородиннымъ листомъ; вино же выпивалось въ свѣтлицѣ.

Когда онъ съ Тарантьевымъ отправлялся на тоню, въ пальто у него всегда спрятана была бутылка высокаго сорта мадеры, а когда пили они „въ заведеніи“ чай, онъ приносилъ свой ромъ.

Постепенная осадка, или выступленіе дна морскаго и осыпка горы совершались надъ всѣмъ, и между прочимъ, надъ Анисьей: взаимное влеченье Анисьи и хозяйки превратилось въ неразрывную связь, въ одно существованіе.

Обломовъ, видя участіе хозяйки въ его дѣлахъ, предложилъ однажды ей, въ видѣ шутки, взять всѣ заботы о его продовольствіи на себя и избавить его отъ всякихъ хлопотъ.

Радость разлилась у ней по лицу; она усмѣхнулась даже сознательно. Какъ расширялась ея арена: вмѣсто одного, два хозяйства, или одно, да какое большое! Кромѣ того, она пріобрѣтала Анисью.

Хозяйка поговорила съ братцемъ, и на другой день изъ кухни Обломова все было перетаскано на кухню Пшеницыной; серебро его и посуда поступили въ ея буфетъ, а Акулина была разжалована изъ кухарокъ въ птичницы и въ огородницы.

Все пошло на большую ногу; закупка сахару, чаю, провизіи, соленье огурцовъ, моченье яблокъ и вишень, варенье—все приняло обширные размѣры.

Агафья Матвѣевна выросла, Анисья расправила свои руки, какъ орлица крылья, и жизнь закипѣла и потекла рѣкой.

Обломовъ обѣдалъ съ семьей въ три часа, только братецъ обѣдали особо, послѣ, больше въ кухнѣ, потому что очень поздно приходили изъ должности.

Чай и кофе носила Обломову сама хозяйка, а не Захаръ.

Послѣдній, если хотѣлъ, стиралъ пыль, а если не хотѣлъ, такъ Анисья влетитъ какъ вихрь, и отчасти фартукомъ, отчасти голой рукой, почти носомъ, разомъ все сдуетъ, смахнетъ, сдернетъ, уберетъ и исчезнетъ; не то, такъ сама хозяйка; когда Обломовъ выйдетъ въ садъ, заглянетъ

къ нему въ комнату, найдетъ безпорядокъ, покачаетъ головой и, ворча что-то про себя, взобьетъ подушки горой, тутъ же посмотритъ наволочки, опять шепнетъ себѣ, что надо перемѣнить, и сдернетъ ихъ, оботретъ окна, заглянетъ за спинку дивана и уйдетъ.

Постепенная осадка дна морскаго, осыпанье горъ, наносный илъ, съ прибавкой легкихъ волканическихъ взрывовъ—все это совершилось всего болѣе въ судьбѣ Агафьи Матвѣевны, и никто, всего менѣе она сама, не замѣчалъ это. Оно стало замѣтно только по обильнымъ, неожиданнымъ и безконечнымъ послѣдствіямъ.

Отчего она съ нѣкоторыхъ поръ стала сама не своя?

Отчего прежде, если подгоритъ жаркое, переварится рыба въ ухѣ, не положится зелени въ супъ, она строго, но съ спокойствіемъ и достоинствомъ сдѣлаетъ замѣчаніе Акулинѣ и забудетъ, а теперь, если случится что-нибудь подобное, она выскочитъ изъ-за стола, побѣжитъ на кухню, осыплетъ всею горечью упрековъ Акулину и даже надуется на Анисью, а на другой день присмотритъ сама, положена ли зелень, не переварилась ли рыба.

Скажутъ, можетъ-быть, что она совѣстится показаться неисправной въ глазахъ посторонняго человѣка въ такомъ предметѣ, какъ хозяйство, на которомъ сосредоточивалось ея самолюбіе и вся ея дѣятельность!

Хорошо. А почему прежде, бывало, съ восьми часовъ вечера, у ней слипаются глаза, а въ девять, уложивъ дѣтей и осмотрѣвъ, потушены ли огни на кухнѣ, закрыты ли трубы, прибрано ли все, она ложится—и уже никакая пушка не разбудитъ ее до шести часовъ?

Теперь же, если Обломовъ поѣдетъ въ театръ или засидится у Ивана Герасимовича и долго не ѣдетъ, ей не спится, она ворочается съ боку на бокъ, крестится, вздыхаетъ, закрываетъ глаза—нѣтъ сна, да и только!

Чуть застучатъ на улицѣ, она подниметъ голову, иногда вскочитъ съ постели, отворитъ форточку и слушаетъ: не онъ ли?

Если застучатъ въ ворота, она накинетъ юбку и бѣжитъ въ кухню, расталкиваетъ Захара, Анисью и посылаетъ отворить ворота.

Скажутъ, можетъ быть, что въ этомъ высказывается добросовѣстная домохозяйка, которой не хочется, чтобъ у ней въ домѣ былъ безпорядокъ, чтобъ жилецъ ждалъ ночью на улицѣ, пока пьяный дворникъ услышитъ и отопретъ, что, наконецъ, продолжительный стукъ можетъ перебудить дѣтей...

Хорошо. А отчего, когда Обломовъ сдѣлался болѣнъ, она никого не впускала къ нему въ комнату, устлала ее войлоками и коврами, завѣсила окна и приходила въ ярость — она, такая добрая и кроткая, если Ваня или Маша чуть вскрикнутъ или громко засмѣются?

Отчего по ночамъ, не надѣясь на Захара и Анисью, она просиживала у его постели, не спуская съ него глазъ, до ранней обѣдни, а потомъ, накинувъ салопъ и написавъ крупными буквами на бумажкѣ: „Илья“, бѣжала въ церковь, подавала бумажку въ алтарь, помянуть за здравіе, потомъ отходила въ уголъ, бросалась на колѣни и долго лежала, припавъ головой къ полу, потомъ поспѣшно шла на рынокъ и съ боязнью возвращалась домой, взглядывала въ дверь и шопотомъ спрашивала у Анисьи:

— Что?

Скажутъ, что это ничего больше, какъ жалость, состраданіе, господствующіе элементы въ существѣ женщины.

Хорошо. Отчего же, когда Обломовъ, выздоравливая, всю зиму былъ мраченъ, едва говорилъ съ ней, не заглядывалъ къ ней въ комнату, не интересовался, что она дѣлаетъ, не шутилъ, не смѣялся съ ней—она похудѣла, на нее вдругъ

палъ такой холодъ, такая нѣхоть ко всему: мелетъ она кофе —и не помнитъ что дѣлаетъ, или накладетъ такую пропасть цикорія, что пить нельзя — и не чувствуетъ, точно языка нѣтъ. Не доваритъ Акулина рыбу, разворчатся братецъ, уйдутъ изъ-за стола: она, точно каменная, будто и не слышитъ.

Прежде, бывало, ее никто не видалъ задумчивой, да это и не къ лицу ей: все она ходитъ, да движется, на все смотритъ зорко и видитъ все, а тутъ вдругъ, со ступкой на колѣняхъ, точно заснетъ и не двигается, потомъ вдругъ такъ начнетъ колотить пестикомъ, что даже собака залаетъ, думая, что стучатся въ ворота.

Но только Обломовъ ожилъ, только появилась у него добрая улыбка, только онъ началъ смотрѣть на нее, попрежнему, ласково, заглядывать къ ней въ дверь и шутить — она опять пополнѣла, опять хозяйство ея пошло живо, бодро, весело, съ маленькимъ оригинальнымъ оттѣнкомъ: бывало, она движется цѣлый день, какъ хорошо-устроенная машина, стройно, правильно, ходитъ плавно, говоритъ ни тихо, ни громко, намелетъ кофе, наколетъ сахару, просѣетъ что-нибудь, сядетъ за шитье, игла у ней ходитъ мѣрно, какъ часовая стрѣлка; потомъ она встанетъ, не суетясь; тамъ остановится на полдорогѣ въ кухню, отворитъ шкапъ, вынетъ что-нибудь, отнесетъ — все какъ машина.

А теперь, когда Илья Ильичъ сдѣлался членомъ ея семейства, она и толчетъ и сѣетъ иначе. Свои кружева почти забыла. Начнетъ шить, усядется покойно, вдругъ Обломовъ кричитъ Захару, чтобъ кофе подавалъ—она, въ три прыжка, является въ кухню и смотритъ во всѣ глаза такъ, какъ-будто прицѣливается во что-нибудь, схватитъ ложечку, перельетъ на свѣту ложечки три, чтобъ узнать, уварился ли, отстоялся ли кофе, не подали бы съ гущей, посмотритъ, есть ли пѣнки въ сливкахъ.

Готовится ли его любимое блюдо, она смотритъ на кострюлю, подниметъ крышку, понюхаетъ, отвѣдаетъ, потомъ схватитъ кострюлю сама и держитъ на огнѣ. Третъ ли миндаль, или толчетъ что-нибудь для него, такъ третъ и толчетъ съ такимъ огнемъ, съ такой силой, что ее броситъ въ потъ.

Все ея хозяйство, толченье, глаженье, просѣванье и т. п. — все это получило новый, живой смыслъ: покой и удобство Ильи Ильича. Прежде она видѣла въ этомъ обязанность, теперь это стало ея наслажденіемъ. Она стала жить, по своему, полно и разнообразно.

Но она не знала, что съ ней дѣлается, никогда не спрашивала себя, а перешла подъ это сладостное иго безусловно, безъ сопротивленій и увлеченій, безъ трепета, безъ страсти, безъ смутныхъ предчувствій, томленій, безъ игры и музыки нервъ.

Она какъ-будто вдругъ перешла въ другую вѣру и стала исповѣдывать ее, не разсуждая, что это за вѣра, какіе догматы въ ней, а слѣпо повинуясь ея законамъ.

Это какъ-то легло на нее само-собой, и она подошла точно подъ тучу, не пятясь назадъ и не забѣгая впередъ, а полюбила Обломова просто, какъ-будто простудилась и схватила неизлечимую лихорадку.

Она сама и не подозрѣвала ничего: еслибъ это ей сказать, то это было бы для нея новостью—она бы усмѣхнулась и застыдилась.

Она молча приняла обязанности въ отношеніи къ Обломову, выучила физіономію каждой его рубашки, сосчитала протертыя пятки на чулкахъ, знала, какой ногой онъ встаетъ съ постели, замѣчала, когда хочетъ сѣсть ячмень на глазу, какого блюда и по скольку съѣдаетъ онъ, веселъ онъ или скученъ, много спалъ, или нѣтъ, какъ-будто дѣла-

ла это всю жизнь, не спрашивая себя, зачѣмъ, что такое ей Обломовъ, отчего она такъ суетится.

Еслибъ ее спросили, любитъ ли она его, она бы опять усмѣхнулась и отвѣчала утвердительно, но она отвѣчала бы такъ и тогда, когда Обломовъ жилъ у нея всего съ недѣлю.

За что, или отчего полюбила она его именно, отчего, не любя, вышла замужъ, не любя, дожила до тридцати лѣтъ, а тутъ вдругъ какъ-будто на нее нашло?

Хотя любовь и называютъ чувствомъ капризнымъ, безотчетнымъ, рождающимся какъ болѣзнь, однакожъ и она, какъ все, имѣетъ свои законы и причины. А если до сихъ поръ эти законы изслѣдованы мало, такъ это потому, что человѣку, пораженному любовью, не до того, чтобъ ученымъ окомъ слѣдить, какъ вкрадывается въ душу впечатлѣніе, какъ оковываетъ будто сномъ чувства, какъ сначала ослѣпнуть глаза, съ какого момента пульсъ, а за нимъ сердце начинаетъ биться сильнѣе, какъ является со вчерашняго дня вдругъ преданность до могилы, стремленіе жертвовать собою, какъ мало по малу исчезаетъ свое *я* и переходитъ въ *него*, или въ *нее*, какъ умъ не обыкновенно тупѣетъ или необыкновенно изощряется, какъ воля отдается въ волю другаго, какъ клонится голова, дрожатъ колѣни, являются слезы, горячка...

Агаѳья Матвѣевна мало прежде видала такихъ людей, какъ Обломовъ, а если видала, такъ издали, и, можетъ-быть, они нравились ей, но жили они въ другой, не въ ея сферѣ, и не было никакого случая къ сближенію съ ними.

Илья Ильичъ ходитъ не такъ, какъ ходилъ ея покойный мужъ, коллежскій секретарь Пшеницынъ, мелкой, дѣловой прытью, не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ-будто проситъ осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ

онъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ-будто требуетъ покорности себѣ.

Лицо у него не грубое, не красноватое, а бѣлое, нѣжное; руки не похожи на руки братца—не трясутся, не красныя, а бѣлыя, небольшія. Сядетъ онъ, положитъ ногу на ногу, подопретъ голову рукой—все это дѣлаетъ такъ вольно, покойно и красиво; говоритъ такъ, какъ не говорятъ ее братецъ и Тарантьевъ, какъ не говорилъ мужъ; многаго она даже не понимаетъ, но чувствуетъ, что это умно, прекрасно, необыкновенно; да и то, что́ она понимаетъ, онъ говоритъ какъ-то иначе, нежели другіе.

Бѣлье носитъ тонкое, мѣняетъ его каждый день, моется душистымъ мыломъ, ногти чиститъ—весь онъ такъ хорошъ, такъ чистъ, можетъ ничего не дѣлать и не дѣлаетъ, ему дѣлаютъ все другіе: у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ...

Онъ баринъ, онъ, сіяетъ, блещетъ! Притомъ онъ такъ добръ: какъ мягко онъ ходитъ, дѣлаетъ движенія, дотронется до руки — какъ бархатъ, а тронетъ, бывало, рукой мужъ, какъ ударитъ! И глядитъ онъ, и говоритъ такъ же мягко, съ такой добротой...

Она не думала, не сознавала ничего этого, но еслибъ кто другой вздумалъ услѣдить и объяснить впечатлѣніе, сдѣланное на ея душу появленіемъ въ ея жизни Обломова, тотъ бы долженъ былъ объяснить его такъ, а не иначе.

Илья Ильичъ понималъ, какое значеніе онъ внесъ въ этотъ уголокъ, начиная съ братца до цѣпной собаки, которая, съ появленіемъ его, стала получать втрое больше костей, но онъ не понималъ, какъ глубоко пустило корни это значеніе и какую неожиданную побѣду онъ сдѣлалъ надъ сердцемъ хозяйки.

Въ ея суетливой заботливости о его столѣ, бѣльѣ и комнатахъ, онъ видѣлъ только проявленіе главной черты ея

характера, замѣченной имъ еще въ первое посѣщеніе, когда Акулина внесла внезапно въ комнату трепещущаго пѣтуха и когда хозяйка, не смотря на то, что смущена была неумѣстною ревностью кухарки, успѣла, однако, сказать ей, чтобъ она отдала лавочнику не этого, а сѣраго пѣтуха.

Сама Агаѳья Матвѣевна не въ-силахъ была не только пококетничать съ Обломовымъ, показать ему какимъ-нибудь признакомъ, что́ въ ней происходитъ, но она, какъ сказано, никогда не сознавала и не понимала этого, даже забыла, что, нѣсколько времени назадъ, этого ничего не происходило въ ней, и любовь ея высказалась только въ безграничной преданности до гроба.

У Обломова не были открыты глаза на настоящее свойство ея отношеній къ нему, и онъ продолжалъ принимать это за характеръ. И чувство Пшеницыной, такое нормальное, естественное, безкорыстное, оставалось тайною для Обломова, для окружающихъ ее и для нея самой.

Оно было въ-самомъ-дѣлѣ безкорыстно, потому-что она ставила свѣчку въ церкви, поминала Обломова за здравіе затѣмъ только, чтобъ онъ выздоровѣлъ, и онъ никогда не узналъ объ этомъ. Сидѣла она у изголовья его ночью и уходила съ зарей, и потомъ не было разговора о томъ.

Его отношенія къ ней были гораздо-проще: для него въ Агаѳьѣ Матвѣевнѣ, въ ея вѣчно-движущихся локтяхъ, въ заботливо - останавливающихся на всемъ глазахъ, въ вѣчномъ хожденіи изъ шкапа въ кухню, изъ кухни въ кладовую, оттуда въ погребъ, во всезнаніи всѣхъ домашнихъ и хозяйственныхъ удобствъ, воплощался идеалъ того необозримаго, какъ океанъ, и ненарушимаго покоя жизни, картина котораго неизгладимо легла на его душу въ дѣтствѣ, подъ отеческой кровлей.

Какъ тамъ отецъ его, дѣдъ, дѣти, внучата и гости сидѣ-

ли или лежали въ лѣнивомъ покоѣ, зная, что есть въ домѣ вѣчно-ходящее около нихъ и промышляющее око и непокладныя руки, которыя обошьютъ ихъ, накормятъ, напоятъ, одѣнутъ и обуютъ и спать положатъ, а при смерти закроютъ имъ глаза, такъ и тутъ Обломовъ, сидя и не трогаясь съ дивана, видѣлъ, что движется что-то живое и проворное въ его пользу, и что не взойдетъ завтра солнце, застелютъ небо вихри, понесется бурный вѣтръ изъ концовъ въ концы вселенной, а супъ и жаркое явятся у него на столѣ, а бѣлье его будетъ чисто и свѣжо, а паутина снята со стѣны, и онъ не узнаетъ, какъ это сдѣлается, не дастъ себѣ труда подумать чего ему хочется, а оно будетъ угадано и принесено ему подъ-носъ, не съ лѣнью, не съ грубостью, не грязными руками Захара, а съ бодрымъ и кроткимъ взглядомъ, съ улыбкой глубокой преданности, чистыми, бѣлыми руками и съ голыми локтями.

Онъ каждый день все болѣе-и-болѣе дружился съ хозяйкой: о любви и въ умъ ему не приходило, то-есть о той любви, которую онъ недавно перенесъ, какъ какую-нибудь оспу, корь или горячку, и содрогался, когда вспоминалъ о ней.

Онъ сближался съ Агаѳьей Матвѣевной — какъ-будто подвигался къ огню, отъ котораго становится все теплѣе и теплѣе, но котораго любить нельзя.

Онъ послѣ обѣда охотно оставался и курилъ трубку въ ея комнатѣ, смотрѣлъ, какъ она укладывала въ буфетъ серебро, посуду, какъ вынимала чашки, наливала кофе, какъ, особенно-тщательно вымывъ и обтеревъ одну чашку, наливала прежде всѣхъ, подавала ему и смотрѣла, доволенъ ли онъ.

Онъ охотно останавливалъ глаза на ея полной шеѣ и круглыхъ локтяхъ, когда отворялась дверь къ ней въ комнату, и даже, когда она долго не отворялась, онъ поти-

хоньку ногой отворялъ ее самъ и шутилъ съ ней, игралъ съ дѣтьми.

Но ему не было скучно, если утро проходило и онъ не видалъ ее; послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобъ остаться съ ней, онъ часто уходилъ соснуть часа на два; но онъ зналъ, что лишь только онъ проснется, чай ему готовъ, и даже въ ту самую минуту, какъ проснется.

И главное, все это дѣлалось покойно: не было у него ни опухоли у сердца, ни разу онъ не волновался тревогой о томъ, увидитъ ли онъ хозяйку или нѣтъ, что́ она подумаетъ, что́ сказать ей, какъ отвѣчать на ея вопросъ, какъ она взглянетъ—ничего, ничего.

Тоски, безсонныхъ ночей, сладкихъ и горькихъ слезъ—ничего не испыталъ онъ. Сидитъ и куритъ, и глядитъ, какъ она шьетъ, иногда скажетъ что-нибудь, или ничего не скажетъ, а между тѣмъ покойно ему, ничего не надо, никуда не хочется, какъ-будто все тутъ есть, что́ ему надо.

Никакихъ понуканій, никакихъ требованій не предъявляетъ Агафья Матвѣевна. И у него не рождается никакихъ самолюбивыхъ желаній, позывовъ, стремленій на подвиги, мучительныхъ терзаній о томъ, что уходитъ время, что гибнутъ его силы, что ничего не сдѣлалъ онъ, ни зла, ни добра, что празденъ онъ и не живетъ, а прозябаетъ.

Его какъ-будто невидимая рука посадила, какъ драгоцѣнное растеніе, въ тѣнь отъ жара, подъ кровъ отъ дождя, и ухаживаетъ за нимъ, лелѣетъ.

— Что это какъ у васъ проворно ходитъ игла мимо носа, Агафья Матвѣевна! сказалъ Обломовъ: — Вы такъ живо снизу поддѣваете, что я, право, боюсь, какъ бы вы не пришили носа къ юбкѣ.

Она усмѣхнулась.

— Вотъ только дострочу эту строчку, говорила она почти про-себя:—ужинать станемъ.

— А что́ къ ужину? спрашиваетъ онъ.

— Капуста кислая съ лососиной, сказала она. — Осетрины нѣтъ нигдѣ: ужь я всѣ лавки выходила и братецъ спрашивали—нѣтъ. Вотъ развѣ попадется живой осетръ—купецъ изъ каретнаго ряда заказалъ—такъ обѣщали часть отрѣзать. Потомъ телятина, каша на сковородѣ...

— Вотъ это прекрасно! Какъ вы милы, что вспомнили Агафья Матвѣевна! Только не забыла бы Анисья.

— А я-то на что? Слышите, шипитъ? отвѣчала она, отворивъ немного дверь въ кухню:—Ужъ жарится.

Потомъ дошила, откусила нитку, свернула работу и отнесла въ спальню.

Итакъ, онъ подвигался къ ней, какъ къ теплому огню, и однажды подвинулся очень близко, почти до пожара, по крайней мѣрѣ до вспышки.

Онъ ходилъ по своей комнатѣ и, оборачиваясь къ хозяйской двери, видѣлъ, что локти дѣйствуютъ съ необыкновеннымъ проворствомъ.

— Вѣчно заняты! сказалъ онъ, входя къ хозяйкѣ.—Что это такое?

— Корицу толку, отвѣчала она, глядя въ ступку, какъ въ пропасть, и немилосердно стуча пестикомъ.

— А если я вамъ помѣшаю? спросилъ онъ, взявъ ее за локти и не давая толочь.

— Пустите! Еще надо сахару натолочь, да вина отпустить на пуддингъ.

Онъ все держалъ ее за локти, и лицо его было у ея затылка.

— Скажите, что еслибъ я васъ... полюбилъ?

Она усмѣхнулась.

— А вы бы полюбили меня? опять спросилъ онъ.

— Отчего же не полюбить? Богъ всѣхъ велѣлъ любить.

— А если я поцѣлую васъ? шепнулъ онъ наклонясь къ ея щекѣ, такъ что дыханіе его обожгло ей щеку.

— Теперь не святая недѣля, сказала она съ усмѣшкой.

— Ну, поцѣлуйте же меня!

— Вотъ, Богъ дастъ, доживемъ до пасхи, такъ поцѣлуемся, сказала она, не удивляясь, не смущаясь, не робѣя, а стоя прямо и неподвижно, какъ лошадь, на которую надѣваютъ хомутъ. Онъ слегка поцѣловалъ ее въ шею.

— Смотрите, просыплю корицу; вамъ же нѣчего будетъ въ пирожное положить, замѣтила она.

— Не бѣда! отвѣчалъ онъ.

— Что это у васъ на халатѣ опять пятно? заботливо спросила она, взявъ въ руки полу халата. Кажется, масло?—Она понюхала пятно:—Гдѣ это вы? Не съ лампадки ли накапало?

— Не знаю, гдѣ это я пріобрѣлъ.

— Вѣрно за дверь задѣли? вдругъ догадалась Агафья Матвѣевна:—Вчера мазали петли: все скрипятъ. Скиньте, да дайте скорѣе, я выведу и замою: завтра ничего не будетъ.

— Добрая Агафья Матвѣевна! сказалъ Обломовъ, лѣниво сбрасывая съ плечъ халатъ:—Знаете что: поѣдемте-ка въ деревню жить: тамъ-то хозяйство! Чего, чего нѣтъ: грибовъ, ягодъ, варенья, птичій, скотный дворъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ? заключила она со вздохомъ:—Здѣсь родились, вѣкъ жили, здѣсь и умереть надо.

Онъ глядѣлъ на нее съ легкимъ волненіемъ, но глаза не блистали у него, не наполнялись слезами, не рвался духъ на высоту, на подвиги. Ему только хотѣлось сѣсть на диванъ и не спускать глазъ съ ея локтей.

II.

Ивановъ-день прошелъ торжественно. Иванъ Матвѣ-

евичъ наканунѣ не ходилъ въ должность, ѣздилъ, какъ угорѣлый, по городу, и всякій разъ пріѣзжалъ домой то съ кулькомъ, то съ корзиной.

Агаѳья Матвѣевна трои сутки жила однимъ кофе и только для Ильи Ильича готовились три блюда, а прочіе ѣли какъ-нибудь и что̀-нибудь.

Анисья наканунѣ даже вовсе не ложилась спать. Только одинъ Захаръ выспался за нее и за себя, и на всѣ эти приготовленія смотрѣлъ небрежно, съ полупрезрѣніемъ.

— У насъ, въ Обломовкѣ, этакъ, каждый праздникъ готовили, говорилъ онъ двумъ поварамъ, которые приглашены были съ графской кухни:—бывало, пять пирожныхъ подадутъ, а соусовъ что́, такъ и не пересчитаешь! И цѣлый день господа-то кушаютъ, и на другой день. А мы дней пять доѣдаемъ остатки. Только доѣли, смотришь гости пріѣхали—опять пошло, а здѣсь разъ въ годъ!

Онъ за обѣдомъ подавалъ первому Обломову и ни за что́ не соглашался подать какому-то господину, съ большимъ крестомъ на шеѣ.

— Нашъ-то столбовой, гордо говорилъ онъ:—а это что́ за гости!

Тарантьеву, сидѣвшему на концѣ, вовсе не подавалъ, или самъ сваливалъ ему на тарелку кушанье, сколько заблагоразсудитъ.

Всѣ сослуживцы Ивана Матвѣевича были на-лицо, человѣкъ тридцать.

Огромная форель, фаршированные цыплята, перепелки, мороженое и отличное вино—все это достойно ознаменовало годичный праздникъ.

Гости, подъ-конецъ, обнимались, до небесъ превозносили вкусъ хозяина и потомъ сѣли за карты. Мухояровъ кланялся и благодарилъ, говоря, что онъ, для счастья уго-

стить дорогихъ гостей, не пожалѣлъ третнаго будто-бы жалованья.

Къ утру гости разъѣхались и разошлись, съ грѣхомъ пополамъ, и опять все смолкло въ домѣ до Ильина-дня.

Въ этотъ день, изъ постороннихъ были только въ гостяхъ у Обломова Иванъ Герасимовичъ и Алексѣевъ, безмолвный и безотвѣтный гость, который звалъ въ началѣ разсказа Илью Ильича на первое мая. Обломовъ нетолько не хотѣлъ уступить Ивану Матвѣевичу, но старался блеснуть тонкостью и изяществомъ угощенія, неизвѣстными въ этомъ углу.

Вмѣсто жирной кулебяки, явились начиненные воздухомъ пирожки; передъ супомъ подали устрицъ; цыплята въ папильйоткахъ, сътрюфелями, сладкія мяса, тончайшая зелень, англійскій супъ.

По срединѣ стола красовался громадный ананасъ и кругомъ лежали персики, вишни, абрикосы. Въ вазахъ живые цвѣты.

Только принялись за супъ, только Тарантьевъ обругалъ пирожки и повара, за глупую выдумку ничего не класть въ нихъ, какъ послышалось отчаянное скаканье и лай собаки на цѣпи.

На дворъ въѣхалъ экипажъ и кто-то спрашивалъ Обломова. Всѣ и рты разинули.

— Кто-нибудь изъ прошлогднихъ знакомыхъ вспомнилъ мои именины, сказалъ Обломовъ:—дома нѣтъ, скажи дома нѣтъ! кричалъ онъ шопотомъ Захару.

Обѣдали въ саду, въ бесѣдкѣ. Захаръ бросился-было отказать и столкнулся на дорожкѣ съ Штольцомъ:

— Андрей Иванычъ, прохрипѣлъ онъ радостно.

— Андрей! громко воззвалъ къ нему Обломовъ и бросился обнимать его.

— Какъ я кстати, къ самому обѣду! сказалъ Штольцъ: —накорми меня; я голоденъ. Насилу отъискалъ тебя!

— Пойдемъ, пойдемъ, садись! суетливо говорилъ Обломовъ, сажая его подлѣ себя.

При появленіи Штольца, Тарантьевъ первый проворно переправился черезъ плетень и шагнулъ въ огородъ; за нимъ скрылся за бесѣдку Иванъ Матвѣевичъ и исчезъ въ свѣтлицу. Хозяйка тоже поднялась съ мѣста.

— Я помѣшалъ, сказалъ Штольцъ, вскакивая.

— Куда это, зачѣмъ? Иванъ Матвѣичъ! Михей Андреичъ! кричалъ Обломовъ.

Хозяйку онъ усадилъ на свое мѣсто, а Ивана Матвѣевича и Тарантьева дозваться не могъ.

— Откуда, какъ, на долго ли? посыпались вопросы.

Штольцъ пріѣхалъ на двѣ недѣли, по дѣламъ, и отправлялся въ деревню, потомъ въ Кіевъ и еще Богъ-знаетъ куда.

Штольцъ за столомъ говорилъ мало, но ѣлъ много: видно, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ голоденъ. Прочіе и подавно ѣли молча.

Послѣ обѣда, когда все убрали со стола, Обломовъ велѣлъ оставить въ бесѣдкѣ шампанское и сельтерскую воду и остался вдвоемъ съ Штольцомъ.

Они молчали нѣкоторое время Штольцъ пристально и долго глядѣлъ на него.

— Ну, Илья!? сказалъ онъ, наконецъ, но такъ строго, такъ вопросительно, что Обломовъ смотрѣлъ внизъ и молчалъ.

— Стало-быть „никогда?“

— Что́ „никогда?“ спросилъ Обломовъ, будто не понимая.

— Ты ужь забылъ: „теперь или никогда!“

— Я не такой теперь... что́ былъ тогда, Андрей, сказалъ онъ наконецъ: — дѣла мои, слава Богу, въ порядкѣ: я не лежу праздно, планъ почти конченъ, выписываю

два журнала; книги, что́ ты оставилъ, почти всѣ прочиталъ...

— Отчего жь не пріѣхалъ за границу? спросилъ Штольцъ.

— За границу мнѣ помѣшала пріѣхать...

Онъ замялся.

— Ольга? сказалъ Штольцъ, глядя на него выразительно.

Обломовъ вспыхнулъ.

— Какъ, уже ли ты слышалъ... Гдѣ она теперь? быстро спросилъ онъ, взглянувъ на Штольца.

Штольцъ, не отвѣчая, продолжалъ смотрѣть на него, глубоко заглядывая ему въ душу.

— Я слышалъ, она съ тёткой уѣхала за границу, говорилъ Обломовъ вскорѣ...

— Вскорѣ послѣ того, какъ узнала свою ошибку, договорилъ Штольцъ.

— Развѣ ты знаешь... говорилъ Обломовъ, не зная куда дѣваться отъ смущенья.

— Все, сказалъ Штольцъ:—даже и о вѣткѣ сирени. И тебѣ не стыдно, не больно, Илья? не жжетъ тебя раскаяніе, сожалѣніе?..

— Не говори, не поминай! торопливо перебилъ его Обломовъ: — я и то вынесъ горячку, когда увидѣлъ, какая бездна лежитъ между мной и ею, когда убѣдился, что я не сто́ю ея... Ахъ, Андрей! если ты любишь меня, не мучь, не поминай о ней: я давно указывалъ ей ошибку, она не хотѣла вѣрить... право я не очень виноватъ...

— Я не виню тебя, Илья, дружески, мягко продолжалъ Штольцъ:—я читалъ твое письмо. Виноватъ больше всѣхъ я, потомъ она, потомъ ужь ты, и то мало.

— Что́ она теперь? робко спросилъ Обломовъ.

— Что́: груститъ, плачетъ неутѣшными слезами и проклинаетъ тебя...

Испугъ, состраданіе, ужасъ, раскаяніе съ каждымъ словомъ являлись на лицѣ Обломова.

— Что ты говоришь, Андрей! сказалъ онъ, вставая съ мѣста.—Поѣдемъ, ради Бога, сейчасъ, сію минуту: я у ногъ ея выпрошу прощеніе...

— Сиди смирно! перебилъ Штольцъ, засмѣявшись: — она весела, даже счастлива, велѣла кланяться тебѣ и хотѣла писать, но я отговорилъ, сказалъ, что это тебя взволнуетъ.

— Ну, слава Богу! почти со слезами произнесъ Обломовъ:—какъ я радъ, Андрей, позволь поцѣловать тебя и выпьемъ за ея здоровье.

Они выпили по бокалу шампанскаго.

— Гдѣ жь она теперь?

— Теперь въ Швейцаріи. Къ осени она съ тёткой поѣдетъ къ себѣ въ деревню. Я за этимъ здѣсь теперь: нужно еще окончательно похлопотать въ палатѣ. Баронъ не додѣлалъ дѣла; онъ вздумалъ посвататься за Ольгу...

— Уже ли? Такъ это правда, спросилъ Обломовъ:—ну, что жь она?

— Разумѣется, что: отказала; онъ огорчился и уѣхалъ, а я вотъ теперь доканчивай дѣла! На той недѣлѣ все кончится. Ну, ты что? Зачѣмъ ты забился въ эту глушь?

— Покойно здѣсь, тихо, Андрей, никто не мѣшаетъ...

— Въ чемъ?

— Заниматься...

— Помилуй, здѣсь та же Обломовка, только гаже, говорилъ Штольцъ, оглядываясь.—Поѣдемъ-ка въ деревню, Илья.

— Въ деревню... хорошо, пожалуй: тамъ же стройка начнется скоро, только не вдругъ, Андрей, дай сообразить...

— Опять сообразить! Знаю я твои соображенія: сооб-

разишь, какъ года два назадъ сообразилъ ѣхать за границу. Поѣдемъ на той недѣлѣ.

— Какъ же вдругъ, на той недѣлѣ? защищался Обломовъ:—ты на ходу, а мнѣ, вѣдь, надо приготовиться... У меня здѣсь все хозяйство: какъ я кину его? У меня ничего нѣтъ.

— Да ничего и не надо. Ну, что́ тебѣ нужно?

Обломовъ молчалъ.

— Здоровье плохо, Андрей, сказалъ онъ:—одышка одолѣваетъ. Ячмени опять пошли, то на томъ, та на другомъ глазу, и ноги стали отекать. А иногда заспишься ночью, вдругъ точно ударитъ кто-нибудь по головѣ, или по спинѣ, такъ что вскочишь...

— Послушай, Илья, серьёзно скажу тебѣ, что надо перемѣнить образъ жизни, иначе, ты наживешь себѣ водяную или ударъ. Ужь съ надеждами на будущность—кончено: если Ольга, этотъ ангелъ, не унесъ тебя на своихъ крыльяхъ изъ твоего болота, такъ я ничего не сдѣлаю. Но избрать себѣ маленькій кругъ дѣятельности, устроить деревушку, возиться съ мужиками, входить въ ихъ дѣла, строить, садить—все это ты долженъ и можешь сдѣлать... Я отъ тебя не отстану. Теперь ужъ слушаюсь не одного своего желанія, а воли Ольги: она хочетъ — слышишь? чтобъ ты не умиралъ совсѣмъ, не погребался заживо, и я обѣщалъ откапывать тебя изъ могилы...

— Она еще на забыла меня! Да сто́ю ли я! сказалъ Обломовъ съ чувствомъ.

— Нѣтъ, не забыла и, кажется, никогда не забудетъ: это не такая женщина. Ты еще долженъ ѣхать къ ней въ деревню, въ гости.

— Не теперь только, ради Бога, не теперь, Андрей! Дай забыть. Ахъ, еще здѣсь...

Онъ указалъ на сердце.

— Что̀ здѣсь? Не любовь ли? спросилъ Штольцъ.

— Нѣтъ, стыдъ и горе! со вздохомъ отвѣтилъ Обломовъ.

— Ну, хорошо! Поѣдемъ къ тебѣ: вѣдь тебѣ строиться надо; теперь лѣто, драгоцѣнное время уходитъ...

— Нѣтъ, у меня повѣренный есть. Онъ и теперь въ деревнѣ, а я могу послѣ пріѣхать, когда соберусь, подумаю.

Онъ сталъ хвастаться передъ Штольцомъ, какъ, не сходя съ мѣста, онъ отлично устроилъ дѣла, какъ повѣренный собираетъ справки о бѣглыхъ мужикахъ, выгодно продаетъ хлѣбъ и какъ прислалъ ему полторы тысячи и, вѣроятно, соберетъ и пришлетъ въ этомъ году оброкъ.

Штолцъ руками всплеснулъ при этомъ разсказѣ.

— Ты ограбленъ кругомъ! сказалъ онъ:—Съ трехсотъ душъ полторы тысячи рублей! Кто повѣренный? Что́ за человѣкъ?

— Больше полуторы тысячи, поправилъ Обломовъ: — онъ изъ выручки же за хлѣбъ получилъ вознагражденіе за трудъ...

— Сколько-жь?

— Не помню, право, да я тебѣ покажу: у меня гдѣ-то есть разсчетъ.

— Ну, Илья! Ты въ-самомъ-дѣлѣ умеръ, погибъ! заключилъ онъ.—Одѣвайся, поѣдемъ ко мнѣ!

Обломовъ сталъ-было дѣлать возраженія, но Штольцъ почти-насильно увезъ его къ себѣ, написалъ довѣренность на свое имя, заставилъ Обломова подписать, и объявилъ ему, что онъ беретъ Обломовку на аренду до-тѣхъ-поръ, пока Обломовъ самъ пріѣдетъ въ деревню и привыкнетъ къ хозяйству.

— Ты будешь получать втрое больше, сказалъ онъ:— только я долго твоимъ арендаторомъ не буду,—у меня свои

дѣла есть. Поѣдемъ въ деревню теперь, или пріѣзжай вслѣдъ за мной. Я буду въ имѣніи Ольги: это въ трехстахъ верстахъ, заѣду и къ тебѣ, выгоню повѣреннаго, распоряжусь, а потомъ являйся самъ. Я отъ тебя не отстану.

Обломовъ вздохнулъ.

— Ахъ жизнь! сказалъ онъ.

— Что́ жизнь?

— Трогаетъ, нѣтъ покоя! Легъ бы и заснулъ... навсегда...

— То-есть, погасилъ бы огонь и остался въ темнотѣ! Хороша жизнь! Эхъ, Илья! ты хоть пофилософствовалъ бы немного, право! Жизнь мелькнетъ, какъ мгновеніе, а онъ легъ бы да заснулъ! Пусть она будетъ постояннымъ горѣніемъ! Ахъ, еслибъ прожить лѣтъ двѣсти, триста! заключилъ онъ: сколько бы можно было передѣлать дѣла!

— Ты—другое дѣло, Андрей, возразилъ Обломовъ:—у тебя крылья есть: ты не живешь, ты летаешь; у тебя есть дарованія, самолюбіе; ты, вонъ, не толстъ, не одолѣваютъ ячмени, не чешется затылокъ. Ты какъ-то иначе устроенъ...

— Э, полно! Человѣкъ созданъ самъ устроивать себя и даже мѣнять свою природу, а онъ отростилъ брюхо, да и думаетъ, что природа послала ему эту ношу! У тебя были крылья, да ты отвязалъ ихъ.

— Гдѣ они крылья-то? уныло говорилъ Обломовъ:—Я ничего не умѣю...

— То-есть не хочешь умѣть, перебилъ Штольцъ.—Нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ чего-нибудь, ей-Богу, нѣтъ!

— А вотъ я не умѣю! сказалъ Обломовъ.

— Тебя послушать, такъ ты и бумаги не умѣешь въ управу написать и письма́ къ домовому хозяину, а къ Ольгѣ письмо написалъ же? Не путалъ тамъ *котораго* и *что?* И бумага нашлась атласная, и чернила изъ англійскаго магазина, и почеркъ бойкій: что́?

Обломовъ покраснѣлъ.

— Понадобилось, такъ явились и мысли и языкъ, хоть напечатать въ романѣ гдѣ-нибудь. А нѣтъ нужды, такъ и не умѣю, и глаза не видятъ, и въ рукахъ слабость! Ты свое умѣнье затерялъ еще въ дѣтствѣ, въ Обломовкѣ, среди тётокъ, нянекъ и дядекъ. Началось съ неумѣнья надѣвать чулки и кончилось неумѣньемъ жить.

— Все это, можетъ-быть, правда, Андрей, да дѣлать нéчего, не воротишь! съ рѣшительнымъ вздохомъ сказалъ Илья.

— Какъ не воротишь! сердито возразилъ Штольцъ:— Какіе пустяки. Слушай, да дѣлай, что́ я говорю, вотъ и воротишь!

Но Штольцъ уѣхалъ въ деревню одинъ, а Облóмовъ остался, обѣщаясь пріѣхать къ осени.

— Что́ сказать Ольгѣ? спросилъ Штольцъ Обломова передъ отъѣздомъ.

Обломовъ наклонилъ голову и печально молчалъ; потомъ вздохнулъ.

— Не поминай ей обо мнѣ! наконецъ сказалъ онъ въ смущеніи:—скажи, что не видалъ, не слыхалъ...

— Она не повѣритъ, возразилъ Штольцъ.

— Ну, скажи, что я погибъ, умеръ, пропалъ...

— Она заплачетъ и долго не утѣшится: за что́ же печалить ее?

Обломовъ задумался съ умиленіемъ; глаза были влажны.

— Ну, хорошо; я солгу ей, скажу, что ты живешь ея памятью, заключилъ Штольцъ: — и ищешь строгой и серьёзной цѣли. Ты замѣть, что сама жизнь и трудъ есть цѣль жизни, а не женщина: въ этомъ вы ошибались оба. Какъ она будетъ довольна!

Они простились.

III.

Тарантьевъ и Иванъ Матвѣевичъ на другой день Ильина-дня опять сошлись вечеромъ въ заведеніи.

— Чаю! мрачно приказывалъ Иванъ Матвѣевичъ, и когда половой подалъ чай и ромъ, онъ съ досадой сунулъ ему бутылку назадъ.—Это не ромъ, а гвозди! сказалъ онъ и, вынувъ изъ кармана пальто свою бутылку, откупорилъ и далъ понюхать половому.

— Не суйся же впередъ съ своей, замѣтилъ онъ.

— Что́, кумъ, вѣдь плохо! сказалъ онъ, когда ушелъ половой.

— Да, чортъ его принесъ! яростно возразилъ Тарантьевъ:—Каковъ шельма, этотъ нѣмецъ! Уничтожилъ довѣренность, да на аренду имѣніе взялъ? Слыханное ли это дѣло у васъ? Обдеретъ же онъ овечку-то.

— Если онъ дѣло знаетъ, кумъ, я боюсь, чтобъ тамъ чего не вышло. Какъ узнаетъ, что оброкъ-то собранъ, а получили-то его мы, да, пожалуй, дѣло затѣетъ...

— Ужь и дѣло! Трусливъ ты сталъ, кумъ! Затертый не первый разъ запускаетъ лапу въ помѣщичьи деньги, умѣетъ концы прятать. Росписки, что ли, онъ даетъ мужикамъ: чай съ-глазу на глазъ беретъ. Погорячится нѣмецъ, покричитъ, и будетъ съ него. А то еще дѣло!

— Ой-ли? развеселясь, сказалъ Мухояровъ:—Ну выпьемъ же.

Онъ подлилъ рому себѣ и Тарантьеву.

— Глядишь, кажется, нельзя и жить на бѣломъ свѣтѣ, а выпьешь, можно жить! утѣшался онъ.

— А ты тѣмъ временемъ вотъ что сдѣлаешь, кумъ, продолжалъ Тарантьевъ:—ты выведи какіе-нибудь счеты, какіе хочешь, за дрова, за капусту, ну, за что хочешь, бла-

го Обломовъ теперь передалъ кумѣ хозяйство, и покажи сумму въ расходъ. А Затертый, какъ пріѣдетъ, скажемъ, что привезъ оброчныхъ денегъ столько-то и что въ расходъ ушли.

— А какъ онъ возьметъ счеты, да покажетъ послѣ нѣмцу, тотъ сосчитаетъ, такъ пожалуй, того...

— Во-на! Онъ ихъ сунетъ куда-нибудь и самъ чортъ не сыщетъ. Когда-то еще нѣмецъ пріѣдетъ, до тѣхъ поръ забудется...

— Ой-ли? Выпьемъ кумъ, сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, наливая въ рюмку: — жалко разбавлять чаемъ добро. Ты понюхай: три цѣлковыхъ. Не заказать ли селянку?

— Можно.

— Эй!

— Нѣтъ, каковъ шельма! „Дай, говоритъ, мнѣ на аренду,“ опять съ яростью началъ Тарантьевъ:—вѣдь намъ съ тобой, русскимъ людямъ, этого въ голову бы не пришло! Это заведеніе-то нѣмецкой стороной пахнетъ. Тамъ все какія-то фермы, да аренды. Вотъ постой, онъ его еще акціями допечетъ.

— Что это за акціи такія, я все не разберу хорошенько? спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Нѣмецкая выдумка! сказалъ Тарантьевъ злобно:—Это, напримѣръ, мошенникъ какой нибудь выдумаетъ дѣлать несгараемые домы и возьмется городъ построить: нужны деньги, онъ и пуститъ въ продажу бумажки, положимъ, по пятисотъ рублей, а толпа олуховъ и покупаетъ, да и перепродаетъ другъ другу. Послышится, что предпріятіе идетъ хорошо, бумажки вздорожаютъ, худо—все и лопнетъ. У тебя останутся бумажки, а денегъ-то нѣтъ. Гдѣ городъ? спросишь: сгорѣлъ, говорятъ, недостроился, а изобрѣтатель бѣжалъ съ твоими деньгами. Вотъ онѣ, акціи-

то! Нѣмецъ ужь втянетъ его! Диво, какъ до сихъ поръ не втянулъ? Я все мѣшалъ, благодѣтельствовалъ земляку!

— Да, эта статья кончена: дѣло рѣшено и сдано въ архивъ; заговѣлись мы оброкъ-то получать съ Обломовки... говорилъ, опьянѣвъ немного, Мухояровъ.

— А чортъ съ нимъ, кумъ! У тебя денегъ-то лопатой не переворачаешь! возражалъ Тарантьевъ, тоже немного въ туманѣ: — источникъ есть вѣрный, черпай только, не уставай. Выпьемъ!

— Что, кумъ, за источникъ? По цѣлковому, да по трехрублевому собираешь весь вѣкъ...

— Да вѣдь двадцать лѣтъ собираешь, кумъ: не грѣши!

— Ужь и двадцать! нетвердымъ языкомъ отозвался Иванъ Матвѣевичъ:— ты забылъ, что я всего десятый годъ секретаремъ. А прежде гривенники, да двугривенные болтались въ карманѣ, а иногда, срамъ сказать, зачастую и мѣдью приходилось собирать. Что это за жизнь! Эхъ, кумъ! Какіе это люди на свѣтѣ есть счастливые, что за одно словцо, такъ вотъ шепнетъ на ухо другому, или строчку продиктуетъ, или, просто, имя свое напишетъ на бумагѣ—и вдругъ такая опухоль сдѣлается въ карманѣ, словно подушка, хоть спать ложись. Вотъ бы поработать этакъ-то, замечталъ онъ, пьянѣя все болѣе и болѣе:—просители и въ лицо почти не видятъ и подойти не смѣютъ. Сядетъ въ карету „въ клубъ!“ крикнетъ, а тамъ, въ клубѣ-то, въ звѣздахъ руку жмутъ, играетъ-то не по пятачку, а обѣдаетъ-то, обѣдаетъ—ахъ! Про селянку и говоритъ постыдится: сморщится, да плюнетъ. Нарочно зимой цыплятъ дѣлаютъ къ обѣду, земляннику въ апрѣлѣ подадутъ! Дома жена въ блондахъ, у дѣтей гувернантка, ребятишки причесанные, разряженные. Эхъ, кумъ! Есть рай, да грѣхи не пускаютъ. Выпьемъ! Вонъ и селянку несутъ!

— Не жалуйся, кумъ, не грѣши: капиталъ есть, и хо-

рошій... говорилъ опьянѣвшій Тарантьевъ, съ красными, какъ въ крови, глазами.—Тридцать пять тысячъ серебромъ—не шутка!

— Тише, тише, кумъ! прервалъ Иванъ Матвѣевичъ:— Что жь, все тридцать пять! Когда до пятидесяти дотянешь? Да съ пятидесятью въ рай не попадешь. Женишься, такъ живи съ оглядкой, каждый рубль считай, объ ямайскомъ забудь и думать—что это за жизнь!

— Зато покойно, кумъ; тотъ цѣлковый, тотъ два—смотришь, въ день рублей семь и спряталъ. Ни привязки, ни придирки, ни пятенъ, ни дыму. А подъ большимъ дѣломъ подпишешь иной разъ имя, такъ послѣ всю жизнь и выскабливаешь боками. Нѣтъ, братъ, не грѣши, кумъ!

Иванъ Матвѣевичъ не слушалъ и давно о чемъ-то думалъ.

— Послушай-ка, вдругъ началъ онъ, выпучивъ глаза и чему-то обрадовавшись, такъ что хмѣль почти прошелъ:— да нѣтъ, боюсь, не скажу, не выпущу изъ головы такую птицу. Вотъ сокровище-то залетѣло... Выпьемъ, кумъ, выпьемъ скорѣй!

— Не стану, пока не скажешь, говорилъ Тарантьевъ, отодвигая рюмку.

— Дѣло-то, кумъ, важное, шепталъ Мухояровъ, поглядывая на дверь.

— Ну?.. нетерпѣливо спросилъ Тарантьевъ.

— Вотъ набрелъ на находку. Ну, знаешь что, кумъ, вѣдь это все равно, что имя подъ большимъ дѣломъ подписать, ей-Богу такъ!

— Да что, скажешь ли?

— А могарычъ-то какой? могарычъ?

— Ну? понукалъ Тарантьевъ.

— Погоди, дай еще подумать. Да, тутъ нечего уничтожить, тутъ законъ. Такъ и быть, кумъ, скажу, и то пото-

му, что ты нуженъ; безъ тебя неловко. А то, видитъ Богъ, не сказалъ бы; не такое дѣло, чтобъ другая душа знала.

— Развѣ я другая душа для тебя, кумъ? Кажется, не разъ служилъ тебѣ, и свидѣтелемъ бывалъ, и копіи... помнишь? Свинья ты этакая!

— Кумъ, кумъ! Держи языкъ за зубами. Вонъ, вѣдь, ты какой, изъ тебя какъ изъ пушки, такъ и палитъ!

— Кой чортъ услышитъ здѣсь? Не помню, что ли, я себя? съ досадой сказалъ Тарантьевъ:—Что ты меня мучишь? Ну, говори.

— Слушай же: вѣдь Илья Ильичъ трусоватъ, никакихъ порядковъ не знаетъ: тогда отъ контракта голову потерялъ, довѣренность прислали, такъ не зналъ, за что приняться, не помнитъ даже, сколько оброку получаетъ, самъ говоритъ: „ничего не знаю...“

— Ну? нетерпѣливо спросилъ Тарантьевъ.

— Ну, вотъ онъ къ сестрѣ-то больно часто повадился ходить. Намедни часу до перваго засидѣлся, столкнулся со мной въ прихожей и будто не видалъ. Такъ вотъ, поглядимъ еще что будетъ, да и того... Ты стороной и поговори съ нимъ, что безчестье въ домѣ заводить нехорошо, что она вдова: скажи, что ужь объ этомъ узнали; что теперь ей не выйти замужъ; что женихъ присватывался, богатый купецъ, а теперь прослышалъ, дескать, что онъ по вечерамъ сидитъ у нея, не хочетъ.

— Ну что жь, онъ перепугается, повалится на постель, да и будетъ ворочаться, какъ боровъ, да вздыхать—вотъ и все, сказалъ Тарантьевъ. Какая же выгода? Гдѣ могарычъ?

— Экой какой! А ты скажи, что пожаловаться хочу, что будто подглядѣли за нимъ, что свидѣтели есть...

— Ну?

— Ну, коли перепугается очень, ты скажи, что можно помириться, пожертвовать маленькій капиталъ.

— Гдѣ у него деньги-то? спросилъ Тарантьевъ:—Онъ обѣщать-то обѣщаетъ со страху хоть десять тысячъ...

— Ты мнѣ только мигни тогда, а я ужь заемное письмецо заготовлю... на имя сестры: „занялъ я, дескать, Обломовъ у такой-то вдовы десять тысячъ, срокомъ, и т. д.“.

— Что жь толку-то, кумъ? Я не пойму: деньги достанутся сестрѣ и ея дѣтямъ. Гдѣ жь могарычъ?

— А сестра мнѣ дастъ заемное письмо на таковую же сумму; я дамъ ей подписать.

— Если она не подпишетъ? упрется?

— Сестра-то!

И Иванъ Матвѣевичъ залился тоненькимъ смѣхомъ.

— Подпишетъ, кумъ, подпишетъ свой смертный приговоръ подпишетъ и не спроситъ что, только усмѣхнется, „Агафья Пшеницына“ подмахнетъ въ сторону, криво, и не узнаетъ никогда что подписала. Видишь ли: мы съ тобой будемъ въ сторонѣ: сестра будетъ имѣть претензію на коллежскаго секретаря Обломова, а я на коллежской секретаршѣ Пшеницыной. Пусть нѣмецъ горячится—законное дѣло! говорилъ, онъ, поднявъ трепещущія руки вверхъ. —Выпьемъ, кумъ!

— Законное дѣло! въ восторгѣ сказалъ Тарантьевъ:—Выпьемъ.

— А какъ удачно пройдетъ, можно годика черезъ два повторить; законное дѣло!

— Законное дѣло! одобрительно кивнувъ, провозгласилъ Тарантьевъ:—Повторимъ и мы!

— Повторимъ!

И они выпили.

— Вотъ какъ-бы твой землякъ-то не уперся, да не написалъ предварительно къ нѣмцу, опасливо замѣтилъ Му-

хояровъ:—тогда, братъ, плохо! Дѣла никакого затѣять нельзя; она вдова, не дѣвица!

— Напишетъ! Какъ не напишетъ! Года черезъ два напишетъ; сказалъ Тарантьевъ:—А упираться станетъ—обругаю...

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани! Все испортишь, кумъ: скажетъ, что принудили, пожалуй, упомянетъ про побои, уголовное дѣло. Нѣтъ, это не годится! А вотъ что можно: предварительно закусить съ нимъ и выпить; онъ смородиновку-то любитъ. Какъ въ головѣ зашумитъ, ты и мигни мнѣ: я и войду съ письмецомъ-то. Онъ и не посмотритъ сумму, подпишетъ, какъ тогда контрактъ, а послѣ поди, какъ у маклера будетъ засвидѣтельствовано, допрашивайся! Совѣстно будетъ этакому барину сознаваться, что подписалъ въ нетрезвомъ видѣ; законное дѣло!

— Законное дѣло! повторилъ Тарантьевъ.

— Пусть тогда Обломовка достается наслѣдникамъ.

— Пусть достается! Выпьемъ, кумъ.

— За здоровье олуховъ! сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

Они выпили.

IV.

Надо теперь перенестись нѣсколько назадъ, до пріѣзда Штольца на именины къ Обломову, и въ другое мѣсто, далеко отъ Выборгской Стороны. Тамъ встрѣтятся знакомыя читателю лица, о которыхъ Штольцъ не все сообщилъ Обломову, что зналъ, по какимъ-нибудь особеннымъ соображеніямъ, или, можетъ-быть, потому, что Обломовъ не все о нихъ разспрашивалъ, тоже, вѣроятно, по особеннымъ соображеніямъ.

Однажды въ Парижѣ Штольцъ шелъ по бульвару и разсѣянно перебѣгалъ глазами по прохожимъ, по вывѣскамъ

магазиновъ, не останавливая глазъ ни на чемъ. Онъ долго не получалъ писемъ изъ Россіи, ни изъ Кіева, ни изъ Одессы, ни изъ Петербурга. Ему было скучно, и онъ отнесъ еще три письма на почту и возвращался домой.

Вдругъ глаза его остановились на чемъ-то неподвижно, съ изумленіемъ, но потомъ опять приняли обыкновенное выраженіе. Двѣ дамы свернули съ бульвара и вошли въ магазинъ.

„Нѣтъ, не можетъ быть“; подумалъ онъ:—„какая мысль! Я бы зналъ! Это не онѣ“.

Однакожь, онъ подошелъ къ окну этого магазина и разглядывалъ сквозь стекла дамъ: „ничего не разглядишь, онѣ стоятъ задомъ къ окнамъ“.

Штольцъ вошелъ въ магазинъ и сталъ что-то торговать. Одна изъ дамъ обернулась къ свѣту, и онъ узналъ Ольгу Ильинскую—и не узналъ! Хотѣлъ броситься къ ней и остановился, сталъ пристально вглядываться.

Боже мой! Что за перемѣна! Она и не она. Черты ея, но она блѣдна, глаза немного будто впали, и нѣтъ дѣтской усмѣшки на губахъ, нѣтъ наивности, безпечности. Надъ бровями носится не то важная, не то скорбная мысль, глаза говорятъ много такого, чего не знали, не говорили прежде. Смотритъ она не попрежнему, открыто, свѣтло и покойно; на всемъ лицѣ лежитъ облако, или печали, или тумана.

Онъ подошелъ къ ней. Брови у ней сдвинулись немного; она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него минуту, потомъ узнала: брови раздвинулись и легли симметрично, глаза блеснули свѣтомъ тихой, не стремительной, но глубокой радости. Всякій братъ былъ бы счастливъ, еслибъ ему такъ обрадовалась любимая сестра.

— Боже мой! Вы ли это? сказала она проникающимъ до души, до нѣги радостнымъ голосомъ.

Тетка быстро обернулась, и всѣ трое заговорили разомъ. Онъ упрекалъ, что онѣ не писали къ нему; онѣ оправдывались. Онѣ пріѣхали всего третій день и вездѣ ищутъ его. На одной квартирѣ сказали имъ, что онъ уѣхалъ въ Лі-онъ, и онѣ не знали что дѣлать.

— Да какъ это вы вздумали? И мнѣ ни слова! упрекалъ онъ.

— Мы такъ быстро собрались, что не хотѣли писать къ вамъ, сказала тетка: — Ольга хотѣла вамъ сдѣлать сюрпризъ.

Онъ взглянувъ на Ольгу: лицо ея не подтверждало словъ тетки. Онъ еще пристальнѣе поглядѣлъ на нее, но она была непроницаема, недоступна его наблюденію.

„Что съ ней?“ думалъ Штольцъ: „Я, бывало, угадывалъ ее съ разу, а теперь... какая перемѣна“!

— Какъ вы развились, Ольга Сергѣвна, выросли, созрѣли, сказалъ онъ вслухъ:—я васъ не узнаю! А всего годъ какой-нибудь не видались. Что вы дѣлали, что съ вами было? Разскажите, разскажите!

— Да... ничего особеннаго, сказала она, разсматривая матерію.

— Что ваше пѣніе? говорилъ Штольцъ, продолжая изучать новую для него Ольгу и стараясь прочесть незнакомую ему игру въ лицѣ; но игра эта, какъ молнія, вырывалась и пряталась.

— Давно не пѣла, мѣсяца два, сказала она небрежно.

— А Обломовъ что? вдругъ бросилъ онъ вопросъ:— Живъ ли? Не пишетъ?

Здѣсь, можетъ быть, Ольга невольно выдала бы свою тайну, еслибъ не подоспѣла на помощь тетка.

— Вообразите, сказала она, выходя изъ магазина:—каждый день бывалъ у насъ, потомъ вдругъ пропалъ. Мы собрались за границу; я послала къ нему—сказали, что болѣнъ, не принимаетъ: такъ и не видались.

— И вы не знаете? заботливо спросилъ Штольцъ у Ольги.

Ольга пристально лорнировала проѣзжавшую коляску.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ захворалъ, сказала она, съ притворнымъ вниманіемъ разсматривая проѣзжавшій экипажъ.

— Посмотрите, ma tante, кажется, это наши спутники проѣхали.

— Нѣтъ, вы мнѣ отдайте отчетъ о моемъ Ильѣ; настаивалъ Штольцъ:—что̀ вы съ нимъ сдѣлали? Отчего не привезли съ собой?

— Mais ma tante vient de dire, говорила она.

— Онъ ужасно лѣнивъ, замѣтила тётка:—и дикарь такой, что лишь только соберутся трое-четверо къ намъ, сейчасъ уйдетъ. Вообразите, абонировался въ оперу и до половины абонимента не дослушалъ.

— Рубини не слыхалъ, прибавила Ольга.

Штольцъ покачалъ головой и вздохнулъ.

— Какъ это вы рѣшились! На долго ли? Что̀ вамъ вдругъ вздумалось? спрашивалъ Штольцъ.

— Для нея по совѣту доктора, сказала тётка, указывая на Ольгу.—Петербургъ замѣтно сталъ дѣйствовать на нее, мы и уѣхали на зиму, да вотъ еще не рѣшились, гдѣ провести ее: въ Ниццѣ, или въ Швейцаріи.

— Да, вы очень перемѣнились, задумчиво говорилъ Штольцъ, впиваясь глазами въ Ольгу, изучая каждую жилку, глядя ей въ глаза.

Полгода прожили Ильинскія въ Парижѣ: Штольцъ былъ ежедневнымъ и единственнымъ ихъ собесѣдникомъ и путеводителемъ.

Ольга замѣтно начала оправляться; отъ задумчивости она перешла къ спокойствію и равнодушію, по крайней мѣрѣ, наружно. Что у ней дѣлалось внутри—Богъ вѣдаетъ, но она мало-по-малу становилась для Штольца

прежнею пріятельницею, хотя уже и не смѣялась попрежнему громкимъ, дѣтскимъ, серебрянымъ смѣхомъ, а только улыбалась сдержанной улыбкой, когда смѣшилъ ее Штольцъ. Иногда даже ей какъ-будто было досадно, что она не можетъ не засмѣяться.

Онъ тотчасъ увидѣлъ, что ее смѣшить уже нельзя: часто взглядомъ и несимметрично-лежащими одна надъ другой бровями со складкой на лбу, она выслушаетъ смѣшную выходку и не улыбнется, продолжаетъ, молча глядѣть на него, какъ-будто съ упрекомъ въ легкомыслiи, или съ нетерпѣніемъ, или вдругъ, вмѣсто отвѣта на шутку, сдѣлаетъ глубокій вопросъ, и сопровождаетъ его такимъ настойчивымъ взглядомъ, что ему станетъ совѣстно за небрежный, пустой разговоръ.

Иногда въ ней выражалось такое внутреннее утомленіе отъ ежедневной людской пустой бѣготни и болтовни, что Штольцу приходилось внезапно переходить въ другую сферу, въ которую онъ рѣдко и неохотно пускался съ женщинами. Сколько мысли, изворотливости ума тратилось единственно на то, чтобъ глубокій, вопрошающій взглядъ Ольги прояснялся и успокоивался, не жаждалъ, не искалъ вопросительно чего-нибудь дальше, гдѣ-нибудь мимо его!

Какъ онъ тревожился, когда, за небрежное объясненіе, взглядъ ея становился сухъ, суровъ, брови сжимались и по лицу разливалась тѣнь безмолвнаго, но глубокаго неудовольствія. И ему надо было положить двои, трои сутки тончайшей игры ума, даже лукавства, огня, и все свое умѣнье обходиться съ женщинами, чтобъ вызвать и то съ трудомъ, мало-по-малу, изъ сердца Ольги зарю ясности на лицо, кротость примиренія во взглядъ и въ улыбку.

Онъ къ концу дня приходилъ иногда домой измученный

этой борьбой, и бывалъ счастливъ, когда выходилъ побѣдителемъ.

„Какъ она созрѣла, Боже мой! какъ развилась эта дѣвочка! Кто жь былъ ея учителемъ? Гдѣ она брала уроки жизни? У барона? Тамъ гладко, не почерпнешь въ его щегольскихъ фразахъ ничего! Не у Ильи же!...“

И онъ не могъ понять Ольгу, и бѣжалъ опять на другой день къ ней, и уже осторожно, съ боязнью читалъ ея лицо, затрудняясь часто и побѣждая только съ помощью всего своего ума и знанія жизни вопросы, сомнѣнія, требованія—все, что всплывало въ чертахъ Ольги.

Онъ, съ огнемъ опытности въ рукахъ, пускался въ лабиринтъ ея ума, характера, и каждый день открывалъ и изучалъ всѣ новыя черты и факты, и все не видѣлъ дна, только съ удивленіемъ и тревогой слѣдилъ, какъ ея умъ требуетъ ежедневно насущнаго хлѣба, какъ душа ея не умолкаетъ, все проситъ опыта и жизни.

Ко всей дѣятельности, ко всей жизни Штольца прибавилась съ каждымъ днемъ еще чужая дѣятельность и жизнь: обставивъ Ольгу цвѣтами, обложивъ книгами, нотами и альбомами, Штольцъ успокоивался, полагая, что надолго наполнилъ досуги своей пріятельницы, и шелъ работать, или ѣхалъ осматривать какія-нибудь копи, какое-нибудь образцовое имѣніе, шелъ въ кругъ людей, знакомиться, сталкиваться съ новыми, или замѣчательными лицами; потомъ возвращался къ ней утомленный, сѣсть около ея рояля и отдохнуть подъ звуки ея голоса. И вдругъ на лицѣ ея заставалъ уже готовые вопросы, во взглядѣ настойчивое требованіе отчета. И незамѣтно, невольно, мало-помалу, онъ выкладывалъ передъ ней, что онъ осмотрѣлъ, зачѣмъ.

Иногда выражала она желаніе сама видѣть и узнать, что видѣлъ и узналъ онъ. И онъ повторялъ свою работу: ѣхалъ съ ней смотрѣть зданіе, мѣсто, машину, читать ста-

рое событіе на стѣнахъ, на камняхъ. Мало-по-малу, незамѣтно, онъ привыкъ при ней вслухъ думать, чувствовать, и вдругъ однажды, строго повѣривъ себя, узналъ, что онъ началъ жить не одинъ, а вдвоемъ, и что живетъ этой жизнью со дня пріѣзда Ольги.

Почти безсознательно, какъ передъ самимъ собой, онъ вслухъ при ней дѣлалъ оцѣнку пріобрѣтеннаго имъ сокровища и удивлялся себѣ и ей; потомъ повѣрялъ заботливо, не осталось ли вопроса въ ея взглядѣ, лежитъ ли заря удовлетворенной мысли на лицѣ и провожаетъ ли его взглядъ ея, какъ побѣдителя.

Если это подтверждалось, онъ шелъ домой съ гордостью, съ трепетнымъ волненіемъ, и долго ночью втайнѣ готовилъ себя на завтра. Самыя скучныя, необходимыя занятія не казались ему сухи, а только необходимы: они входили глубже въ основу, въ ткань жизни; мысли, наблюденія, явленія не складывались, молча и небрежно, въ архивъ памяти, а придавали яркую краску каждому дню.

Какая жаркая заря охватывала блѣдное лицо Ольги, когда онъ, не дожидаясь вопросительнаго и жаждущаго взгляда, спѣшилъ бросать передъ ней, съ огнемъ и энергіей, новый запасъ, новый матеріалъ!

И самъ онъ, какъ полно-счастливъ былъ, когда умъ ея, съ такой же заботливостью и съ милой покорностью, торопился ловить въ его взглядѣ, въ каждомъ словѣ, и оба зорко смотрѣли: онъ на нее, не осталось ли вопроса въ ея глазахъ, она на него, не осталось ли чего-нибудь недосказаннаго, не забылъ ли онъ и, пуще всего, Боже сохрани! не пренебрегъ ли открыть ей какой-нибудь туманный, для нея недоступный уголокъ, развить свою мысль?

Чѣмъ важнѣе, сложнѣе былъ вопросъ, чѣмъ внимательнѣе онъ повѣрялъ его ей, тѣмъ долѣе и пристальнѣе оста-

навливался на немъ ея признательный взглядъ, тѣмъ этотъ взглядъ былъ теплѣе, глубже, сердечнѣе.

„Это дитя, Ольга!“ думалъ онъ въ изумленіи: „Она переростаетъ меня!“

Онъ задумывался надъ Ольгой, какъ никогда и ни надъ чѣмъ не задумывался.

Весной они всѣ уѣхали въ Швейцарію. Штольцъ още въ Парижѣ рѣшилъ, что отнынѣ безъ Ольги ему жить нельзя. Рѣшивъ этотъ вопросъ, онъ началъ рѣшать и вопросъ о томъ, можетъ ли жить безъ него Ольга. Но этотъ вопросъ не давался ему такъ легко.

Онъ подбирался къ нему медленно, съ оглядкой, осторожно, шелъ то ощупью, то смѣло, и думалъ вотъ-вотъ онъ близко у цѣли, вотъ уловитъ какой нибудь несомнѣнный признакъ, взглядъ, слово, скуку или радость: еще нужно маленькій штрихъ, едва замѣтное движеніе бровей Ольги, вздохъ ея, и завтра тайна падетъ: онъ любимъ!

На лицѣ у ней онъ читалъ довѣрчивость къ себѣ до ребячества; она глядѣла иногда на него какъ ни на кого не глядѣла, а развѣ глядѣла бы такъ только на мать, еслибъ у ней была мать.

Приходъ его, досуги, цѣлые дни угожденія, она не считала одолженіемъ, лестнымъ приношеніемъ любви, любезностью сердца, а просто обязанностью, какъ будто онъ былъ ея братъ, отецъ, даже мужъ: а это много, это все. И сама, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ шагѣ съ нимъ, была такъ свободна и искренна, какъ будто онъ имѣлъ надъ ней неоспоримый вѣсъ и авторитетъ.

Онъ и зналъ, что имѣетъ этотъ авторитетъ; она каждую минуту подтверждала это, говорила, что она вѣритъ ему одному и можетъ въ жизни положиться слѣпо только на него и ни на кого болѣе въ цѣломъ мірѣ.

Онъ, конечно, былъ гордъ этимъ, но вѣдь этимъ могъ

гордиться и какой нибудь пожилой, умный и опытный дядя, даже баронъ, еслибъ онъ былъ человѣкъ съ свѣтлой головой, съ характеромъ.

Но былъ ли это авторитетъ любви — вотъ вопросъ? Входило ли въ этотъ авторитетъ сколько нибудь ея обаятельнаго обмана, того лестнаго ослѣпленія, въ которомъ женщина готова жестоко ошибиться и быть счастлива ошибкой?...

Нѣтъ, она такъ сознательно покоряется ему. Правда, глаза ея горятъ, когда онъ развиваетъ какую нибудь идею, или обнажаетъ душу передъ ней; она обливаетъ его лучами взгляда, но всегда видно за что; иногда сама же она говоритъ и причину. А въ любви заслуга пріобрѣтается такъ слѣпо, безотчетно, и въ этой-то слѣпотѣ и безотчетности и лежитъ счастье. Оскорбляется она, сейчасъ же видно, за что оскорблена.

Ни внезапной краски, ни радости до испуга, ни томнаго или трепещущаго огнемъ взгляда онъ не подкараулилъ никогда, и если было что нибудь похожее на это, показалось ему, что лицо ея будто исказилось болью, когда онъ скажетъ, что на дняхъ уѣдетъ въ Италію, только лишь сердце у него замретъ и обольется кровью отъ этихъ драгоцѣнныхъ и рѣдкихъ минутъ, какъ вдругъ опять все точно задернется флеромъ; она наивно и открыто прибавитъ: —Какъ жаль, что я не могу поѣхать съ вами туда, а ужасно хотѣлось бы! Да вы мнѣ все разскажите и такъ передадите, что какъ будто я сама была тамъ.

И очарованіе разрушено этимъ явнымъ, нескрываемымъ ни передъ кѣмъ желаніемъ и этой пошлой, форменной похвалой его искусству разсказывать. Онъ только соберетъ всѣ мельчайшія черты, только удастся ему соткать тончайшее кружево, остается закончить какую нибудь петлю —вотъ ужо, вотъ сейчасъ...

И вдругъ она опять стала покойна, ровна, проста, иногда даже холодна. Сидитъ, работаетъ и молча слушаетъ его, поднимаетъ по временамъ голову, бросаетъ на него такіе любопытные, вопросительные, прямо идущіе къ дѣлу взгляды, такъ что онъ не разъ съ досадой бросалъ книгу, или прерывалъ какое нибудь объясненіе, вскакивалъ и уходилъ. Оборотится—она провожаетъ его удивленнымъ взглядомъ: ему совѣстно станетъ, онъ воротится и что нибудь выдумаетъ въ оправданіе.

Она выслушаетъ такъ просто и повѣритъ. Даже сомнѣнія, лукавой улыбки нѣтъ у нея.

„Любитъ или не любитъ?“ играли у него въ головѣ два вопроса.

Если любитъ, отчего же она такъ осторожна, такъ скрытна? Если не любитъ, отчего такъ предупредительна, покорна? Онъ уѣхалъ на недѣлю изъ Парижа въ Лондонъ и пришелъ сказать ей объ этомъ въ самый день отъѣзда, не предупредивъ заранѣе.

Еслибъ она вдругъ испугалась, измѣнилась въ лицѣ—вотъ и кончено, тайна поймана, онъ счастливъ! А она крѣпко пожала ему руку, опечалилась: онъ былъ въ отчаяніи.

— Мнѣ ужасно скучно будетъ, сказала она:—плакать готова, я точно сирота теперь. Ma tante! Посмотрите, Андрей Иванычъ ѣдетъ! плаксиво прибавила она

Она срѣзала его.

„Еще къ тёткѣ обратилась!“ думалъ онъ: „этого не доставало! Вижу, что ей жаль, что любитъ, пожалуй... да этой любви можно, какъ товару на биржѣ, купить во столько-то времени, на столько-то вниманія, угодливости... Не ворочусь“ угрюмо думалъ онъ. „Прошу покорно, Ольга, дѣвочка! по ниточкѣ, бывало, ходила. Что съ ней?“

И онъ погружался въ глубокую задумчивость.

Что съ ней? Онъ не зналъ бездѣлицы, что она любила однажды, что уже перенесла, на сколько была способна, дѣвическій періодъ неумѣнья владѣть собой, внезапной краски, худо скрытой боли въ сердцѣ, лихорадочныхъ признаковъ любви, первой ея горячки.

Знай онъ это, онъ бы узналъ, если не ту тайну, любитъ ли она его, или нѣтъ, такъ, по крайней мѣрѣ, узналъ бы, отчего такъ мудрено стало разгадать, что дѣлается съ ней.

Въ Швейцаріи они перебывали вездѣ, куда ѣздятъ путешественники. Но чаще и съ большей любовью останавливались въ мало посѣщаемыхъ затишьяхъ. Ихъ, или по крайней мѣрѣ Штольца, такъ занимало „свое собственное дѣло“, что они утомлялись отъ путешествія, которое для нихъ отодвигалось на второй планъ.

Онъ ходилъ за ней по горамъ, смотрѣлъ на обрывы, на водопады, и во всякой рамкѣ она была на первомъ планѣ. Онъ идетъ за ней по какой-нибудь узкой тропинкѣ, пока тётка сидитъ въ коляскѣ внизу; онъ слѣдитъ втайнѣ зорко, какъ она остановится, взойдя на гору, переведетъ дыханіе и какой взглядъ остановитъ на немъ, непремѣнно и прежде всего на немъ: онъ уже пріобрѣлъ это убѣжденіе.

Оно бы и хорошо: и тепло, и свѣтло станетъ на сердцѣ, да вдругъ она окинетъ потомъ взглядомъ мѣстность и оцѣпенѣетъ, забудется въ созерцательной дремотѣ—и его уже нѣтъ передъ ней.

Чуть онъ пошевелится, напомнитъ о себѣ, скажетъ слово, она испугается, иногда вскрикнетъ: явно, что забыла, тутъ ли онъ, или далеко, просто — есть ли онъ на свѣтѣ.

Зато послѣ, дома, у окна, на балконѣ, она говоритъ ему одному, долго говоритъ, долго выбираетъ изъ души впечатлѣнія, пока не выскажется вся, и говоритъ горячо, съ

увлеченіемъ, останавливается иногда, прибираетъ слово и налету хватаетъ подсказанное имъ выраженіе, и во взглядѣ у ней успѣетъ мелькнуть лучъ благодарности за помощь. Или сядетъ, блѣдная отъ усталости, въ большое кресло, только жадные, неустающіе глаза говорятъ ему, что она хочетъ слушать его.

Она слушаетъ неподвижно, но не проронитъ слова, не пропуститъ ни одной черты. Онъ замолчитъ, она еще слушаетъ, глаза еще спрашиваютъ, и онъ, на этотъ нѣмой вызовъ, продолжаетъ высказываться съ новой силой, съ новымъ увлеченіемъ.

Оно бы и хорошо: свѣтло, тепло, сердце бьется; значитъ, она живетъ тутъ, больше ей ничего не нужно: здѣсь ея свѣтъ, огонь и разумъ. А она вдругъ встанетъ утомленная, и тѣ же, сейчасъ вопросительные, глаза просятъ его уйти, или захочетъ кушать она, и кушаетъ съ такимъ аппетитомъ...

Все бы это прекрасно: онъ не мечтатель; онъ не хотѣлъ бы порывистой страсти, какъ не хотѣлъ ея и Обломовъ, только по другимъ причинамъ. Но ему хотѣлось бы, однако, чтобъ чувство потекло по ровной колеѣ, вскипѣвъ сначала горячо у источника, чтобъ черпнуть и упиться въ немъ, и потомъ всю жизнь знать, откуда бьетъ этотъ ключъ счастья...

— Любитъ ли она или нѣтъ? говорилъ онъ съ мучительнымъ волненіемъ, почти до кроваваго пота, чуть не до слезъ.

У него все болѣе-и-болѣе разгорался этотъ вопросъ, охватывалъ его, какъ пламя, сковывалъ намѣренія: это былъ одинъ главный вопросъ уже не любви, а жизни. Ни для чего другаго не было теперь мѣста у него въ душѣ.

Кажется, въ эти полгода за-разъ собрались и разыгра-

лись надъ нимъ всѣ мýки и пытки любви, отъ которыхъ онъ такъ искусно берегся въ встрѣчахъ съ женщинами.

Онъ чувствовалъ, что и его здоровый организмъ не устоитъ, если продлятся еще мѣсяцы этого напряженія ума, воли, нервъ. Онъ понялъ,—что было чуждо ему доселѣ,—какъ тратятся силы въ этихъ скрытыхъ отъ глазъ борьбахъ души со страстью, какъ ложатся на сердце неизлечимыя раны безъ крови, но порождаютъ стоны, какъ уходитъ и жизнь.

Съ него немного спала спѣсивая увѣренность въ своихъ силахъ; онъ уже не шутилъ легкомысленно, слушая разсказы, какъ иные теряютъ разсудокъ, чахнутъ отъ разныхъ причинъ, между-прочимъ... отъ любви.

Ему становилось страшно.

— Нѣтъ, я положу конецъ этому, сказалъ онъ:—я загляну ей въ душу, какъ прежде, и завтра—или буду счастливъ, или уѣду!

— Нѣтъ силъ! говорилъ онъ дальше, глядясь въ зеркало: —Я ни на что не похожъ... Довольно!...

Онъ пошелъ прямо къ цѣли, то-есть къ Ольгѣ.

А что же Ольга? Она не замѣчала его положенія, или была безчувственна къ нему?

Не замѣчать этого она не могла: и не такія тонкія женщины, какъ она, умѣютъ отличить дружескую преданность и угожденія отъ нѣжнаго проявленія другаго чувства. Кокетства въ ней допустить нельзя, по вѣрному пониманію истинной, нелицѣмерной, никѣмъ ненавѣянной ей нравственности. Она была выше этой пошлой слабости.

Остается предположить одно, что ей нравилось, безъ всякихъ практическихъ видовъ, это непрерывное, исполненное ума и страсти поклоненіе такого человѣка, какъ Штольцъ. Конечно, нравилось: это поклоненіе возстановляло ея оскорбленное самолюбіе и мало-по-малу опять ста-

вило ее на тотъ пьедесталъ, съ котораго она упала; мало-по-малу возрождалась ея гордость.

Но какъ же она думала: чѣмъ должно разрѣшиться это поклоненіе? Не можетъ же оно всегда выражаться въ этой вѣчной борьбѣ пытливости Штольца съ ея упорнымъ молчаніемъ. По-крайней-мѣрѣ предчувствовала ли она, что вся эта борьба его ненапрасна, что онъ выиграетъ дѣло, въ которое положилъ столько воли и характера? Даромъ ли онъ тратитъ это пламя, блескъ? Потонетъ ли въ лучахъ этого блеска образъ Обломова и той любви?...

Она ничего этого не понимала, не сознавала ясно, и боролась отчаянно съ этими вопросами, сама съ собой, и не знала, какъ выйти изъ хаоса.

Какъ ей быть? Оставаться въ нерѣшительномъ положеніи нельзя: когда-нибудь отъ этой нѣмой игры и борьбы запертыхъ въ груди чувствъ дойдетъ до словъ — что она отвѣтитъ о прошломъ! Какъ назоветъ его, и какъ назоветъ то, что чувствуетъ къ Штольцу?

Если она любитъ Штольца, что же такое была та любовь?—кокетство, вѣтренность, или хуже? Ее бросало въ жаръ и краску стыда при этой мысли. Такого обвиненія она не взведетъ на себя.

Если же то была первая, чистая любовь, что такое ея отношенія къ Штольцу?—Опять игра, обманъ, тонкій разсчетъ, чтобъ увлечь его къ замужеству и покрыть этимъ вѣтренность своего поведенія?... Ее бросало въ холодъ, и она блѣднѣла отъ одной мысли.

А не игра, не обманъ, не разсчетъ — такъ... опять любовь?

Отъ этого предположенія она терялась: вторая любовь— чрезъ семь, восемь мѣсяцевъ послѣ первой! Кто жь ей повѣритъ? Какъ она заикнется о ней, не вызвавъ изумленія,

*

можетъ-быть... презрѣнія! Она и подумать не смѣетъ, не имѣетъ права!

Она порылась въ своей опытности: тамъ о второй любви никакого свѣдѣнія не отыскалось. Вспомнила про авторитеты тётокъ, старыхъ дѣвъ, разныхъ умницъ, наконецъ писателей, „мыслителей о любви"—со всѣхъ сторонъ слышитъ неумолимый приговоръ: „женщина истинно любить только однажды". И Обломовъ такъ изрекъ свой приговоръ. Вспомнила о Соничкѣ, какъ бы она отозвалась о второй любви, но отъ пріѣзжихъ изъ Россіи слышала, что пріятельница ея перешла на третью...

Нѣтъ, нѣтъ у ней любви къ Штольцу, рѣшала она, и быть не можетъ! Она любила Обломова, и любовь эта умерла, цвѣтъ жизни увялъ навсегда! У ней только дружба къ Штольцу, основанная на его блистательныхъ качествахъ, потомъ на дружбѣ его къ ней, на вниманіи, на довѣріи.

Такъ она отталкивала мысль, даже возможность о любви къ старому своему другу.

Вотъ причина, по которой Штольцъ не могъ уловить у ней на лицѣ и въ словахъ никакого знака, ни положительнаго равнодушія, ни мимолетной молніи, даже искры чувства, которое хоть бы на волосъ выходило за границы теплой, сердечной, но обыкновенной дружбы.

Чтобъ кончить все это разомъ, ей оставалось одно: замѣтивъ признаки раждающейся любви въ Штольцѣ, не дать ей пищи и хода и уѣхать поскорѣй. Но она уже потеряла время: это случилось давно, притомъ надо было ей предвидѣть, что чувство разыграется у него въ страсть; да это и не Обломовъ: отъ него никуда не уѣдешь.

Положимъ, это было бы физически и возможно, но ей морально невозможенъ отъѣздъ: сначала она пользовалась только прежними правами дружбы и находила въ Штольцѣ, какъ и давно, то игриваго, остроумнаго, насмѣшливаго со-

бесѣдника, то вѣрнаго и глубокаго наблюдателя явленій жизни — всего, что случалось съ ними, или проносилось мимо ихъ, что ихъ занимало.

Но чѣмъ чаще они видѣлись, тѣмъ больше сближались нравственно, тѣмъ роль его становилась оживленнѣе: изъ наблюдателя онъ нечувствительно перешелъ въ роль истолкователя явленій, ея руководителя. Онъ невидимо сталъ ея разумомъ и совѣстью, и явились новыя права, новыя тайныя узы, опутавшія всю жизнь Ольги, все, кромѣ одного завѣтнаго уголка, который она тщательно прятала отъ его наблюденія и суда.

Она приняла эту нравственную опеку надъ своимъ умомъ и сердцемъ, и видѣла, что и сама получила на свою долю вліяніе на него. Они помѣнялись правами; она какъ-то незамѣтно, молча допустила размѣнъ.

Какъ теперь вдругъ все отнять?.. Да притомъ въ этомъ столько... столько занятія... удовольствія, разнообразія... жизни... Что́ она вдругъ станетъ дѣлать, если не будетъ этого? И когда ей приходила мысль бѣжать — было уже поздно, она была не въ силахъ.

Каждый проведенный не съ нимъ день, неповѣренная ему и нераздѣленная съ нимъ мысль—все это теряло для нея свой цвѣтъ и значеніе.

„Боже мой! Еслибъ она могла быть его сестрой!“ думалось ей: „Какое счастье имѣть вѣчныя права на такого человѣка, нетолько на умъ, но и на сердце, наслаждаться его присутствіемъ законно, открыто, не платя за то никакими тяжелыми жертвами, огорченіями, довѣренностью жалкаго прошедшаго. А теперь что я такое? Уѣдетъ онъ—я нетолько не имѣю права удержать его, но должна желать разлуки; а удержу — что я скажу ему, по какому праву хочу его ежеминутно видѣть, слышать?.. Потому-что мнѣ скучно, что я тоскую, что онъ учитъ, забавляетъ меня, что

онъ мнѣ полезенъ и пріятенъ. Конечно, это причина, но не право. А я что въ замѣнъ приношу ему? Право любоваться мною безкорыстно и не смѣть подумать о взаимности, когда столько другихъ женщинъ сочли бы себя счастливыми..."

Она мучилась и задумывалась, какъ она выйдетъ изъ этого положенія, и не видала никакой цѣли, конца. Впереди былъ только страхъ его разочарованія и вѣчной разлуки. Иногда приходило ей въ голову открыть ему все, чтобъ кончить разомъ и свою, и его борьбу, да духъ захватывало, лишь только она задумаетъ это. Ей было стыдно, больно.

Страннѣе всего то, что она перестала уважать свое прошедшее, даже стала его стыдиться съ тѣхъ поръ, какъ стала неразлучна съ Штольцемъ, какъ онъ овладѣлъ ея жизнью. Узнай баронъ, напримѣръ, или другой кто-нибудь, она бы, конечно, смутилась, ей было бы неловко, но она не терзалась бы такъ, какъ терзается теперь, при мысли, что объ этомъ узнаетъ Штольцъ.

Она съ ужасомъ представляла себѣ, что выразится у него на лицѣ, какъ онъ взглянетъ на нее, что скажетъ, что будетъ думать потомъ? Она вдругъ покажется ему такой ничтожной, слабой, мелкой. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Она стала наблюдать за собой, и съ ужасомъ открыла, что ей нетолько стыдно прошлаго своего романа, но и героя... Тутъ жгло ее и раскаяніе въ неблагодарности за глубокую преданность ея прежняго друга.

Можетъ-быть, она привыкла бы и къ своему стыду, обтерпѣлась бы: къ чему не привыкаетъ человѣкъ! еслибъ ея дружба къ Штольцу была чужда всякихъ корыстолюбивыхъ помысловъ и желаній. Но если она заглушала даже всякій лукавый и льстивый шопотъ сердца, то не могла совладѣть съ грезами воображенія: часто передъ глазами ея,

противъ ея власти, становился и сіялъ образъ этой другой любви; все обольстительнѣе, обольстительнѣе, росла мечта роскошнаго счастья, не съ Обломовымъ, не въ лѣнивой дремотѣ, а на широкой аренѣ всесторонней жизни, со всей ея глубиной, со всѣми прелестями и скорбями—счастья съ Штольцемъ...

Тогда-то она обливала слезами свое прошедшее и не могла смыть. Она отрезвлялась отъ мечты и еще тщательнѣе спасалась за стѣной непроницаемости, молчанія и того дружескаго равнодушія, которое терзало Штольца. Потомъ, забывшись, увлекалась опять безкорыстно присутствіемъ друга, была очаровательна, любезна, довѣрчива, пока опять незаконная мечта о счастьѣ, на которое она утратила права, не напомнитъ ей, что будущее для нея потеряно, что розовыя мечты уже назади, что опалъ цвѣтъ жизни.

Вѣроятно, съ лѣтами она успѣла бы помириться съ своимъ положеніемъ и отвыкла бы отъ надеждъ на будущее, какъ дѣлаютъ всѣ старыя дѣвы, и погрузилась бы въ холодную апатію, или стала бы заниматься добрыми дѣлами; но вдругъ незаконная мечта ея приняла болѣе-грозный образъ, когда изъ нѣсколькихъ вырвавшихся у Штольца словъ она ясно увидѣла, что потеряла въ немъ друга и пріобрѣла страстнаго поклонника. Дружба утонула въ любви.

Она была блѣдна въ то утро, когда открыла это, не выходила цѣлый день, волновалась, боролась съ собой, думала, что ей дѣлать теперь, какой долгъ лежитъ на ней — и ничего не придумала. Она только кляла себя, зачѣмъ она вначалѣ не побѣдила стыда и не открыла Штольцу раньше прошедшее, а теперь ей надо побѣдить еще ужасъ.

Бывали припадки рѣшимости, когда въ груди у ней наболитъ, накипятъ тамъ слезы, когда ей хочется броситься къ нему, и не словами, а рыданіями, судорогами, обмороками, разсказать про свою любовь, чтобъ онъ видѣлъ и искупленіе.

Она слыхала, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ другіе. Соничка, напримѣръ, сказала своему жениху про корнета, что она дурачила его, что онъ мальчишка, что она нарочно заставляла ждать его на морозѣ, пока она выйдетъ садиться въ карету, и т. д.

Соничка не задумалась бы сказать и про Обломова, что пошутила съ нимъ, для развлеченія, что онъ такой смѣшной, что можно ли любить „такой мѣшокъ“, что этому ни кто не повѣритъ. Но такой образъ поведенія могъ бы быть оправданъ только мужемъ Сонички и многими другими, но не Штольцемъ.

Ольга могла бы благовиднѣе представить дѣло, сказать, что хотѣла извлечь Обломова только изъ пропасти и для того прибѣгала, такъ-сказать, къ дружескому кокетству... чтобъ оживить угасающаго человѣка и потомъ отойти отъ него. Но это было бы ужь черезчуръ-изыскано, натянуто и, во всякомъ случаѣ, фальшиво... Нѣтъ, нѣтъ спасенія!

„Боже, въ какомъ я омутѣ!“ терзалась Ольга про себя. „Открыть!... Ахъ, нѣтъ! пусть онъ долго, никогда не узнаетъ объ этомъ! А не открыть—все-равно, что воровать. Это похоже на обманъ, на заискиванье. Боже, помоги мнѣ!..“ Но помощи не было.

Какъ ни наслаждалась она присутствіемъ Штольца, но по-временамъ она лучше бы желала не встрѣчаться съ нимъ болѣе, пройти въ жизни его едва-замѣтною тѣнью, не мрачить его яснаго и разумнаго существованія незаконною страстью.

Она бы потосковала еще о своей неудавшейся любви, оплакала бы прошедшее, похоронила бы въ душѣ память о немъ, потомъ... потомъ, можетъ-быть, нашла бы „приличную партію“, какихъ много, и была бы хорошей, умной, заботливой женой и матерью, а прошлое сочла бы дѣ-

вической мечтой, и не прожила, а протерпѣла бы жизнь. Вѣдь всѣ такъ дѣлаютъ!

Но тутъ не въ ней одной дѣло, тутъ замѣшанъ другой, и этотъ другой на ней покоитъ лучшія и конечныя жизненныя надежды.

„Зачѣмъ... я любила?“ въ тоскѣ мучилась она и вспоминала утро въ паркѣ, когда Обломовъ хотѣлъ бѣжать, а она думала тогда, что книга ея жизни закроется навсегда, если онъ бѣжитъ. Она такъ смѣло и легко рѣшала вопросъ любви, жизни, такъ все казалось ей ясно—и все запуталось въ неразрѣшимый узелъ.

Она поумничала, думала, что стоитъ только глядѣть просто, идти прямо—и жизнь послушно, какъ скатерть, будетъ разстилаться подъ ногами, и вотъ!.. Не на кого даже свалить вину: она одна преступна!

Ольга, не подозрѣвая, зачѣмъ пришелъ Штольцъ, беззаботно встала съ дивана, положила книгу и пошла ему на встрѣчу.

— Я не мѣшаю вамъ? спросилъ онъ, садясь къ окну въ ея комнатѣ, обращенному на озеро.—Вы читали?

— Нѣтъ, я ужь перестала читать: темно становится. Я ждала васъ! мягко, дружески, довѣрчиво говорила она.

— Тѣмъ лучше: мнѣ нужно поговорить съ вами, замѣтилъ онъ серьезно, подвинувъ ей другое кресло къ окну.

Она вздрогнула и онѣмѣла на мѣстѣ. Потомъ машинально опустилась въ кресло и, наклонивъ голову, не поднимая глазъ, сидѣла въ мучительномъ положеніи. Ей хотѣлось бы быть въ это время за сто верстъ отъ того мѣста.

Въ эту минуту, какъ молнія, сверкнуло у ней въ памяти прошедшее. „Судъ насталъ! Нельзя играть въ жизнь какъ въ куклы!“ слышался ей какой-то посторонній голосъ: „Не шути съ ней—расплатишься!“

Они молчали нѣсколько минутъ. Онъ очевидно собирался

съ мыслями. Ольга боязливо вглядывалась въ его похудѣвшее лицо, въ нахмуренныя брови, въ сжатыя губы съ выраженіемъ рѣшительности.

„Немезида!..“ думала она, внутренно вздрагивая. Оба какъ будто готовились къ поединку.

— Вы, конечно, угадываете, Ольга Сергѣвна, о чемъ я хочу говорить? сказалъ онъ, глядя на нее вопросительно.

Онъ сидѣлъ въ простѣнкѣ, который скрывалъ его лицо, тогда какъ свѣтъ отъ окна прямо падалъ на нее и онъ могъ читать, что было у ней на умѣ.

— Какъ я могу знать? отвѣчала она тихо.

Передъ этимъ опаснымъ противникомъ у ней ужь не было ни той силы воли и характера, ни проницательности, ни умѣнья владѣть собой, съ какими она постоянно являлась Обломову.

Она понимала, что если она до сихъ поръ могла укрываться отъ зоркаго взгляда Штольца и вести удачно войну, то этимъ обязана была вовсе не своей силѣ, какъ въ борьбѣ съ Обломовымъ, а только упорному молчанію Штольца, его скрытому поведенію. Но въ открытомъ полѣ перевѣсъ былъ не на ея сторонѣ, и потому вопросомъ: „какъ я могу знать?“ она хотѣла только выиграть вершокъ пространства и минуту времени, чтобъ непріятель яснѣе обнаружилъ свой замыселъ.

— Не знаете? сказалъ онъ простодушно: — Хорошо, я скажу...

— Ахъ, нѣтъ! вдругъ вырвалось у ней.

Она схватила его за руку и глядѣла на него, какъ будто моля о пощадѣ.

— Вотъ видите, я угадалъ, что вы знаете! сказалъ онъ. —Отчего же „нѣтъ?“ прибавилъ потомъ съ грустью.

Она молчала.

— Если вы предвидѣли, что я когда нибудь выскажусь, то знали, конечно, что и отвѣчать мнѣ? спросилъ онъ.

— Предвидѣла и мучилась! сказала она, откидываясь на спинку креселъ и отворачиваясь отъ свѣта, призывая мысленно скорѣе сумерки себѣ на помощь, чтобъ онъ не читалъ борьбы смущенія и тоски у ней на лицѣ.

— Мучились! Это страшное слово, почти шопотомъ произнесъ онъ:—это Дантово: „оставь надежду навсегда“. Мнѣ больше и говорить нечего: тутъ все! Но благодарю и за то, прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ:—я вышелъ изъ хаоса, изъ тьмы, и знаю по крайней мѣрѣ что мнѣ дѣлать. Одно спасенье—бѣжать скорѣй!

Онъ всталъ.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! бросившись къ нему, схвативъ его опять за руку съ испугомъ и мольбой заговорила она:—Пожалѣйте меня: что со мной будетъ?

Онъ сѣлъ и она тоже.

— Но я васъ люблю, Ольга Сергѣвна! сказалъ онъ почти сурово.—Вы видѣли, что въ эти полгода дѣлалось со мной! Чего же вамъ хочется: полнаго торжества? чтобъ я зачахъ, или рехнулся? Покорно благодарю!

Она измѣнилась въ лицѣ.

— Уѣзжайте! сказала она съ достоинствомъ подавленной обиды и вмѣстѣ глубокой печали, которой не въ силахъ была скрыть.

— Простите, виноватъ! извинялся онъ.—Вотъ мы, не видя ничего, ужь и поссорились. Я знаю, что вы не можете хотѣть этого, но вы не можете и стать въ мое положеніе, и оттого вамъ странно мое движеніе—бѣжать. Человѣкъ иногда безсознательно дѣлается эгоистомъ.

Она перемѣнила положеніе въ креслѣ, какъ будто ей неловко было сидѣть, но ничего не сказала.

— Ну, пусть бы я остался: что изъ этого? продолжалъ

онъ.—Вы, конечно, предложите мнѣ дружбу; но вѣдь она и безъ того моя. Я уѣду, и черезъ годъ, черезъ два она все будетъ моя. Дружба—вещь хорошая, Ольга Сергѣвна, когда она—любовь между молодыми мужчиной и женщиной, или воспоминаніе о любви между стариками. Но Боже сохрани, если она съ одной стороны дружба, съ другой — любовь. Я знаю, что вамъ со мной нескучно, но мнѣ-то съ вами каково?

— Да, если такъ, уѣзжайте, Богъ съ вами! чуть слышно прошептала она.

— Остаться! размышлялъ онъ вслухъ:—ходить по лезвію ножа — хороша дружба!

— А мнѣ развѣ легче? неожиданно возразила она.

— Вамъ отчего? спросилъ онъ съ живостью:—Вы... вы не любите...

— Не знаю, клянусь Богомъ, не знаю! Но если вы... если измѣнится какъ нибудь моя настоящая жизнь, что со мной будетъ? уныло, почти про себя прибавила она.

— Какъ я долженъ понимать это? Вразумите меня, ради Бога! придвигая кресло къ ней, сказалъ онъ, озадаченный ея словами и глубокимъ, непритворнымъ тономъ, какимъ они были сказаны.

Онъ старался разглядѣть ея черты. Она молчала. У ней горѣло въ груди желаніе успокоить его, воротить слово „мучилась,“ или растолковать его иначе, нежели какъ онъ понялъ; но какъ растолковать — она не знала сама, только смутно чувствовала, что оба они подъ гнётомъ роковаго недоумѣнія, въ фальшивомъ положеніи, что обоимъ тяжело отъ этого, и что онъ только могъ, или она, съ его помощію, могла привести въ ясность и въ порядокъ и прошедшее, и настоящее. Но для этого нужно перейти бездну, открыть ему, что съ ней было: какъ она хотѣла и какъ боялась — его суда!

— Я сама ничего не понимаю; я больше въ хаосѣ, во тьмѣ, нежели вы! сказала она.

— Послушайте, вѣрите ли вы мнѣ? спросилъ онъ, взявъ ее за руку.

— Безгранично, какъ матери — вы это знаете, отвѣчала она слабо.

— Разскажите же мнѣ, что было съ вами съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Вы непроницаемы теперь для меня, а прежде я читалъ на лицѣ ваши мысли: кажется, это одно средство для насъ понять другъ друга. Согласны вы?

— Ахъ, да, это необходимо... надо кончить чѣмъ нибудь... проговорила она съ тоской отъ неизбѣжнаго признанія. „Немезида? Немезида!“ думала она, клоня голову къ груди.

Она потупилась и молчала. А ему въ душу пахну́ло ужасомъ отъ этихъ простыхъ словъ и еще болѣе отъ ея молчанія.

„Она терзается! Боже! Что съ ней было?“ съ холодѣющимъ лбомъ думалъ онъ, и чувствовалъ, что у него дрожатъ руки и ноги. Ему вообразилось что-то очень страшное. Она все молчитъ и видимо борется съ собой.

— И такъ... Ольга Сергѣвна... торопилъ онъ.

Она молчала, только опять сдѣлала какое-то нервное движеніе, котораго нельзя было разглядѣть въ темнотѣ, лишь слышно было, какъ шаркнуло ея шелковое платье.

— Я собираюсь съ духомъ, сказала она наконецъ: — какъ трудно, еслибъ вы знали! прибавила потомъ, отворачиваясь въ сторону, стараясь одолѣть борьбу.

Ей хотѣлось, чтобъ Штольцъ узналъ все не изъ ея устъ, а какимъ нибудъ чудомъ. Къ счастью стало темнѣе, и ея лицо было ужь въ тѣни: могъ только измѣнять голосъ и слова не сходили у ней съ языка, какъ будто она затруднялась, съ какой ноты начать.

„Боже мой! Какъ я должна быть виновата, если мнѣ такъ стыдно, больно!“ мучилась она внутренно.

А давно ли она съ такой увѣренностью ворочала своей и чужой судьбой, была тамъ умна, сильна! И вотъ насталъ ея чередъ дрожать какъ дѣвочкѣ! Стыдъ за прошлое, пытка самолюбія за настоящее, фальшивое положеніе терзали ее... Невыносимо!

— Я вамъ помогу... вы... любили?.. насилу выговорилъ Штольцъ—такъ стало больно ему отъ собственнаго слова.

Она подтвердила молчаніемъ. А на него опять пахнуло ужасомъ.

— Кого же? Это не секретъ? спросилъ онъ, стараясь выговаривать твердо, но самъ чувствовалъ, что у него дрожать губы.

А ей было еще мучительнѣе Ей хотѣлось бы сказать другое имя, выдумать другую исторію. Она съ минуту колебалась, но дѣлать было нечего: какъ человѣкъ, который, въ минуту крайней опасности, кидается съ крутаго берега, или бросается въ пламя, она вдругъ выговорила: — Обломова.

Онъ остолбенѣлъ. Минуты двѣ длилось молчаніе.

— Обломова! повторилъ онъ въ изумленіи.—Это неправда! прибавилъ потомъ положительно, понизивъ голосъ.

— Правда! покойно сказала она.

— Обломова! повторилъ онъ вновь.—Не можетъ быть! прибавилъ опять увѣрительно.—Тутъ есть что-то: вы не поняли себя, Обломова, или, наконецъ, любви.

Она молчала.

— Это не любовь, это что-нибудь другое, говорю я! настойчиво твердилъ онъ.

— Да, я кокетничала съ нимъ, водила за носъ, сдѣлала несчастнымъ... потомъ, по вашему мнѣнію, принимаюсь за васъ! произнесла она сдержаннымъ голосомъ, и въ голосѣ ея опять закипѣли слезы обиды.

— Милая Ольга Сергѣвна! Не сердитесь, не говорите такъ: это не вашъ тонъ. Вы знаете, что я не думаю ничего этого. Но въ мою голову не входитъ, я не понимаю, какъ Обломовъ...

— Онъ стоитъ, однакожь, вашей дружбы; вы не знаете какъ цѣнить его: отчего жь онъ не стоитъ любви? защищала она.

— Я знаю, что любовь менѣе взыскательна, нежели дружба, сказалъ онъ: — она даже часто слѣпа, любятъ не за заслуги—все такъ. Но для любви нужно что-то такое, иногда пустяки, чего ни опредѣлить, ни назвать нельзя и чего нѣтъ въ моемъ несравненномъ, но неповоротливомъ Ильѣ. Вотъ почему я удивляюсь. Послушайте, продолжалъ онъ съ живостью:—мы никогда не дойдемъ такъ до конца, не поймемъ другъ друга. Не стыдитесь подробностей, не пощадите себя на полчаса, разскажите мнѣ все, а я скажу вамъ, что это такое было, и даже, можетъбыть, что будетъ... Мнѣ все кажется, что тутъ... не то... Ахъ, еслибъ это была правда! прибавилъ онъ съ одушевленіемъ:—Еслибъ Обломова, а не другаго! Обломова! Вѣдь это значитъ, что вы принадлежите не прошлому, не любви, что вы свободны... Разскажите, разскажите скорѣй! покойнымъ, почти веселымъ голосомъ заключилъ онъ.

— Да, ради Бога! довѣрчиво отвѣтила она, обрадованная, что часть цѣпей съ нея снята. — Одна я съ ума схожу. Еслибъ вы знали, какъ я жалка! Я не знаю, виновата ли я, или нѣтъ, стыдиться ли мнѣ прошедшаго, жалѣть ли о немъ, надѣяться ли на будущее, или отчаяваться... Вы говорили о своихъ мученіяхъ, а моихъ не подозрѣвали. Выслушайте же до конца, но только не умомъ: я боюсь вашего ума; сердцемъ лучше: можетъ-быть, оно разсудитъ, что у меня нѣтъ матери, что я была какъ въ лѣсу... тихо, упавшимъ голосомъ прибавила она. — Нѣтъ, торопливо по-

правилась потомъ:—не щадите меня. Если это была любовь, то... уѣзжайте. Она остановилась на минуту! — и пріѣзжайте, послѣ, когда заговоритъ опять одна дружба. Если же это была вѣтренность, кокетство, то казните, бѣгите дальше и забудьте меня. Слушайте.

Онъ въ отвѣтъ крѣпко пожалъ ей обѣ руки.

Началась исповѣдь Ольги, длинная, подробная. Она отчетливо, слово за словомъ, перекладывала изъ своего ума въ чужой все, что ее такъ долго грызло, чего она краснѣла, чѣмъ прежде умилялась, была счастлива, а потомъ вдругъ упала въ омутъ горя и сомнѣній.

Она разсказала о прогулкахъ, о паркѣ, о своихъ надеждахъ, о просвѣтлѣніи и паденіи Обломова, о вѣткѣ сирени, даже о поцѣлуѣ. Только прошла молчаніемъ душный вечеръ въ саду — вѣроятно потому, что все еще не рѣшила, что за припадокъ съ ней случился тогда.

Сначала слышался только ея смущенный шопотъ, но по-мѣрѣ того, какъ она говорила, голосъ ея становился явственнѣе и свободнѣе; отъ шопота онъ перешелъ въ полутонъ, потомъ возвысился до полныхъ грудныхъ нотъ. Кончила она покойно, какъ-будто пересказывала чужую исторію.

Передъ ней самой снималась завѣса, развивалось прошлое, въ которое до этой минуты она боялась заглянуть пристально. На многое у ней открывались глаза и она смѣло бы взглянула на своего собесѣдника, еслибъ не было темно.

Она кончила и ждала приговора. Но отвѣтомъ была могильная тишина.

Что онъ? Не слыхать ни слова, ни движенія, даже дыханія, какъ-будто никого не было съ нею.

Эта нѣмота опять бросила въ нее сомнѣніе. Молчаніе длилось. Что значитъ это молчаніе? Какой приговоръ гото-

вится ей отъ самаго проницательнаго, снисходительнаго судьи въ цѣломъ мірѣ? Все прочее безжалостно осудитъ ее, только одинъ онъ могъ быть ея адвокатомъ, его бы избрала она... онъ бы все понялъ, взвѣсилъ и лучше ея самой рѣшилъ въ ея пользу! А онъ молчитъ: ужели дѣло ея потеряно?...

Ей стало опять страшно...

Отворились двери, и двѣ свѣчи, внесенныя горничной, озарили свѣтомъ ихъ уголъ.

Она бросила на него робкій, но жадный, вопросительный взглядъ. Онъ сложилъ руки крестомъ и смотритъ на нее такими кроткими, открытыми глазами, наслаждается ея смущеніемъ.

У ней сердце отошло, отогрѣлось. Она успокоительно вздохнула и чуть не заплакала. Къ ней мгновенно воротилось снисхожденіе къ себѣ, довѣренность къ нему. Она была счастлива, какъ дитя, которое простили, успокоили и обласкали.

— Все? спросилъ онъ тихо.

— Все! сказала она.

— А письмо его?

Она вынула изъ портфеля письмо и подала ему. Онъ подошелъ къ свѣчкѣ, прочелъ и положилъ на столъ. А глаза опять обратились на нее съ тѣмъ же выраженіемъ, какого она ужъ давно не видала въ немъ.

Передъ ней стоялъ прежній, увѣренный въ себѣ, немного-насмѣшливый и безгранично-добрый, балующій ее другъ. Въ лицѣ у него ни тѣни страданія, ни сомнѣнія. Онъ взялъ ее за обѣ руки, поцѣловалъ ту и другую, потомъ глубоко задумался. Она притихла въ свою очередь и, не смигнувъ, наблюдала движеніе его мысли на лицѣ.

Вдругъ онъ всталъ.

— Боже мой, еслибъ я зналъ, что дѣло идетъ объ Обло-

мовѣ, мучился ли бы я такъ! сказалъ онъ, глядя на нее такъ ласково, съ такою довѣрчивостью, какъ-будто у ней не было этого ужаснаго прошедшаго. На сердцѣ у ней такъ повеселѣло, стало празднично. Ей было легко. Ей стало ясно, что она стыдилась его одного, а онъ не казнитъ ея, не бѣжитъ! Что ей за дѣло до суда цѣлаго свѣта!

Онъ ужъ владѣлъ опять собой, былъ веселъ; но ей мало было этого. Она видѣла, что она оправдана; но ей, какъ подсудимой, хотѣлось знать приговоръ. А онъ взялъ шляпу.

— Куда вы? спросила она.

— Вы взволнованы, отдохните! сказалъ онъ. — Завтра поговоримъ.

— Вы хотите, чтобъ я не спала всю ночь? перебила она, удерживая его за руку и сажая на стулъ. Хотите уйти, не сказавъ, что это... было, что я теперь, что я... буду. Пожалѣйте, Андрей Иванычъ: кто же мнѣ скажетъ? Кто накажетъ-меня, если я стою, или... кто проститъ?... прибавила она и взглянула на него съ такой нѣжной дружбой, что онъ бросилъ шляпу и чуть самъ не бросился предъ ней на колѣни.

— Ангелъ—позвольте сказать—мой! говорилъ онъ:—Не мучьтесь напрасно: ни казнить, ни миловать васъ ненужно. Мнѣ даже нечего и прибавлять къ вашему разсказу. Какія могутъ быть у васъ сомнѣнія? Вы хотите знать, что это было, назвать по имени? Вы давно знаете... Гдѣ письмо Обломова?— Онъ взялъ письмо со стола.

— Слушайте же! и читалъ: „ваше настоящее *люблю* не есть настоящая любовь, а будущая. Это только безсознательная потребность любить, которая, за недостаткомъ настоящей пищи, высказывается иногда у женщинъ въ ласкахъ къ ребенку, къ другой женщинѣ, даже просто въ слезахъ или въ истерическихъ припадкахъ..! Вы *ошиблись* (читалъ Штольцъ, ударяя на этомъ словѣ): предъ вами не

тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали. Погодите—онъ придетъ, и тогда вы очнетесь, вамъ будетъ досадно и стыдно за свою ошибку...“

— Видите, какъ это вѣрно! сказалъ онъ. — Вамъ было и стыдно, и досадно за... ошибку. Къ этому нечего прибавить. Онъ былъ правъ, а вы не повѣрили, и въ этомъ вся ваша вина. Вамъ бы тогда и разойтись; но его одолѣла ваша красота... а васъ трогала... его голубиная нѣжность! чуть-чуть насмѣшливо прибавилъ онъ.

— Я не повѣрила ему, я думала, что сердце не ошибается.

— Нѣтъ, ошибается: и какъ иногда гибельно! Но у васъ до сердца и не доходило,прибавилъ онъ:—воображеніе и самолюбіе съ одной стороны, слабость съ другой... А вы боялись, что не будетъ другаго праздника въ жизни, что этотъ блѣдный лучъ озаритъ жизнь и потомъ будетъ вѣчная ночь...

— А слезы? сказала она: — Развѣ онѣ не отъ сердца были, когда я плакала? Я не лгала, я была искренна...

— Боже мой! О чемъ не заплачутъ женщины? Вы сами же говорите, что вамъ было жаль букета сирени, любимой скамьи. Къ этому прибавьте обманутое самолюбіе, неудавшуюся роль спасительницы, немного привычки... Сколько причинъ для слезъ!

— И свиданія наши, прогулки, тоже ошибка? Вы помните, что я... была у него... досказала она съ смущеніемъ и сама, кажется, хотѣла заглушить свои слова. Она старалась сама обвинять себя затѣмъ только, чтобъ онъ жарче защищалъ ее, чтобъ быть все правѣе и правѣе въ его глазахъ.

— Изъ разсказа вашего видно, что въ послѣднихъ свиданіяхъ вамъ и говорить было не о чемъ. У вашей такъ-называемой „любви“ не хватало и содержанія; она дальше

пойти не могла. Вы еще до разлуки разошлись и были вѣрны не любви, а призраку ея, который сами выдумали —вотъ и вся тайна.

— А поцѣлуй? шепнула она такъ тихо, что онъ не слыхалъ, а догадался.

— О, это важно, съ комической строгостью произнесъ онъ: — за это надо было лишить васъ... одного блюда за обѣдомъ. — Онъ глядѣлъ на нее все съ большей лаской съ большей любовью.

— Шутка не оправданіе такой „ошибки!“ возразила она строго, обиженная его равнодушіемъ и небрежнымъ тономъ.—Мнѣ легче было бы, еслибъ вы наказали меня какимъ-нибудь жосткимъ словомъ, назвали бы мой проступокъ его настоящимъ именемъ.

— Я бы и не шутилъ, еслибъ дѣло шло не объ Ильѣ, а о другомъ, оправдывался онъ: — тамъ ошибка могла бы кончиться... бѣдой: но я знаю Обломова...

— Другой, никогда! вспыхнувъ, перебила она:—Я узнала его больше, нежели вы...

— Вотъ видите! подтвердилъ онъ.

— Но еслибъ онъ... измѣнился, ожилъ, послушался меня и... развѣ я не любила бы его тогда? Развѣ и тогда была бы ложь, ошибка? говорила она, чтобъ осмотрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ, чтобъ не осталось ни малѣйшаго пятна, никакой загадки.

— То-есть, еслибъ на его мѣстѣ былъ другой человѣкъ, перебилъ Штольцъ:—нѣтъ сомнѣнія, ваши отношенія разыгрались бы въ любовь, упрочились, и тогда... Но это другой романъ и другой герой, до котораго намъ дѣла нѣтъ.

Она вздохнула, какъ-будто сбросила послѣднюю тяжесть съ души. Оба молчали.

— Ахъ, какое счастье... выздоравливать, медленно про-

изнесла она, какъ будто расцвѣтая, и обратила къ нему взглядъ такой глубокой признательности, такой горячей, небывалой дружбы, что въ этомъ взглядѣ почудилась ему искра, которую онъ напрасно ловилъ почти годъ. По немъ пробѣжала радостная дрожь.

— Нѣтъ, выздоравливаю я! сказалъ онъ и задумался.— Ахъ, еслибъ только я могъ знать, что герой этого романа —Илья! Сколько времени ушло, сколько крови испортилось! За что? Зачѣмъ! твердилъ онъ почти съ досадой.

Но вдругъ онъ какъ-будто отрезвился отъ этой досады, очнулся отъ тяжелаго раздумья. Лобъ разгладился, глаза повеселѣли.

— Но, видно, это было неизбѣжно: зато, какъ я покоенъ теперь и... какъ счастливъ! съ упоеніемъ прибавилъ онъ.

— Какъ сонъ, какъ-будто ничего не было! говорила она, задумчиво, едва слышно, удивляясь своему внезапному возрожденію:—Вы вынули не только стыдъ, раскаяніе, но и горечь, боль—все... Какъ это вы сдѣлали? тихо спросила она.—И все это пройдетъ, эта... ошибка?

— Да ужь, я думаю, и прошло! сказалъ онъ, взглянувъ на нее въ первый разъ глазами страсти и не скрывая этого:—то-есть все, что было.

— А что... будетъ... не ошибка... истина?... спрашивала она, не договаривая.

— Вотъ тутъ написано, рѣшилъ онъ, взявъ опять письмо: „предъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали: онъ придетъ, и вы очнетесь...“ И полюбите, прибавлю я, такъ полюбите, что мало будетъ не года, а цѣлой жизни для той любви, только не знаю... кого? досказалъ онъ, впиваясь въ нее глазами.

Она потупила глаза и сжала губы, но сквозь вѣки порывались наружу лучи, губы удерживали улыбку, но не

удержали. Она взглянула на него и засмѣялась такъ отъ души, что у ней навернулись даже слезы.

— Я вамъ сказалъ, что съ вами было и даже что будетъ, Ольга Сергѣвна, заключилъ онъ.—А вы мнѣ ничего не скажете въ отвѣтъ на мой вопросъ, который не дали кончить.

— Но что я могу сказать? въ смущеніи говорила она: —Имѣла ли бы я право, еслибъ могла сказать то, что вамъ такъ нужно и чего... вы такъ стоите? шопотомъ прибавила и стыдливо взглянула на него.

Во взглядѣ опять почудились ему искры небывалой дружбы; опять онъ дрогнулъ отъ счастья.

— Не торопитесь, прибавилъ онъ, скажите, чего я стою, когда кончится вашъ сердечный трауръ, трауръ приличія. Мнѣ кое-что сказалъ и этотъ годъ. А теперь рѣшите только вопросъ: ѣхать мнѣ, или... оставаться?

— Послушайте: вы кокетничаете со мной! вдругъ весело сказала она.

— О, нѣтъ! съ важностью замѣтилъ онъ.—Это не давешній вопросъ, теперь онъ имѣетъ другой смыслъ: если я останусь, то... на какихъ правахъ?

Она вдругъ смутилась.

— Видите, что я не кокетничаю! смѣялся онъ, довольный, что поймалъ ее.—Вѣдь намъ, послѣ нынѣшняго разговора, надо быть иначе другъ съ другомъ: мы оба ужь не тѣ, что были вчера.

— Я не знаю... шептала она, еще болѣе смущенная.

— Позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ?

— Говорите... я слѣпо исполню! почти съ страстною покорностью прибавила она.

— Выдьте за меня замужъ, въ ожиданіи, пока *онъ* придетъ!

— Еще не смѣю... шептала она, закрывая лицо руками, въ волненіи, но счастливая.

— Отчего жь не смѣете? шопотомъ же спросилъ онъ, наклоняя ея голову къ себѣ.

— А это прошлое? шептала она опять, кладя ему голову на грудь, какъ матери.

Онъ тихонько отнялъ ея руки отъ лица, поцѣловалъ въ голову и долго любовался ея смущеніемъ, съ наслажденіемъ глядѣлъ на выступившія у ней и поглощенныя опять глазами слезы.

— Поблёкнетъ, какъ ваша сирень! заключилъ онъ.— Вы взяли урокъ: теперь настала пора пользоваться имъ. Начинается жизнь: отдайте мнѣ ваше будущее и не думайте ни о чемъ—я ручаюсь за все. Пойдемте къ теткѣ.

Поздно ушелъ къ себѣ Штольцъ.

„Нашелъ свое,“ думалъ онъ, глядя влюбленными глазами на деревья, на небо, на озеро, даже на поднимавшійся съ воды туманъ. „Дождался! Столько лѣтъ жажды чувства, терпѣнія, экономіи силъ души! Какъ долго я ждалъ— все награждено: вотъ оно, послѣднее счастье человѣка!“

Все теперь заслонилось въ его глазахъ счастьемъ: контора, тележка отца, замшевыя перчатки, замасленые счеты—вся дѣловая жизнь. Въ его памяти воскресла только благоухающая комната его матери, варьяціи Герца, княжеская галерея, голубые глаза, каштановые волосы подъ пудрой — и все это покрывалъ какой-то нѣжный голосъ, Ольги: онъ въ умѣ слышалъ ея пѣніе...

— Ольга — моя жена! страстно вздрогнувъ, прошепталъ онъ:—Все найдено, нечего искать, некуда идти больше!

И въ задумчивомъ чаду счастья, шелъ домой, не замѣчая дороги, улицъ...

Ольга долго провожала его глазами, потомъ открыла ок-

но, нѣсколько минутъ дышала ночной прохладой; волненіе понемногу улеглось, грудь дышала ровно.

Она устремила глаза на озеро, на даль, и задумалась такъ тихо, такъ глубоко, какъ-будто заснула. Она хотѣла уловить, о чемъ она думаетъ, что чувствуетъ, и не могла. Мысли неслись такъ ровно, какъ волны, кровь струилась такъ плавно въ жилахъ. Она испытывала счастье и не могла опредѣлить, гдѣ границы, что она такое. Она думала, отчего ей такъ тихо, мирно, ненарушимо-хорошо, отчего ей покойно, между тѣмъ...

— Я его невѣста... прошептала она.

„Я невѣста!“ съ гордымъ трепетомъ думаетъ дѣвушка, дождавшись этого момента, озаряющаго всю ея жизнь, и выростетъ высоко, и съ высоты смотритъ на ту темную тропинку, гдѣ вчера шла одиноко и незамѣтно.

Отчего же Ольга не трепещетъ? Она тоже шла одиноко, незамѣтной тропой, также на перекресткѣ встрѣтился ей *онъ*, подалъ руку и вывелъ, не въ блескъ ослѣпительныхъ лучей, а какъ-будто на разливъ широкой рѣки, къ пространнымъ полямъ и дружески улыбающимся холмамъ. Взглядъ ея не зажмурился отъ блеска, не замерло сердце, не вспыхнуло воображеніе.

Она съ тихой радостью успокоила взглядъ на разливѣ жизни, на ея широкихъ поляхъ и зеленыхъ холмахъ. Не бѣгала у ней дрожь по плечамъ, не горѣлъ взглядъ гордостью: только когда она перенесла этотъ взглядъ съ полей и холмовъ на того, кто подалъ ей руку, она почувствовала, что по щекѣ у ней медленно тянется слеза...

Она все сидѣла, точно спала—такъ тихъ былъ сонъ ея счастья: она не шевелилась, почти не дышала. Погруженная въ забытье, она устремила мысленный взглядъ въ какую-то тихую, голубую ночь, съ кроткимъ сіяніемъ, съ теплomъ и ароматомъ. Грёза счастья распростерла широкія

крылья и плыла медленно, какъ облако въ небѣ, надъ ея головой...

Не видала она себя въ этомъ снѣ завернутою въ газы и блонды на два часа и потомъ въ будничныя тряпки на всю жизнь. Не снился ей ни праздничный пиръ, ни огни, ни веселые клики; ей снилось счастье, но такое простое, такое неукрашенное, что она еще разъ, безъ трепета гордости, и только съ глубокимъ умиленіемъ прошептала:—Я его невѣста!

V.

Боже мой! Какъ все мрачно, скучно смотрѣло въ квартирѣ Обломова, года полтора спустя послѣ именинъ, когда, нечаянно, пріѣхалъ къ нему обѣдать Штольцъ. И самъ Илья Ильичъ обрюзгъ, скука въѣлась въ его глаза и выглядывала оттуда, какъ немочь какая-нибудь.

Онъ походитъ, походитъ по комнатѣ, потомъ ляжетъ и смотритъ въ потолокъ; возьметъ книгу съ этажерки, пробѣжитъ нѣсколько строкъ глазами, зѣвнетъ и начнетъ барабанить пальцами по столу.

Захаръ сталъ еще неуклюжѣе, неопрятнѣе; у него появились заплаты на локтяхъ; онъ смотритъ такъ бѣдно, голодно, какъ-будто плохо ѣстъ, мало спитъ и за троихъ работаетъ.

Халатъ на Обломовѣ истаскался, и какъ ни заботливо зашивались диры на немъ, но онъ расползается вездѣ и не по швамъ: давно бы надо новый. Одѣяло на постели тоже истасканное, кое-гдѣ съ заплатами; занавѣски на окнахъ полиняли давно и, хотя онѣ вымыты, но похожи на тряпки.

Захаръ принесъ старую скатерть, постлалъ на половинѣ стола, подлѣ Обломова, потомъ осторожно, прикусивъ

языкъ, принесъ приборъ съ графиномъ водки, положилъ хлѣбъ и ушелъ.

Дверь съ хозяйской половины отворилась и вошла Агафья Матвѣевна, неся проворно щипящую сковороду съ яичницей.

И она ужасно измѣнилась, не въ свою пользу. Она похудѣла. Нѣтъ круглыхъ, бѣлыхъ, некраснѣющихъ и неблѣднѣющихъ щекъ; не лоснятся рѣдкія брови; глаза у ней впали.

Одѣта она въ старое ситцевое платье; руки у ней не то загорѣли, не то загрубѣли отъ работы, отъ огня, или отъ воды, или отъ того и отъ другаго.

Акулины уже не было въ домѣ. Анисья—и на кухнѣ, и на огородѣ, и за птицами ходитъ, и полы моетъ, и стираетъ; она не управится одна, и Агафья Матвѣевна, волей-неволей, сама работаетъ на кухнѣ: она толчетъ, сѣетъ и трётъ мало, потому-что мало выходитъ кофе, корицы и миндалю, а о кружевахъ она забыла и думать. Теперь ей чаще приходится крошить лукъ, тереть хрѣнъ и тому подобныя пряности. Въ лицѣ у ней лежитъ глубокое уныніе.

Но не о себѣ, не о своемъ кофе вздыхаетъ она, тужитъ не оттого, что ей нѣтъ случая посуетиться, похозяйничать широко, потолочь корицу, положить ваниль въ соусъ, или варить густыя сливки, а оттого, что другой годъ не кушаетъ этого ничего Илья Ильичъ, оттого, что кофе ему не берется пудами изъ лучшаго магазина, а покупается на гривенники въ лавочкѣ; сливки приноситъ не чухонка, а снабжаетъ ими та же лавочка, оттого, что вмѣсто сочной котлетки, она несетъ ему на завтракъ яичницу, заправленную жесткой, залежавшейся въ лавочкѣ же ветчиной.

Что же это значитъ? А то, что другой годъ доходы съ Обломовки, исправно присылаемые Штольцемъ, поступа-

ютъ на удовлетвореніе претензіи по заемному письму, данному Обломовымъ хозяйкѣ.

„Законное дѣло“ братца удалось сверхъ ожиданія. При первомъ намекѣ Тарантьева на скандалёзное дѣло, Илья Ильичъ вспыхнулъ и сконфузился; потомъ пошли на мировую, потомъ выпили всѣ трое и Обломовъ подписалъ заемное письмо, срокомъ на четыре года; а черезъ мѣсяцъ Агафья Матвѣевна подписала такое же письмо на имя братца, не подозрѣвая, что такое и зачѣмъ она подписываетъ. Братецъ сказали, что это нужная бумага по дому и велѣли написать: „къ сему заемному письму такая-то (чинъ, имя и фамилія) руку приложила“.

Она только затруднилась тѣмъ, что много понадобилось написать, и попросила братца заставить лучше Ванюшу, что „онъ-де бойко сталъ писать“, а она, пожалуй, что-нибудь напутаетъ. Но братецъ настоятельно потребовали, и она подписала криво, косо и крупно. Больше объ этомъ ужъ никогда и рѣчи не было.

Обломовъ, подписывая, утѣшался отчасти тѣмъ, что деньги эти пойдутъ на сироть, а потомъ, на другой день, когда голова у него была свѣжа, онъ со стыдомъ вспомнилъ объ этомъ дѣлѣ и старался забыть, избѣгалъ встрѣчи съ братцемъ, и если Тарантьевъ заговаривалъ о томъ, онъ грозилъ немедленно съѣхать съ квартиры и уѣхать въ деревню.

Потомъ, когда онъ получилъ деньги изъ деревни, братецъ пришли къ нему и объявили, что ему, Ильѣ Ильичу, легче будетъ начать уплату немедленно изъ дохода; что года въ три претензія будетъ покрыта, между тѣмъ какъ съ наступленіемъ срока, когда документъ будетъ поданъ ко взысканію, деревня должна будетъ поступить въ публичную продажу, такъ-какъ суммы въ наличности у Обломова не имѣется и не предвидится.

Обломовъ понялъ, въ какіе тиски попалъ онъ, когда все, что присылалъ Штольцъ, стало поступать на уплату долга, а ему оставалось только небольшое количество денегъ на прожитокъ.

Братецъ спѣшилъ окончить эту добровольную сдѣлку съ своимъ должникомъ года въ два, чтобъ какъ-нибудь и что-нибудь не помѣшало дѣлу, и оттого Обломовъ вдругъ попалъ въ затруднительное положеніе.

Сначала это было не очень-замѣтно, благодаря его привычкѣ не знать сколько у него въ карманѣ денегъ; но Иванъ Матвѣевичъ вздумалъ присвататься къ дочери какого-то лабазника, нанялъ особую квартиру и переѣхалъ.

Хозяйственные розмахи Агаѳьи Матвѣевны вдругъ пріостановились: осетрина, бѣлоснѣжная телятина, индѣйки стали появляться на другой кухнѣ, въ новой квартирѣ Мухоярова.

Тамъ по вечерамъ горѣли огни, собирались будущіе родные братца, сослуживцы и Тарантьевъ; все очутилось тамъ. Агаѳья Матвѣевна и Анисья вдругъ остались съ разинутыми ртами и съ праздно-повисшими руками, надъ пустыми кострюлями и горшками.

Агафья Матвѣевна въ первый разъ узнала, что у ней есть только домъ, огородъ и цыплята, и что ни корица, ни ваниль не растутъ въ ея огородѣ; увидала, что на рынкахъ лавочники мало-по-малу перестали ей низко кланяться, съ улыбкой, и что эти поклоны и улыбки стали доставаться новой, толстой, нарядной кухаркѣ ея братца.

Обломовъ отдалъ хозяйкѣ всѣ деньги, оставленныя ему братцомъ на прожитокъ, и она, мѣсяца три-четыре, безъ памяти, попрежнему, молола пудами кофе, толкла корицу, жарила телятину и индѣекъ, и дѣлала это до послѣдняго дня, въ который истратила послѣднія семь гривенъ и пришла къ нему сказать, что у ней денегъ нѣтъ.

Онъ три раза перевернулся на диванѣ отъ этого извѣстія, потомъ посмотрѣлъ въ ящикъ къ себѣ: и у него ничего не было. Сталъ припоминать, куда ихъ дѣлъ, и ничего не припомнилъ; пошарилъ на столѣ рукой, нѣтъ ли мѣдныхъ денегъ, спросилъ Захара, тотъ и во снѣ не видалъ. Она пошла къ братцу и наивно сказала, что въ домѣ денегъ нѣтъ.

— А куда вы съ вельможей ухлопали тысячу рублей, что я далъ ему на прожитье? спросилъ онъ: — Гдѣ же я денегъ возьму? Ты знаешь я въ законный бракъ вступаю: двѣ семьи содержать не могу, а вы съ бариномъ-то по одежкѣ протягивайте ножки.

— Что вы, братецъ, меня бариномъ попрекаете? сказала она:—Что онъ вамъ дѣлаетъ? Никого не трогаетъ, живетъ-себѣ. Не я приманивала его на квартиру: вы съ Михѣемъ Андреичемъ.

Онъ далъ ей десять рублей и сказалъ, что больше нѣтъ. Но потомъ, обдумавъ дѣло съ кумомъ въ „заведеніи“, рѣшилъ, что такъ покидать сестру и Обломова нельзя, что, пожалуй, дойдетъ дѣло до Штольца, тотъ нагрянетъ, разберетъ и, чего добраго, какъ-нибудь передѣлаетъ, не успѣешь и взыскать долгъ, даромъ что „законное дѣло“: нѣмецъ, слѣдовательно, продувной!

Онъ сталъ давать по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ еще, предположивъ взыскать эти деньги изъ доходовъ Обломова третьяго года, но при этомъ растолковалъ и даже побожился сестрѣ, что больше ни гроша не положитъ, и разсчиталъ, какой столъ должны они держать, какъ уменьшить издержки, даже назначилъ, какія блюда когда готовить, высчиталъ, сколько она можетъ получить за цыплятъ, за капусту, и рѣшилъ, что со всѣмъ этимъ можно жить припѣваючи.

Въ первый разъ въ жизни Агафья Матвѣевна задумалась не о хозяйствѣ, а о чемъ-то другомъ, въ первый разъ

заплакала, не отъ досады на Акулину за разбитую посуду, не отъ брани братца за недоваренную рыбу; въ первый разъ ей предстала грозная нужда, но грозная не для нея, для Ильи Ильича.

„Какъ вдругъ этотъ баринъ," разбирала она „станетъ кушать, вмѣсто спаржи, рѣпу съ масломъ, вмѣсто рябчиковъ, баранину, вмѣсто гатчинскихъ форелей, янтарной осетрины — соленаго судака, можетъ-быть, студень изъ лавочки..."

Ужасъ! Она не додумалась до конца, а торопливо одѣлась, наняла извощика и поѣхала къ мужниной роднѣ, не въ Пасху и Рождество, на семейный обѣдъ, а утромъ рано, съ заботой, съ необычайной рѣчью и вопросомъ, что дѣлать, и взять у нихъ денегъ.

У нихъ много: они сейчасъ дадутъ, какъ узнаютъ, что это для Ильи Ильича. Еслибъ это было ей на кофе, на чай, дѣтямъ на платье, на башмаки, или на другія подобныя прихоти, она бы и не заикнулась, а то на крайнюю нужду, до-зарѣзу: спаржи Ильѣ Ильичу купить, рябчиковъ на жаркое, онъ любитъ французскій горошекъ...

Но тамъ удивились, денегъ ей не дали, а сказали, что если у Ильи Ильича есть вещи какія-нибудь, золотыя или, пожалуй, серебряныя, даже мѣхъ, такъ можно заложить, и что есть такіе благодѣтели, что третью часть просимой суммы дадутъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ опять получитъ изъ деревни.

Этотъ практическій урокъ въ другое время пролетѣлъ бы надъ геніальной хозяйкой, не коснувшись ея головы, и невтолковать бы ей его никакими путями, а тутъ она умомъ сердца поняла, сообразила все и взвѣсила... свой жемчугъ, полученный въ приданое.

Илья Ильичъ, не подозрѣвая ничего, пилъ на другой день смородинную водку, закусывалъ отличной семгой, ку-

шалъ любимые потроха и бѣлаго свѣжаго рябчика. Агафья Матвѣевна, съ дѣтьми, поѣла людскихъ щей и каши, и только за компанію съ Ильей Ильичемъ выпила двѣ чашки кофе.

Вскорѣ за жемчугомъ достала она изъ завѣтнаго сундука фермуаръ, потомъ пошло серебро, потомъ салопъ...

Пришелъ срокъ присылки денегъ изъ деревни: Обломовъ отдалъ ей всѣ. Она выкупила жемчугъ и заплатила проценты за фермуаръ, серебро и мѣхъ, и опять готовила ему спаржу, рябчики, и только для виду пила съ нимъ кофе. Жемчугъ опять поступилъ на свое мѣсто.

Изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день тянулась она изъ силъ, мучилась, перебивалась, продала шаль, послала продать парадное платье и осталась въ ситцевомъ ежедневномъ нарядѣ, съ голыми локтями, и по воскресеньямъ прикрывала шею старой затасканной косынкой.

Вотъ отчего она похудѣла, отчего у ней впали глаза и отчего она сама принесла завтракъ Ильѣ Ильичу.

У ней даже доставало духа сдѣлать веселое лицо, когда Обломовъ объявлялъ ей, что завтра къ нему придутъ обѣдать Тарантьевъ, Алексѣевъ или Иванъ Герасимовичъ. Обѣдъ являлся вкусный и чисто поданный. Она не срамила хозяина. Но сколькихъ волненій, бѣготни, упрашиванья по лавочкамъ, потомъ безсонницы, даже слезъ стоили ей эти заботы!

Какъ вдругъ глубоко окунулась она въ треволненія жизни и какъ познала ея счастливые и несчастные дни! Но она любила эту жизнь: не смотря на всю горечь своихъ слезъ и заботъ; она не промѣняла бы ея на прежнее, тихое теченье, когда она не знала Обломова, когда съ достоинствомъ господствовала среди наполненныхъ, трещавшихъ и шипѣвшихъ кострюль, сковородъ и горшковъ, повелѣвала Акулиной, дворникомъ.

Она отъ ужаса даже вздрогнетъ, когда вдругъ ей предстанетъ мысль о смерти, хотя смерть разомъ положила бы конецъ ея невысыхаемымъ слезамъ, ежедневной бѣготнѣ и еженочной несмыкаемости глазъ.

Илья Ильичъ, позавтракалъ, прослушалъ, какъ Маша читаетъ пофранцузски, посидѣлъ въ комнатѣ у Агафьи Матвѣевны, смотрѣлъ, какъ она починивала Ваничкину курточку, переворачивая ее разъ десять то на ту, то на другую сторону, и въ то же время безпрестанно бѣгала въ кухню посмотрѣть, какъ жарится баранина къ обѣду, не—пора ли заваривать уху.

— Что вы все хлопочете, право? говорилъ Обломовъ:—оставьте!

— Кто жь будетъ хлопотать, если не я? сказала она.—Вотъ только положу двѣ заплатки здѣсь, и уху станемъ варить. Какой дрянной мальчишка, этотъ Ваня! На той недѣлѣ заново вычинила куртку—опять разорвалъ! Что смѣешься? обратилась она къ сидѣвшему у стола Ванѣ, въ панталонахъ и въ рубашкѣ объ одной помочи. — Вотъ не починю до утра, и нельзя будетъ за ворота бѣжать. Мальчишки, должно быть, разорвали: дрался—признавайся?

— Нѣтъ, маменька, это само разорвалось, сказалъ Ваня.

— То-то само! Сидѣлъ бы дома, да твердилъ уроки, чѣмъ бѣгать по улицамъ! Вотъ когда Илья Ильичъ опять скажетъ, что ты по французски плохо учишься,—я и сапоги сниму: поневолѣ будешь сидѣть за книжкой!

— Я не люблю учиться по французски.

— Отчего?—спросилъ Обломовъ.

— Да по французски есть много нехорошихъ словъ...

Агафья Матвѣевна вспыхнула, Обломовъ расхохотался. Вѣрно и прежде уже былъ у нихъ разговоръ о „нехорошихъ словахъ“.

— Молчи, дрянной мальчишка, сказала она: — Утри лучше носъ, не видишь?

Ванюша фыркнулъ, но носа не утеръ.

— Вотъ погодите, получу изъ деревни деньги, я ему двѣ пары сошью, вмѣшался Обломовъ:—синюю курточку, а на будущій годъ мундиръ: въ гимназію поступитъ.

— Ну, еще и въ старомъ походитъ, сказала Агафья Матвѣевна: — а деньги понадобятся на хозяйство. Солонины запасемъ, варенья вамъ наварю... Пойти посмотрѣть, принесла ли Анисья сметаны... Она встала.

— А что нынче? спросилъ Обломовъ.

— Уха изъ ершей, жареная баранина, да вареники.

Обломовъ молчалъ.

Вдругъ подъѣхалъ экипажъ, застучали въ калитку, началось скаканье на цѣпи и лай собаки.

Обломовъ ушелъ къ себѣ, думая, что кто нибудь пришелъ къ хозяйкѣ: мясникъ, зеленщикъ, или другое подобное лицо. Такой визитъ сопровождался обыкновенно просьбами денегъ, отказомъ со стороны хозяйки, потомъ угрозой со стороны продавца, потомъ просьбами подождать со стороны хозяйки, потомъ бранью, хлопаньемъ дверей, калитки и неистовымъ скаканьемъ и лаемъ собаки—вообще непріятной сценой. Но подъѣхалъ экипажъ—что бы это значило? Мясники и зеленщики въ экипажахъ не ѣздятъ.

Вдругъ хозяйка, въ испугѣ, вбѣжала къ нему.

— Къ вамъ гость! сказала она.

— Кто же: Тарантьевъ или Алексѣевъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, тотъ, что обѣдалъ въ Ильинъ день.

— Штольцъ? въ тревогѣ говорилъ Обломовъ, озираясь кругомъ, куда бы уйти: — Боже! что онъ скажетъ, какъ увидитъ... Скажите, что я уѣхалъ! торопливо прибавилъ онъ и ушелъ къ хозяйкѣ въ комнату.

Анисья кстати подоспѣла на встрѣчу гостю. Агафья Матвѣевна успѣла передать ей приказаніе. Штольцъ повѣрилъ, только удивился, какъ это Обломова не было дома.

— Ну, скажи, что я черезъ два часа приду, обѣдать буду! сказалъ онъ и пошелъ по близости, въ публичный садъ.

— Обѣдать будетъ! съ испугомъ передавала Анисья.

— Обѣдать будетъ! повторила въ страхѣ Агафья Матвѣевна Обломову.

— Надо другой обѣдъ изготовить, рѣшилъ онъ, помолчавъ.

Она обратила на него взглядъ, полный ужаса. У ней оставался всего полтинникъ, а до перваго числа, когда братецъ выдаетъ деньги, осталось еще десять дней. Въ долгъ никто не даетъ.

— Не успѣемъ, Илья Ильичъ, робко замѣтила она: — пусть покушаетъ, что есть...

— Не ѣстъ онъ этого, Агафья Матвѣвна: ухи терпѣть не можетъ, даже стерляжьей не ѣстъ; баранины тоже въ ротъ не беретъ.

— Языка можно въ колбасной взять! вдругъ, какъ-будто по вдохновенію, сказала она:—тутъ близко.

— Это хорошо, это можно; да велите зелени какой-нибудь, бобовъ свѣжихъ...

— Бобы восемь гривенъ фунтъ! пошевелилось у ней въ горлѣ, но на языкъ не сошло.

— Хорошо, я сдѣлаю... сказала она, рѣшившись замѣнить бобы капустой.

— Сыру швейцарскаго велите фунтъ взять! командовалъ онъ, не зная о средствахъ Агаѳьи Матвѣевны: — и больше ничего! Я извинюсь, скажу, что не ждали... Да еслибъ можно бульйонъ какой-нибудь.

Она-было ушла.

— А вина? вдругъ вспомнилъ онъ.

Она отвѣчала новымъ взглядомъ ужаса.

— Надо послать за лафитомъ, хладнокровно заключилъ онъ.

VI.

Черезъ два часа пришелъ Штольцъ.

— Что съ тобой? Какъ ты перемѣнился, обрюзгъ, блѣденъ! Ты здоровъ? спросилъ Штольцъ.

— Плохо здоровье, Андрей, говорилъ Обломовъ, обнимая его:—лѣвая нога что-то все нѣмѣетъ.

— Какъ у тебя здѣсь гадко! сказалъ, оглядываясь, Штольцъ:—что это ты не бросишь этого халата? Смотри, весь въ заплатахъ!

— Привычка, Андрей; жаль разстаться.

— А одѣяло, а занавѣски... началъ Штольцъ:—тоже привычка? Жаль перемѣнить эти тряпки? Помилу, неужели ты можешь спать на этой постели? Да что съ тобой?

Штольцъ пристально посмотрѣлъ на Обломова, потомъ опять на занавѣски, на постель.

— Ничего, говорилъ смущенный Обломовъ:—ты знаешь, я всегда былъ не очень-рачителенъ о своей комнатѣ... Давай лучше обѣдать. Эй, Захаръ! Накрывай скорѣй на столъ. Ну, что́ ты, надолго ли? Откуда?

— Узнай, что́ я и откуда? спросилъ Штольцъ:—до тебя, вѣдь, здѣсь не доходятъ вѣсти изъ живаго міра?

Обломовъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на него и дожидался, что онъ скажетъ.

— Что Ольга? спросилъ онъ.

— А, не забылъ! Я думалъ, что ты забудешь, сказалъ Штольцъ.

— Нѣтъ, Андрей, развѣ ее можно забыть? Это значитъ

забыть, что я когда-то жилъ, былъ въ раю... А теперь вотъ!.. Онъ вздохнулъ.—Но гдѣ же она?

— Въ своей деревнѣ, хозяйничаетъ.

— Съ тёткой? спросилъ Обломовъ.

— И съ мужемъ.

— Она замужемъ? вдругъ, вытаращивъ глаза, произнесъ Обломовъ.

— Чего жь ты испугался? Не воспоминанія ли?.. тихо, почти-нѣжно прибавилъ Штольцъ.

— Ахъ, нѣтъ, Богъ съ тобой! оправдывался Обломовъ, приходя въ себя:—Я не испугался, но удивился; не знаю, почему это поразило меня. Давно ли? Счастлива ли? скажи ради Бога. Я чувствую, что ты снялъ съ меня большую тяжесть! Хотя ты увѣрялъ меня, что она простила, но, знаешь... я не былъ покоенъ! Все грызло меня что-то... Милый Андрей, какъ я благодаренъ тебѣ!

Онъ радовался такъ отъ-души, такъ подпрыгивалъ на своемъ диванѣ, такъ шевелился, что Штольцъ любовался имъ и былъ даже тронутъ.

— Какой ты добрый Илья! сказалъ онъ:—Сердце твое стоило ее! Я ей все перескажу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори! перебилъ Обломовъ: — Она сочтетъ меня безчувственнымъ, что я съ радостью услыхалъ о ея замужествѣ.

— А радость развѣ не чувство, и притомъ еще безъ эгоизма? Ты радуешься только ея счастью.

— Правда, правда! перебилъ Обломовъ:—Богъ знаетъ, что я мелю... Кто жь, кто этотъ счастливецъ? — Я и не спрошу.

— Кто? повторилъ Штольцъ:—Какой ты недогадливый, Илья!

Обломовъ вдругъ остановилъ на своемъ другѣ неподвижный взглядъ: черты его окочснѣли на минуту и румянецъ сбѣжалъ съ лица.

— Не... ты ли? вдругъ спросилъ онъ.

— Опять испугался! Чего же? засмѣявшись, сказалъ Штольцъ.

— Не шути, Андрей, скажи правду! съ волненіемъ говорилъ Обломовъ.

— Ей-Богу не шучу. Другой годъ я женатъ на Ольгѣ.

Мало-по-малу испугъ пропадалъ въ лицѣ Обломова, уступая мѣсто мирной задумчивости; онъ еще не поднималъ глазъ, но задумчивость его черезъ минуту была ужь полна тихой и глубокой радости, и когда онъ медленно взглянулъ на Штольца, во взглядѣ его ужь было умиленіе и слезы.

— Милый Андрей! произнесъ Обломовъ, обнимая его:— Милая Ольга... Сергѣевна! прибавилъ потомъ, сдержавъ восторгъ.—Васъ благословилъ самъ Богъ! Боже мой! какъ я счастливъ! Скажи же ей...

— Скажу, что другаго Обломова не знаю! перебилъ его глубоко-тронутый Штольцъ.

— Нѣтъ, скажи, напомни, что я встрѣтился ей затѣмъ, чтобъ вывести ее на путь, и что я благословляю эту встрѣчу, благословляю ее и на новомъ пути! Что, еслибъ другой... съ ужасомъ прибавилъ онъ:—а теперь, весело заключилъ онъ:—я не краснѣю своей роли, не каюсь; съ души тяжесть спала; тамъ ясно, и я счастливъ. Боже! благодарю тебя!

Онъ опять чуть не прыгалъ на диванѣ отъ волненія: то прослезится, то засмѣется.

— Захаръ, шампанскаго къ обѣду! закричалъ онъ, забывъ, что у него не было ни гроша.

— Все скажу Ольгѣ, все! говорилъ Штольцъ.—Не даромъ она забыть не можетъ тебя. Нѣтъ, ты стоилъ ея: у тебя сердце какъ колодезь глубоко!

Голова Захара выставилась изъ передней.

— Пожалуйте сюда! говорилъ онъ, мигая барину.

— Что тамъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ онъ: — Поди вонъ!

— Денегъ пожалуйте! шепталъ Захаръ.

Обломовъ вдругъ замолчалъ.

— Ну, не нужно! шепнулъ онъ въ дверь:—Скажи, что забылъ, не успѣлъ! Поди!.. Нѣтъ, поди сюда! громко сказалъ онъ.—Знаешь ли новость, Захаръ? Поздравь: Андрей Иванычъ женился!

— Ахъ, батюшка! Привелъ Богъ дожить до этакой радости! Поздравляемъ, батюшка, Андрей Иванычъ; дай Богъ вамъ несчетные годы жить, дѣтокъ наживать. Ахъ, Господи, вотъ радости!

Захаръ кланялся, улыбался, сипѣлъ, хрипѣлъ. Штольцъ вынулъ ассигнацію и подалъ ему.

— На, вотъ тебѣ, да купи себѣ сюртукъ, сказалъ онъ: —посмотри, ты точно нищій.

— На комъ, батюшка? спросилъ Захаръ, ловя руки Штольца.

— На Ольгѣ Сергѣвнѣ—помнишь? сказалъ Обломовъ.

— На Ильинской барышнѣ! Господи! Какая славная барышня! По-дѣломъ бранили меня тогда Илья Ильичъ, стараго пса! Грѣшенъ, виноватъ: все на васъ сворачивалъ. Я тогда и людямъ ильинскимъ разсказалъ, а не Никита! Точно что клевета вышла. Ахъ, ты, Господи, ахъ, Боже мой!.. твердилъ онъ, уходя въ переднюю.

— Ольга зоветъ тебя въ деревню, къ себѣ, гостить; любовь твоя простыла, неопасно: ревновать не станешь. Поѣдемъ.

Обломовъ вздохнулъ.

— Нѣтъ, Андрей, сказалъ онъ:—не любви и не ревности я боюсь, а все-таки къ вамъ не поѣду.

— Чего жь ты боишься?

— Боюсь зависти: ваше счастье будетъ для меня зеркаломъ, гдѣ я все буду видѣть свою горькую и убитую жизнь; а вѣдь ужь я жить иначе не стану, не могу.

— Полно, милый Илья! Нéхотя станешь жить, какъ живутъ около тебя. Будешь считать, хозяйничать, читать, слушать музыку. Какъ у ней теперь выработался голосъ! Помнишь Casta diva?

Обломовъ замахалъ рукой, чтобъ онъ не напоминалъ.

— Ѣдемъ же! настаивалъ Штольцъ:—Это ея воля; она не отстанетъ. Я устану, а она нѣтъ. Это такой огонь, такая жизнь, что даже подчасъ достается мнѣ. Опять забродитъ у тебя въ душѣ прошлое. Вспомнишь паркъ, сирень, и будешь пошевеливаться...

— Нѣтъ, Андрей, нѣтъ, не поминай, не шевели ради Бога! серьёзно перебилъ его Обломовъ:—Мнѣ больно отъ этого, а не отрадно. Воспоминанія—или величайшая поэзія, когда они—воспоминанія о живомъ счастьѣ, или—жгучая боль, когда они касаются засохшихъ ранъ... Поговоримъ о другомъ. Да, я не поблагодарилъ тебя за твои хлопоты о моихъ дѣлахъ, о деревнѣ. Другъ мой! Я не могу, не въ силахъ; ищи благодарности въ своемъ собственномъ сердцѣ, въ своемъ счастьѣ—въ Ольгѣ... Сергѣвнѣ, а я... я... не могу! Прости, что самъ я до сихъ поръ не избавилъ тебя отъ хлопотъ. Но вотъ, скоро весна, я непремѣнно отправлюсь въ Обломовку...

— А знаешь, что дѣлается въ Обломовкѣ? Ты не узнаешь ея! сказалъ Штольцъ:—Я не писалъ къ тебѣ, потому что ты не отвѣчаешь на письма. Мостъ построенъ, домъ прошлымъ лѣтомъ возведенъ подъ крышу. Только ужь объ убранствѣ внутри ты хлопочи самъ, по своему вкусу—за это не берусь. Хозяйничаетъ новый управляющій, мой человѣкъ. Ты видѣлъ въ вѣдомости расходы...

Обломовъ молчалъ.

— Ты не читалъ ихъ? спросилъ Штольцъ, глядя на него.—Гдѣ онѣ?

— Постой, я послѣ обѣда съищу; надо Захара спросить...

— Ахъ, Илья, Илья! Не то смѣяться, не то плакать.

— Послѣ обѣда съищемъ. Давай обѣдать!

Штольцъ поморщился, садясь за столъ. Онъ вспомнилъ Ильинъ день: устрицъ, ананасы, дупелей; а теперь видѣлъ толстую скатерть, судки для уксуса и масла безъ пробокъ, заткнутые бумажками; на тарелкахъ лежало по большому черному ломтю хлѣба, вилки съ изломанными черенками. Обломову подали уху, а ему супъ съ крупой и варенаго цыпленка, потомъ слѣдовалъ жосткій языкъ, послѣ баранина. Явилось красное вино. Штольцъ налилъ полстакана, попробовалъ, поставилъ стаканъ на столъ и больше ужь не пробовалъ. Илья Ильичъ выпилъ двѣ рюмки смородинной водки, одну за другой, и съ жадностью принялся за баранину.

— Вино никуда не годится! сказалъ Штольцъ.

— Извини, въ торопяхъ не успѣли на ту сторону сходить, говорилъ Обломовъ.—Вотъ не хочешь ли смородинной водки? Славная, Андрей, попробуй! Онъ налилъ еще рюмку и выпилъ.

Штольцъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на него, но промолчалъ.

— Агафья Матвѣевна сама настаиваетъ: славная женщина! говорилъ Обломовъ, нѣсколько опьянѣвъ.—Я, признаться, не знаю, какъ я буду въ деревнѣ жить безъ нея: такой хозяйки не найдешь.

Штольцъ слушалъ его, немного нахмуривъ брови.

— Ты думаешь, это кто все готовитъ? Анисья? Нѣтъ! продолжалъ Обломовъ:—Анисья за цыплятами ходитъ, да

капусту полетъ въ огородѣ, да полы моетъ; а это все Агафья Матвѣвна дѣлаетъ.

Штольцъ не ѣлъ ни баранины, ни варениковъ, положилъ вилку и смотрѣлъ, съ какимъ аппетитомъ ѣлъ это все Обломовъ.

— Теперь ты ужь не увидишь на мнѣ рубашки наизнанку, говорилъ дальше Обломовъ, съ аппетитомъ обсасывая косточку:—она все осмотритъ, все увидитъ, ни одного нештопаннаго чулка нѣтъ—и все сама. А кофе какъ варитъ! Вотъ я угощу тебя послѣ обѣда.

Штольцъ слушалъ молча, съ озабоченнымъ лицомъ.

— Теперь братъ ея съѣхалъ, жениться вздумалъ, такъ хозяйство, знаешь, ужь не такое большое, какъ прежде. А бывало, такъ у ней все и кипитъ въ рукахъ! Съ утра до вечера такъ и летаетъ: и на рынокъ, и въ гостиный дворъ... Знаешь, я тебѣ скажу, плохо владѣя языкомъ, заключилъ Обломовъ:—дай мнѣ тысячи двѣ-три, такъ я бы тебя не сталъ подчивать языкомъ да бараниной; цѣлаго бы осетра подалъ, форелей, филé перваго сорта. А Агафья Матвѣвна безъ повара чудесъ бы надѣлала—да!

Онъ выпилъ еще рюмку водки.

— Да выпей, Андрей, право выпей: славная водка! Ольга Сергѣвна тебѣ этакой не сдѣлаетъ! говорилъ онъ нетвердо:—Она споетъ „Casta diva“, а водки сдѣлать не умѣетъ такъ! И пирога такого съ цыплятами и грибами не сдѣлаетъ! Такъ пекли только, бывало, въ Обломовкѣ, да вотъ здѣсь! И что еще хорошо, такъ это то, что не поваръ; тотъ, Богъ знаетъ, какими руками заправляетъ пирогъ; а Агафья Матвѣвна—сама опрятность!

Штольцъ слушалъ внимательно, навостривъ уши.

— А руки-то у нея были бѣлыя, продолжалъ, значительно-отуманенный виномъ, Обломовъ:—поцѣловать не грѣхъ! Теперь стали жестки, потому-что все сама! Сама

крахмалитъ мнѣ рубашки! съ чувствомъ, почти со слезами, произнесъ Обломовъ:—Ей-Богу, такъ, я самъ видѣлъ. За другимъ жена такъ не смотритъ—ей-Богу! Славная баба Агафья Матвѣевна! Эхъ, Андрей! Переѣзжай-ко сюда съ Ольгой Сергѣевной, найми здѣсь дачу: то-то бы зажили! Въ рощѣ чай бы стали пить, въ ильинскую пятницу на Пороховые бы заводы пошли, за нами бы телега съ припасами да съ самоваромъ ѣхала. Тамъ, на травѣ, на коврѣ легли бы! Агафья Матвѣевна выучила бы и Ольгу Сергѣевну хозяйничать, право выучила бы. Теперь вотъ только плохо пошло: братъ переѣхалъ; а еслибъ *намъ* дали три-четыре тысячи, я бы тебѣ такихъ индѣекъ наставилъ тутъ...

— Ты получаешь пять отъ меня! сказалъ вдругъ Штольцъ:—Ку́да жь ты ихъ дѣваешь?

— А долгъ? вдругъ вырвалось у Обломова.

Штольцъ вскочилъ съ мѣста.

— Долгъ? повторилъ онъ:—Какой долгъ?

И онъ, какъ грозный учитель, глядѣлъ на прячущагося ребенка.

Обломовъ вдругъ замолчалъ. Штольцъ пересѣлъ къ нему на диванъ.

— Кому ты долженъ? спросилъ онъ.

Обломовъ немного отрезвился и опомнился.

— Никому, я совралъ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ты вотъ теперь лжешь, да неискусно. Что у тебя? Что съ тобой, Илья? А! Такъ вотъ что значитъ баранина, кислое вино! У тебя денегъ нѣтъ! Куда жь ты дѣваешь?

— Я точно долженъ... немного, хозяйкѣ за припасы... говорилъ Обломовъ.

— За баранину и за языкъ! Илья, говори что у тебя дѣлается? Что это за исторія: братъ переѣхалъ, хозяйство пошло плохо... Тутъ что то не ловко. Сколько ты долженъ?

— Десять тысячъ, по заемному письму... прошепталъ Обломовъ. Штольцъ вскочилъ и опять сѣлъ.

— Десять тысячъ? Хозяйкѣ? За припасы повторилъ? онъ съ ужасомъ.

— Да, много забирали; я жилъ очень широко... Помнишь, ананасы, да персики... вотъ я задолжалъ... бормоталъ Обломовъ.—Да что объ этомъ?

— Штольцъ не отвѣчалъ ему. Онъ соображалъ: „братъ переѣхалъ, хозяйство пошло плохо — и точно оно такъ: все смотритъ голо, бѣдно, грязно! Что жъ хозяйка за женщина? Обломовъ хвалитъ ее! она смотритъ за нимъ; онъ говоритъ о ней съ жаромъ...“

Вдругъ Штольцъ измѣнился въ лицѣ, поймавъ истину. На него пахнуло холодомъ.

— Илья! спросилъ онъ:—Эта женщина... что она тебѣ?.. Но Обломовъ положилъ голову на столъ и задремалъ.

„Она его грабитъ, тащитъ съ него все... это вседневная исторія, а я до сихъ поръ не догадался!“ думалъ онъ.

Штольцъ всталъ и быстро отворилъ дверь къ хозяйкѣ, такъ-что та, увидя его, съ испугу выронила ложечку изъ рукъ, которою мѣшала кофе.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, вѣжливо сказалъ онъ.

— Пожалуйте въ гостиную, я сейчасъ приду, отвѣчала она робко.

И, накинувъ на шею косынку, вошла въ слѣдъ за нимъ въ гостиную и сѣла на кончикѣ дивана. Шали ужь не было на ней и она старалась прятать руки подъ косынку.

— Илья Ильичъ далъ вамъ заемное письмо? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, съ тупымъ взглядомъ удивленія отвѣчала она: —они мнѣ никакого письма не давали.

— Какъ никакого?

— Я никакого письма не видала! твердила она съ тѣмъ же тупымъ удивленіемъ...

— Заемное письмо! повторилъ Штольцъ.

Она подумала немного.

— Вы бы поговорили съ братцемъ, сказала она: — а я никакого письма не видала.

„Что она, дура, или плутовка?“ подумалъ Штольцъ.

— Но онъ долженъ вамъ? спросилъ онъ.

Она поглядѣла на него тупо, потомъ вдругъ лицо у ней осмыслилось, даже выразило тревогу. Она вспомнила о заложенномъ жемчугѣ, о серебрѣ, о салопѣ, и вообразила, что Штольцъ намекаетъ на этотъ долгъ; только никакъ не могла понять, какъ узнали объ этомъ, она ни слова не проронила, не только Обломову объ этой тайнѣ, даже Анисьѣ, которой отдавала отчетъ въ каждой копейкѣ.

— Сколько онъ вамъ долженъ? съ безпокойствомъ спрашивалъ Штольцъ.

— Ничего не должны! Ни копеечки!

„Скрываетъ передо мной, стыдится, жадная тварь, ростовщица!“ думалъ онъ: „Но я доберусь“.

— А десять тысячъ? сказалъ онъ.

— Какія десять тысячъ? въ тревожномъ удивленіи спросила она.

— Илья Ильичъ вамъ долженъ десять тысячъ по заемному письму—да или нѣтъ? спросилъ онъ.

— Они ничего не должны. Были должны постомъ мяснику двѣнадцать съ полтиной, такъ еще на третьей недѣлѣ отдали; за сливки молочницѣ тоже заплатили—они ничего не должны.

— Развѣ документа у васъ на него нѣтъ?

Она тупо поглядѣла на него.

— Вы бы съ братцемъ поговорили, отвѣчала она:—они живутъ черезъ улицу, въ домѣ Замыкалова, вотъ здѣсь; еще погребъ въ домѣ есть.

— Нѣтъ, позвольте переговорить съ вами, рѣшительно сказалъ онъ.—Илья Ильичъ считаетъ себя должнымъ вамъ, а не братцу...

— Они мнѣ не должны, отвѣчала она:—а что я закладывала серебро, *земчугъ* и мѣхъ, такъ это я для себя закладывала. Машѣ и себѣ башмаки купила, Ванюшѣ на рубашки, да въ зеленныя лавки отдала. А на Илью Ильича ни копеечки не пошло.

Онъ смотрѣлъ на нее, слушалъ и вникалъ въ смыслъ ея словъ. Онъ одинъ, кажется, былъ близокъ къ разгадкѣ тайны Агафьи Матвѣевны, и взглядъ пренебреженія, почти презрѣнія, который онъ кидалъ на нее, говоря съ ней, невольно смѣнился взглядомъ любопытства, даже участія.

Въ закладѣ жемчуга, серебра, онъ вполовину, смутно прочелъ тайну жертвъ, и только не могъ рѣшить, приносились ли онѣ чистою преданностью, или въ надеждѣ какихъ нибудь будущихъ благъ.

Онъ не зналъ печалиться ли ему, или радоваться за Илью. Открылось явно, что онъ не долженъ ей, что этотъ долгъ есть какая-то мошенническая продѣлка ея братца, но за то открывалось многое другое... Что значатъ эти заклады серебра, жемчугу?

— Такъ вы не имѣете претензій на Ильѣ Ильичѣ? спросилъ онъ.

— Вы потрудитесь съ братцемъ поговорить, отвѣчала она монотонно:—теперь они должны быть дома.

— Вамъ не долженъ Илья Ильичъ, говорите вы?

— Ни копеечки, ей-Богу, правда! божилась она, глядя на образъ и крестясь.

— Вы это подтвердите при свидѣтеляхъ?

— При всѣхъ, хоть на исповѣди!—А что *земчугъ* и серебро я заложила, такъ это на свои расходы...

— Очень хорошо! перебилъ ее Штольцъ: — Завтра я

побываю у васъ съ двумя моими знакомыми, и вы не откажетесь сказать при нихъ то же самое?

— Вы бы лучше съ братцемъ переговорили, повторяла она:—а то я одѣта-то не такъ... все на кухнѣ, нехорошо, какъ чужіе увидятъ: осудятъ.

— Ничего, ничего; а съ братцемъ вашимъ я увижусь завтра же, послѣ того, какъ вы подпишете бумагу...

— Писать-то я отвыкла совсѣмъ.

— Да тутъ немного нужно написать, всего двѣ строки.

— Нѣтъ, ужь увольте; пусть вотъ лучше Ванюша бы написалъ: онъ чисто пишетъ...

— Нѣтъ, вы не отказывайтесь, настаивалъ онъ:—если вы не подпишете бумаги, то это значитъ, что Илья Ильичъ долженъ вамъ десять тысячъ.

— Нѣтъ, они не должны ничего, ни копеечки, твердила она:—ей-Богу!

— Въ такомъ случаѣ вы должны подписать бумагу. Прощайте, до завтра.

— Завтра бы вы лучше къ братцу зашли... говорила она, провожая его:—вонъ тутъ, на углу, черезъ улицу.

— Нѣтъ, и васъ прошу братцу до меня ничего не говорить, иначе Ильѣ Ильичу будетъ очень непріятно...

— Такъ я не скажу имъ ничего! послушно сказала она.

VII.

На другой день Агафья Матвѣевна дала Штольцу свидѣтельство, что она никакой денежной претензіи на Обломова не имѣетъ. Съ этимъ свидѣтельствомъ Штольцъ внезапно явился передъ братцемъ.

Это было истиннымъ громовымъ ударомъ для Ивана Матвѣевича. Онъ вынулъ документъ и показалъ трепещущимъ среднимъ пальцемъ правой руки, ногтемъ внизъ, на подпись Обломова и на засвидѣтельствованіе маклера.

— Законъ-съ, сказалъ онъ:—мое дѣло сторона; я только соблюдая интересы сестры, а какія деньги брали Илья Ильичъ, мнѣ неизвѣстно.

— Этимъ не кончится ваше дѣло, погрозилъ ему, уѣзжая Штольцъ.

Законное дѣло-съ, а я въ сторонѣ! оправдывался Иванъ Матвѣевичъ, пряча руки въ рукава.

— На другой день только что онъ пришелъ въ присутствіе, явился курьеръ отъ генерала, который немедленно требовалъ его къ себѣ.

— Къ генералу! съ ужасомъ повторило все присутствіе: —Зачѣмъ? Что такое? Не требуетъ ли дѣла какого нибудь? Какое именно? Скорѣй, скорѣй! Подшивать дѣла, дѣлать описи! Что такое?

Вечеромъ Иванъ Матвѣевичъ пришелъ въ „заведеніе“ самъ не свой. Тарантьевъ уже давно ждалъ его тамъ.

— Что, кумъ? спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— Что! монотонно произнесъ Иванъ Матвѣевичъ: — А какъ ты думаешь, что!

— Обругали, что ли?

— Обругали! передразнилъ его Иванъ Матвѣевичъ: — Лучше бы прибили! А ты хорошъ! упрекнулъ онъ: — Не сказалъ, что это за нѣмецъ такой!

— Вѣдь я говорилъ тебѣ, что продувной!

— Это что: продувной! Видали мы продувныхъ! Зачѣмъ ты не сказалъ, что онъ въ силѣ? Они съ генераломъ другъ другу *ты* говорятъ, вотъ какъ мы съ тобой. Сталъ бы я связываться съ этакимъ, еслибъ зналъ!

— Да вѣдь законное дѣло! возразилъ Тарантьевъ.

— Законное дѣло! опять передразнилъ его Мухояровъ:— Поди-ко скажи тамъ: языкъ прильпне къ гортани. Ты знаешь, что генералъ спросилъ меня?

— Что? съ любопытствомъ спросилъ Тарантьевъ.

— „Правдали, что вы, съ какимъ-то негодяемъ, напоили помѣщика Обломова пьянымъ и заставили подписать заемное письмо на имя вашей сестры?“

— Такъ и сказалъ: „съ негодяемъ?“ спросилъ Тарантьевъ.

— Да, такъ и сказалъ...

— Кто же это такой негодяй-то, спросилъ опять Тарантьевъ.

Кумъ поглядѣлъ на него.

— Небойсь, не знаешь? желчно сказалъ онъ.—Нешто не ты?

— Меня-то какъ припутали?

— Скажи спасибо нѣмцу, да своему земляку. Нѣмецъ-то все пронюхалъ, выспросилъ...

— Ты бы, кумъ, на другаго показалъ, а про меня бы сказалъ, что меня тутъ не было!

— Вона! Ты что за святой! сказалъ кумъ.

— Что жь ты отвѣчалъ, когда генералъ спросилъ: „правда ли, что вы тамъ, съ какимъ-то негодяемъ?...“ Вотъ тутъ-то бы и обойти его.

— Обойти? Обойдешь, поди-ко! Глаза какіе-то зеленые! Силился, силился, хотѣлъ выговорить: „Неправда-молъ, клевета, ваше превосходительство, никакого Обломова и знать не знаю: это все Тарантьевъ!..“ да съ языка нейдетъ; только палъ предъ стопы его.

— Что жь они, дѣло, что ли, хотятъ затѣвать? глухо спросилъ Тарантьевъ. — Я вѣдь въ сторонѣ; вотъ ты, кумъ...

— Въ сторонѣ! Ты въ сторонѣ? Нѣтъ, кумъ, ужь если въ петлю лѣзть, такъ тебѣ первому: кто уговаривалъ Обломова пить-то? Кто срамилъ, грозилъ?...

— Ты же научилъ, говорилъ Тарантьевъ.

— А ты несовершеннолѣтній, что ли? Я знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Это, кумъ, безсовѣстно! Сколько черезъ меня перепало тебѣ, а мнѣ-то всего триста рублей досталось...

— Что жь, одному все взять на себя? Экой ты какой ловкій! Нѣтъ, я знать ничего не знаю, говорилъ онъ:— а меня просила сестра, по женскому незнанію дѣла, заявить письмо у маклера — вотъ и все. Ты и Затертый были свидѣтелями, вы и въ отвѣтѣ?

— Ты бы сестру-то хорошенько: какъ она смѣла противъ брата идти? сказалъ Тарантьевъ.

— Сестра—дура: что съ ней будешь дѣлать?

— Что она?

— Что? Плачетъ, а сама стоитъ на своемъ „недолженъ, дескать, Илья Ильичъ, да и только, и денегъ она никакихъ ему не давала“.

— У тебя за-то есть письмо на нее, сказалъ Тарантьевъ:— ты не потеряешь своего...

Мухояровъ вынулъ изъ кармана заемное письмо на сестру, разорвалъ его на части и подалъ Тарантьеву.

— На, вотъ, я тебѣ подарю, не хочешь ли? прибавилъ онъ.—Что съ нея взять? Домъ, что ли, съ огородишкомъ? И тысячи не дадутъ: онъ весь разваливается. Да что я, нехристь, что ли какой? По міру ее пустить съ ребятишками?

— Стало, слѣдствіе начнется? робко спросилъ Тарантьевъ: — Вотъ тутъ-то, кумъ, отдѣлаться бы подешевле: ты ужь, братъ, выручи!

— Какое слѣдствіе? Никакого слѣдствія не будетъ! Генералъ-было погрозилъ выслать изъ города, да нѣмецъ-то вступился, не хочетъ срамить Обломова.

— Что ты, кумъ! Какъ гора съ плечъ! Выпьемъ! сказалъ Тарантьевъ.

— Выпьемъ? Изъ какихъ это доходовъ? На твои что-ль?

— А твои? Сегодня, поди, цѣлковыхъ семь забралъ!

— Что-ъ! Прощай доходы: что генералъ-то сказалъ, я не договорилъ.

— А что? вдругъ опять, струсивъ, спросилъ Тарантьевъ.

— Въ отставку велѣлъ подать.

— Что ты, кумъ! выпуча на него глаза, сказалъ Тарантьевъ.—Ну, заключилъ онъ съ яростью: — теперь обругаю же я земляка на чемъ свѣтъ стоитъ!

— Только бы тебѣ ругаться!

— Нѣтъ, ужь обругаю, какъ ты хочешь! говорилъ Тарантьевъ. — А впрочемъ, правда, лучше погожу; вотъ, что я вздумалъ; слушай-ко, кумъ!

— Что еще? повторилъ, въ раздумьѣ, Иванъ Матвѣевичъ.

— Можно тутъ хорошее дѣло сдѣлать. Жаль только, что ты съѣхалъ съ квартиры...

— А что?

— Что! говорилъ онъ, глядя на Ивана Матвѣевича:— Подсматривать за Обломовымъ, да за сестрой, какіе они тамъ пироги пекутъ, да и того... свидѣтелей! Такъ тутъ и нѣмецъ ничего не сдѣлаетъ. А ты теперь вольный казакъ: затѣешь слѣдствіе — законное дѣло! Небойсь и нѣмецъ струситъ, на мировую пойдетъ.

— А что, въ-самомъ-дѣлѣ, можно! отвѣчалъ Мухояровъ задумчиво. — Ты неглупъ на выдумки, только въ дѣло не годишься, и Затертый тоже. Да я найду, постой! говорилъ онъ, оживляясь.—Я имъ дамъ! Я кухарку свою на кухню къ сестрѣ подошлю: она подружится съ Анисьей, все вывѣдаетъ, а тамъ... Выпьемъ, кумъ!

— Выпьемъ! повторилъ Тарантьевъ.—А потомъ ужь я обругаю земляка!

Штольцъ попытался увезти Обломова, но тотъ просилъ оставить его только на мѣсяцъ, такъ просилъ, что Штольцъ не могъ не сжалиться. Ему нуженъ былъ этотъ мѣсяцъ, по словамъ его, чтобъ кончить всѣ разсчеты, сдать квартиру и такъ уладить дѣла съ Петербургомъ, чтобъ ужь болѣе туда не возвращаться. Потомъ нужно было закупить все для уборки деревенскаго дома; наконецъ, онъ хотѣлъ пріискать себѣ хорошую экономку, въ родѣ Агафьи Матвѣевны, даже не отчаявался уговорить и ее продать домъ и переселиться въ деревню, на достойное ея поприще—сложнаго и обширнаго хозяйства.

— Кстати о хозяйкѣ, перебилъ его Штольцъ:—я хотѣлъ тебя спросить, Илья, въ какихъ ты отношеніяхъ къ ней...

Обломовъ вдругъ покраснѣлъ.

— Что ты хочешь сказать? торопливо спросилъ онъ.

— Ты очень хорошо знаешь, замѣтилъ Штольцъ; — иначе бы не отчего было краснѣть. Послушай, Илья, если тутъ предостереженіе можетъ что-нибудь сдѣлать, то я всей дружбой нашей прошу, будь остороженъ...

— Въ чемъ? Помилуй! защищался смущенный Обломовъ.

— Ты говорилъ о ней съ такимъ жаромъ, что, право, я начинаю думать, что ты ее...

— Любишь, что ли, хочешь ты сказать! Помилуй! перебилъ Обломовъ съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Такъ еще хуже, если тутъ нѣтъ никакой нравственной искры, если это только...

— Андрей! Развѣ ты зналъ меня безнравственнымъ человѣкомъ?

— Отчего жь ты покраснѣлъ?

— Оттого, что ты могъ допустить такую мысль.

Штольцъ покачалъ съ сомнѣніемъ головой.

— Смотри, Илья, не упади въ яму. Простая баба;

грязный бытъ, удушливая сфера тупоумія, грубость—фи!..

Обломовъ молчалъ.

— Ну, прощай, заключилъ Штольцъ:—такъ я скажу Ольгѣ, что лѣтомъ мы увидимъ тебя, если не у насъ, такъ въ Обломовкѣ. Помни: она не отстанетъ!

— Непремѣнно, непремѣнно, увѣрительно отвѣчалъ Обломовъ: — даже прибавь, что если она позволитъ, я зиму проведу у васъ.

— То-то бы обрадовалъ!

Штольцъ уѣхалъ въ тотъ же день, а вечеромъ къ Обломову явился Тарантьевъ. Онъ не утерпѣлъ, чтобъ не обругать его хорошенько за кума. Онъ не взялъ одного въ разсчетъ, что Обломовъ, въ обществѣ Ильинскихъ, отвыкъ отъ подобныхъ ему явленій, и что апатія и снисхожденіе къ грубости и наглости замѣнились отвращеніемъ. Это-бы ужь обнаружилось давно, и даже проявилось отчасти, когда Обломовъ жилъ еще на дачѣ, но съ тѣхъ-поръ Тарантьевъ посѣщалъ его рѣже и притомъ бывалъ при другихъ и столкновеній между ними не было.

— Здорово землякъ! злобно сказалъ Тарантьевъ, не протягивая руки.

— Здравствуй! холодно отвѣчалъ Обломовъ, глядя въ окно.

— Что, проводилъ своего благодѣтеля?

— Проводилъ. Что же?

— Хорошъ благодѣтель! ядовито продолжалъ Тарантьевъ.

— А что, тебѣ не нравится?

— Да я бы его повѣсилъ! съ ненавистью прохрипѣлъ Тарантьевъ.

— Вотъ какъ!

— И тебя бы на одну осину!

— За что такъ.

— Дѣлай честно дѣла: если долженъ, такъ плати, не увертывайся. Что ты теперь надѣлалъ?

— Послушай, Михей Андреичъ, уволь меня отъ своихъ сказокъ; долго я, по лѣности, по безпечности, слушалъ тебя: я думалъ, что у тебя есть хоть капля совѣсти, а ея нѣтъ. Ты съ пройдохой хотѣлъ обмануть меня: кто изъ васъ хуже—не знаю, только оба вы гадки мнѣ. Другъ выручилъ меня изъ этого глупаго дѣла...

— Хорошъ другъ! говорилъ Тарантьевъ:—Я слышалъ, онъ и невѣсту у тебя поддѣлъ; благодѣтель, нечего сказать! Ну, братъ, дуракъ ты, землякъ...

— Пожалуйста, оставь эти нѣжности! остановилъ его Обломовъ.

— Нѣтъ, не оставлю! Ты меня не хотѣлъ знать, ты неблагодарный! Я пристроилъ тебя здѣсь, нашелъ женщину-кладъ. Покой, удобство всякое—все доставилъ тебѣ, облагодѣтельствовалъ кругомъ, а ты и рыло отворотилъ. Благодѣтеля нашелъ: нѣмца! На аренду имѣніе взялъ; вотъ, погоди: онъ тебя облупитъ, еще акцій надаетъ. Ужь пуститъ по-міру, помяни мое слово! Дуракъ, говорю тебѣ, да мало дуракъ, еще и скотъ въ добавокъ, неблагодарный!

— Тарантьевъ! грозно крикнулъ Обломовъ.

— Что кричишь-то? Я самъ закричу на весь міръ, что ты дуракъ, скотина! кричалъ Тарантьевъ: — Я и Иванъ Матвѣичъ ухаживали за тобой, берегли, словно крѣпостные служили тебѣ, на цыпочкахъ ходили, въ глаза смотрѣли, а ты обнесъ его передъ начальствомъ: теперь онъ безъ мѣста и безъ куска хлѣба! Это низко, гнусно! Ты долженъ теперь отдать ему половину состоянія; давай вексель на его имя: ты теперь не пьянъ, въ своемъ умѣ, давай, говорю тебѣ, я безъ того не выйду...

— Что вы, Михей Андреичъ, кричите такъ? сказали хозяйка и Анисья, выглянувъ изъ-за дверей: — Двое прохожихъ остановились, слушаютъ, что за крикъ...

— Буду кричать, вопилъ Тарантьевъ:—пусть срамится этотъ олухъ! Пусть обдуетъ тебя этотъ мошенникъ нѣмецъ, благо онъ теперь стакнулся съ твоей любовницей...

Въ комнатѣ раздалась громкая оплеуха. Пораженный Обломовымъ въ щеку, Тарантьевъ мгновенно смолкъ, опустился на стулъ и, въ изумленіи, ворочалъ вокругъ одурѣвшими глазами.

— Что это? Что это—а? Что это! блѣдный, задыхаясь, говорилъ онъ, держась за щеку: — Безчестье? Ты заплатишь мнѣ за это! Сейчасъ просьбу генералъ- губернатору: вы видѣли?

— Мы ничего не видали! сказали обѣ женщины въ одинъ голосъ.

— А! Здѣсь заговоръ, здѣсь разбойничій притонъ! Шайка мошенниковъ! Грабятъ, убиваютъ...

— Вонъ, мерзавецъ! закричалъ Обломовъ, блѣдный, трясясь отъ ярости:—Сію минуту, чтобъ нога твоя здѣсь не была, или я убью тебя, какъ собаку!

Онъ искалъ глазами палки.

— Батюшки! Разбой! Помогите! кричалъ Тарантьевъ.

— Захаръ! Выбрось вонъ этого негодяя, и чтобъ онъ не смѣлъ глазъ казать сюда! закричалъ Обломовъ.

— Пожалуйте, вотъ вамъ Богъ, а вотъ двери! говорилъ Захаръ, показывая на образъ и на дверь.

— Я не къ тебѣ пришелъ, я къ кумѣ, вопилъ Тарантьевъ.

— Богъ съ вами! Мнѣ васъ не надо, Михей Андреичъ, сказала Агафья Матвѣевна:—вы къ братцу ходили, а не ко мнѣ! Вы мнѣ хуже горькой рѣдьки. Опиваете, объѣдаете, да еще лаетесь.

— А! такъ-то, кума! Хорошо, вотъ братъ дастъ вамъ знать! А ты заплатишь мнѣ за безчестье! Гдѣ моя шляпа?

Чортъ съ вами! Разбойники, душегубцы! кричалъ онъ, идучи по двору:—Заплатишь мнѣ за безчестье!

Собака скакала на цѣпи и заливалась лаемъ.

Послѣ этого Тарантьевъ и Обломовъ не видались болѣе.

VIII.

Штольцъ не пріѣзжалъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ. Онъ однажды только заглянулъ на короткое время въ имѣніе Ольги и въ Обломовку. Илья Ильичъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ Андрей уговаривалъ его самого ѣхать въ деревню и взять въ свои руки приведенное въ порядокъ имѣніе, а самъ съ Ольгой Сергѣевной уѣзжалъ на южный берегъ Крыма, для двухъ цѣлей: по дѣламъ своимъ въ Одессѣ и для здоровья жены, разстроеннаго послѣ родовъ.

Они поселились въ тихомъ уголкѣ, на морскомъ берегу. Скроменъ и невеликъ былъ ихъ домъ. Внутреннее устройство его имѣло также свой стиль, какъ наружная архитектура, какъ все убранство носило печать мысли и личнаго вкуса хозяевъ. Много сами они привезли съ собой взякаго добра, много присылали имъ изъ Россіи и изъ-за границы тюковъ, чемодановъ, возовъ.

Любитель комфорта, можетъ-быть, пожалъ бы плечами, взглянувъ на всю наружную разнорядицу мебели, ветхихъ картинъ, статуй съ отломанными руками и ногами, иногда плохихъ, но дорогихъ по воспоминанію гравюръ, мелочей. Развѣ глаза знатока загорѣлись бы не разъ огнемъ жадности при взглядѣ на ту или другую картину, на какую-нибудь пожелтѣвшую отъ времени книгу, на старый фарфоръ, или камни и монеты.

Но среди этой разновѣковой мебели, картинъ, среди не имѣющихъ ни для кого значенія, но отмѣченныхъ для нихъ

обоихъ счастливымъ часомъ, памятной минутой, мелочей, въ океанѣ книгъ и нотъ, вѣяло теплой жизнью, чемъ-то раздражающимъ умъ и эстетическое чувство; вездѣ присутствовала или недремляющая мысль, или сіяла красота человѣческаго дѣла, какъ кругомъ сіяла вѣчная красота природы.

Здѣсь же нашла мѣсто и высокая конторка, какая была у отца Андрея, замшевыя перчатки; висѣлъ въ углу и клеенчатый плащъ около шкапа съ минералами, раковинами, чучелами птицъ, съ образцами разныхъ глинъ, товаровъ и прочаго. Среди всего, на почетномъ мѣстѣ, блисталъ, въ золотѣ съ инкрустаціей, флигель Эрара.

Сѣть изъ винограда, плющей и митровъ покрывала коттеджъ сверху до низу. Съ галереи видно было море, съ другой стороны—дорога въ городъ.

Тамъ караулила Ольга Андрея, когда онъ уѣзжалъ изъ дома по дѣламъ, и, завидя ето, спускалась внизъ, пробѣгала великолѣпный цвѣтникъ, длинную тополевую аллею и бросалась на грудь къ мужу, всегда съ пылающими отъ радости щеками, съ блещущимъ взглядомъ, всегда съ одинакимъ жаромъ нетерпѣливаго счастья, не смотря на то, что уже пошелъ не первый и не второй годъ ея замужества.

Штольцъ смотрѣлъ на любовь и на женитьбу, можетъ-быть, оригинально, преувеличенно, но, во всякомъ случаѣ, самостоятельно. И здѣсь онъ пошелъ свободнымъ и, какъ казалось ему, простымъ путемъ; но какую трудную школу, наблюденія, терпѣнія, труда выдержалъ онъ, пока выучился дѣлать эти „простые шаги“!

Отъ отца своего онъ перенялъ смотрѣть на все въ жизни, даже на мелочи, не шутя; можетъ-быть, перенялъ бы отъ него и педантическую строгость, которою нѣмцы сопрово-

ждаютъ взглядъ свой, каждый шагъ въ жизни, въ томъ числѣ и супружество.

Какъ таблица на каменной скрижали, была начертана открыто всѣмъ и каждому жизнь стараго Штольца и подъ ней больше подразумѣвать было нечего. Но мать, своими пѣснями и нѣжнымъ шопотомъ, потомъ княжескій разнохарактерный домъ, далѣе университетъ, книги и свѣтъ— все это отводило Андрея отъ прямой, начертанной отцомъ колеи; русская жизнь рисовала свои невидимые узоры и изъ безцвѣтной таблицы дѣлала яркую, широкую картину.

Андрей не налагалъ педантическихъ оковъ на чувства и даже давалъ законную свободу, стараясь только не терять „почвы изъ-подъ ногъ“, задумчивымъ мечтамъ, хотя, отрезвляясь отъ нихъ, по нѣмецкой своей натурѣ, или почему-нибудь другому, не могъ удержаться отъ вывода и выносилъ какую нибудь жизненную замѣтку.

Онъ былъ бодръ тѣломъ, потому-что былъ бодръ умомъ. Онъ былъ рѣзвъ, шаловливъ въ отрочествѣ, а когда не шалилъ, то занимался, подъ надзоромъ отца, дѣломъ. Нѣкогда было ему расплываться въ мечтахъ. Не растлѣлось у него воображеніе, не испортилось сердце: чистоту и дѣвственность того и другаго зорко берегла мать.

Юношей, онъ инстинктивно берегъ свѣжесть силъ своихъ, потомъ сталъ рано уже открывать, что эта свѣжесть рождаетъ бодрость и веселость, образуетъ ту мужественность, въ которой должна быть закалена душа, чтобъ не блѣднѣть передъ жизнью, какова бы она ни была, смотрѣть на нее, не какъ на тяжкое иго, крестъ, а только какъ на долгъ, и достойно вынести битву съ ней.

Много мыслительной заботы посвятилъ онъ и сердцу, и его мудренымъ законамъ. Наблюдая сознательно и безсознательно отраженіе красоты на воображеніе, потомъ переходъ впечатлѣнія въ чувство, его симптомы, игру, исходъ,

и, глядя вокругъ себя, подвигаясь въ жизнь, онъ выработалъ себѣ убѣжденіе, что любовь, съ силою архимедова рычага, движетъ міромъ; что въ ней лежитъ столько всеобщей, неопровержимой истины и блага, сколько лжи и безобразія въ ея непониманіи и злоупотребленіи. Гдѣ же благо? Гдѣ зло? Гдѣ граница между ними?

При вопросѣ: гдѣ ложь? въ воображеніи его потянулись пестрыя маски настоящаго и минувшаго времени. Онъ съ улыбкой, то краснѣя, то нахмурившись, глядѣлъ на безконечную вереницу героевъ и героинь любви: на донъ-Кихотовъ, въ стальныхъ перчаткахъ, на дамъ ихъ мыслей, съ пятидесятилѣтнею взаимною вѣрностью въ разлукѣ; на пастушковъ, съ румяными лицами и простодушными глазами на выкатѣ, и на ихъ Хлой, съ барашками.

Являлись передъ нимъ напудренные маркизы, въ кружевахъ, съ мерцающими умомъ глазами и съ развратной улыбкой; потомъ застрѣлившіеся, повѣсившіеся и удавившіеся Вертеры; далѣе увядшія дѣвы, съ вѣчными слезами любви, съ монастыремъ, и усатыя лица недавнихъ героевъ, съ буйнымъ огнемъ въ глазахъ, наивные и сознательные дон-Жуаны, и умники, трепещущіе подозрѣнія въ любви и втайнѣ обожающіе своихъ ключницъ... всѣ, всѣ!

При вопросѣ: гдѣ же истина? онъ искалъ и вдалекѣ и вблизи, въ воображеніи и глазами, примѣровъ простаго, честнаго, но глубокаго и неразрывнаго сближенія съ женщиной, и не находилъ; если, казалось, и находилъ, то это только казалось, потомъ приходилось разочаровываться, и онъ грустно задумывался и даже отчаявался.

„Видно не дано этого блага во всей его полнотѣ“ думалъ онъ: „или тѣ сердца, которыя озарены свѣтомъ такой любви, застѣнчивы: они робѣютъ и прячутся, не стараясь оспаривать умниковъ; можетъ быть, жалѣютъ ихъ, прощаютъ имъ во имя своего счастья, что тѣ топчутъ въ грязь

цвѣтокъ, за неимѣніемъ почвы, гдѣ бы онъ могъ глубоко пустить корни и вырости въ такое дерево, которое бы осѣнило всю жизнь".

Глядѣлъ онъ на браки, на мужей, и въ ихъ отношеніяхъ къ женамъ всегда видѣлъ сфинкса съ его загадкой, все будто что-то непонятое, недосказанное; а между тѣмъ эти мужья не задумываются надъ мудреными вопросами, идутъ по брачной дорогѣ такимъ ровнымъ, сознательнымъ шагомъ какъ будто нечего имъ рѣшать и искать.

„Не правы ли они? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ больше ничего не нужно", съ недовѣрчивостью къ себѣ, думалъ онъ, глядя, какъ одни быстро проходятъ любовь какъ азбуку супружества или какъ форму вѣжливости, точно отдали поклонъ, входя въ общество, и—скорѣй за дѣло!

Они нетерпѣливо сбываютъ съ плечъ весну жизни; многіе даже косятся потомъ весь вѣкъ на женъ своихъ, какъ будто досадуя за то, что когда-то имѣли глупость любить ихъ.

Другихъ любовь не покидаетъ долго, иногда до старости, но ихъ не покидаетъ никогда и улыбка сатира...

Наконецъ, большая часть вступаетъ въ бракъ, какъ берутъ имѣніе, наслаждаются его существенными выгодами: жена вноситъ лучшій порядокъ въ домъ—она хозяйка, мать, наставница дѣтей; а на любовь смотрятъ, какъ практическій хозяинъ смотритъ на мѣстоположеніе имѣнія, то-есть съ разу привыкаетъ и потомъ не замѣчаетъ его никогда.

— Что же это: врожденная неспособность вслѣдствіе законовъ природы, говорилъ онъ:—или недостатокъ подготовки, воспитанія?.. Гдѣ же эта симпатія, не теряющая никогда естественной прелести, не одѣвающаяся въ шутовскій нарядъ, видоизмѣняющаяся, но не гаснущая? Ка-

кой естественный цвѣтъ и краски этого разлитаго повсюду и всенаполняющаго собой блага, этого сока жизни?

Онъ пророчески вглядывался въ даль и тамъ, какъ въ туманѣ, появлялся ему образъ чувства, а съ нимъ и женщины, одѣтой его цвѣтомъ и сіяющей его красками, образъ такой простой, но свѣтлый, чистый.

— Мечта! мечта! говорилъ онъ, отрезвляясь, съ улыбкой, отъ празднаго раздраженія мысли. Но очеркъ этой мечты противъ воли жилъ въ его памяти.

Сначала ему снилась въ этомъ образѣ будущность женщины вообще; когда же онъ увидѣлъ, потомъ, въ выросшей и созрѣвшей Ольгѣ, не только роскошь расцвѣтшей красоты, но и силу, готовую на жизнь и жаждущую разумѣнія и борьбы съ жизнью, всѣ задатки его мечты, въ немъ возникъ давнишній, почти забытый имъ образъ любви и стала сниться въ этомъ образѣ Ольга, и далеко впереди казалось ему, что въ симпатіи ихъ возможна истина—безъ шутовскаго наряда и безъ злоупотребленій.

Не играя вопросомъ о любви и бракѣ, не путая въ него никакихъ другихъ разсчетовъ, денегъ, связей, мѣстъ, Штольцъ, однакожь, задумывался о томъ, какъ примирится его внѣшняя, до-сихъ-поръ неутомимая дѣятельность съ внутреннею, семейною жизнью, какъ изъ-туриста, негоціанта, онъ превратится въ семейнаго домосѣда? Если онъ успокоится отъ этой внѣшней бѣготни, чѣмъ наполнится его жизнь въ домашнемъ быту? Воспитаніе, образованіе дѣтей, направленіе ихъ жизни, конечно, не легкая и не пустая задача, но до нея еще далеко, а до тѣхъ-поръ что же онъ будетъ дѣлать?

Эти вопросы давно и часто тревожили его, и онъ не тяготился холостою жизнью; не приходило ему въ голову, какъ только забьется его сердце, почуя близость красоты, надѣть на себя брачныя цѣпи. Оттого онъ какъ-будто пре-

небрегалъ даже Ольгой-дѣвицей, любовался только ею, какъ милымъ ребенкомъ, подающимъ большія надежды; шутя, мимоходомъ, забрасывалъ ей въ жадный и воспріимчивый умъ новую, смѣлую мысль, меткое наблюденіе надъ жизнью, и продолжалъ въ ея душѣ, не думая и не гадая, живое пониманіе явленій, вѣрный взглядъ, а потомъ забывалъ и Ольгу, и свои небрежные уроки.

А по-временамъ, видя, что въ ней мелькаютъ не совсѣмъ обыкновенныя черты ума, взгляды, что нѣтъ въ ней лжи, не ищетъ она общаго поклоненія, что чувства въ ней приходятъ и уходятъ просто и свободно, что нѣтъ ничего чужаго, а все свое, и это свое такъ смѣло, свѣжо и прочно—онъ недоумѣвалъ, откуда далось ей это, не узнавалъ своихъ летучихъ уроковъ и замѣтокъ.

Останови онъ тогда вниманіе на ней, онъ бы сообразилъ, что она идетъ почти одна своей дорогой, оберегаемая поверхностнымъ надзоромъ тетки отъ крайностей, но что не тяготѣютъ надъ ней, многочисленной опекой, авторитеты семи нянекъ, бабушекъ, тетокъ, съ преданіями рода, фамиліи, сословія, устарѣвшихъ нравовъ, обычаевъ, сентенцій; что не ведутъ ея насильно по избитой дорожкѣ, что она идетъ по новой тропѣ, по которой ей приходилось пробивать свою колею собственнымъ умомъ, взглядомъ, чувствомъ.

А природа ее ничѣмъ этимъ не обидѣла; тетка не управляетъ деспотически ея волей и умомъ, и Ольга многое угадываетъ, понимаетъ сама, осторожно взглядывается въ жизнь, вслушивается... между прочимъ, и въ рѣчи, совѣты своего друга...

Онъ этого не соображалъ ничего и только ждалъ отъ нея многаго впереди, но далеко впереди, не проча никогда ее себѣ въ подруги.

А она, по самолюбивой застѣнчивости,—долго не давала

угадывать себя, и только послѣ мучительной борьбы за границей, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, въ какой образъ простоты, силы и естественности выросло это многообѣщавшее и забытое имъ дитя. Тамъ мало-по-малу открывалась передъ нимъ глубокая бездна ея души, которую приходилось ему наполнять и никогда не наполнить.

Сначала долго приходилось ему бороться съ живостью ея натуры, прерывать лихорадку молодости, укладывать порывы въ опредѣленные размѣры, давать плавное теченіе жизни, и то на время: едва онъ закрывалъ довѣрчиво глаза, поднималась опять тревога, жизнь била ключомъ, слышался новый вопросъ безпокойнаго ума, встревоженнаго сердца; тамъ надо было успокоивать раздраженное воображеніе, унимать или будить самолюбіе. Задумывалась она надъ явленіемъ—онъ спѣшилъ вручить ей ключъ къ нему.

Вѣра въ случайности, туманъ галлюцинаціи исчезали изъ жизни. Свѣтла и свободна открывалась передъ ней даль, и она, какъ въ прозрачной водѣ, видѣла въ ней каждый камешекъ, рытвину и потомъ чистое дно.

— Я счастлива! шептала она, окидывая взглядомъ благодарности свою прошедшую жизнь и, пытая будущее, припоминала свой дѣвическій сонъ счастья, который ей снился когда-то въ Швейцаріи, ту задумчивую, голубую ночь, и видѣла, что сонъ этотъ, какъ тѣнь, носится въ жизни.

„За что мнѣ это выпало на долю?“ смиренно думала она. Она задумывалась, иногда даже боялась, не оборвалось бы это счастье.

Шли годы, а они не уставали жить. Настала и тишина, улеглись и порывы; кривизны жизни стали понятны, выносились терпѣливо и бодро, а жизнь все не умолкала у нихъ.

Ольга довоспиталась уже до строгаго пониманія жизни;

два существованія, ея и Андрея, слились въ одно русло; разгула дикимъ страстямъ, быть не могло: все было у нихъ гармонія и тишина.

Казалось бы, заснуть въ этомъ заслуженномъ покоѣ и блаженствовать, какъ блаженствуютъ обитатели затишьевъ, сходясь трижды въ день, зѣвая за обычнымъ разговоромъ, впадая въ тупую дремоту, томясь съ утра до вечера, что все передумано, переговорено и передѣлано, что нечего больше говорить и дѣлать, и что „такова ужь жизнь на свѣтѣ“.

Снаружи и у нихъ дѣлалось все, какъ у другихъ. Вставали они, хотя не съ зарей, но рано; любили долго сидѣть за чаемъ, иногда даже будто лѣниво молчали, потомъ расходились по своимъ угламъ, или работали вмѣстѣ, обѣдали, ѣздили въ поля, занимались музыкой... какъ всѣ, какъ мечталъ и Обломовъ...

Только не было дремоты, унынія у нихъ; безъ скуки и безъ апатіи проводили они дни; не было вялаго взгляда, слова; разговоръ не кончался у нихъ, бывалъ часто жарокъ.

По комнатамъ разносились ихъ звонкіе голоса, доходили до сада, или тихо передавали они, какъ-будто рисуя другъ передъ другомъ узоръ своей мечты, неуловимое для языка первое движеніе, ростъ возникающей мысли, чуть-слышный шопотъ души...

И молчаніе ихъ было—иногда задумчивое счастье, о которомъ, одномъ, мечталъ, бывало, Обломовъ, или мыслительная работа въ одиночку надъ нескончаемымъ, задаваемымъ другъ другу матеріаломъ...

Часто погружались они въ безмолвное удивленіе передъ вѣчно-новой и блещущей красотой природы. Ихъ чуткія души не могли привыкнуть къ этой красотѣ: земля, небо, море—все будило ихъ чувство, и они молча сидѣли рядомъ,

глядѣли одни глазами и одной душой на этотъ творческій блескъ, и безъ словъ понимали другъ друга.

Не встрѣчали они равнодушно утра; не могли тупо погрузиться въ сумракъ теплой, звѣздной, южной ночи. Ихъ будило вѣчное движеніе мысли, вѣчное раздраженіе души и потребность думать вдвоемъ, чувствокать, говорить!..

Но что же было предметомъ этихъ жаркихъ споровъ, тихихъ бесѣдъ, чтеній, далекихъ прогулокъ?

Да все. Еще за границей Штольцъ отвыкъ читать и работать одинъ: здѣсь, съ глазу на глазъ съ Ольгой, онъ и думалъ вдвоемъ. Его едва-едва ставало поспѣвать за томительною торопливостью ея мысли и воли.

Вопросъ, что онъ будетъ дѣлать въ семейномъ быту, ужь улегся, разрѣшился самъ-собою. Ему пришлось посвятить ее даже въ свою трудовую, дѣловую жизнь, потому-что въ жизни безъ движенія она задыхалась, какъ безъ воздуха.

Какая-нибудь постройка, дѣла по своему или обломовскому имѣнію, компанейскія операціи—ничто не дѣлалось безъ ея вѣдома или участія. Ни одного письма не посылалось безъ прочтенія ей, никакая мысль, а еще менѣе исполненіе, не проносилось мимо нея; она знала все, и все занимало ее, потому-что занимало его.

Сначала онъ дѣлалъ это потому, что нельзя было укрыться отъ нея: писалось письмо, шелъ разговоръ съ повѣреннымъ, съ какими—нибудь подрядчиками—при ней, на ея глазахъ; потомъ онъ сталъ продолжать это по привычкѣ, а наконецъ, это обратилось въ необходимость и для него.

Ея замѣчаніе, совѣтъ, одобреніе или неодобреніе стали для него неизбѣжною повѣркою: онъ увидѣлъ, что она понимаетъ точно такъ же, какъ онъ, соображаетъ, разсуждаетъ не хуже его... Захаръ обижался такой способностью въ своей женѣ, и многіе обижаются — а Штольцъ былъ счастливъ!

А чтеніе, а ученье—вѣчное питаніе мысли, ея безконечное развитіе! Ольга ревновала къ каждой непоказанной ей книгѣ, журнальной статьѣ, не шутя сердилась или оскорблялась, когда онъ не заблагоразсудитъ показать ей что-нибудь, по его мнѣнію, слишкомъ-серьезное, скучное, непонятное ей, называла это педантизмомъ, пошлостью, отсталостью, бранила его „старымъ нѣмецкимъ парикомъ“. Между ними по этому поводу происходили живыя, раздражительныя сцены.

Она сердилась, а онъ смѣялся, она еще пуще сердилась, и тогда только мирилась, когда онъ перестанетъ шутить и раздѣлитъ съ ней свою мысль, знаніе, или чтеніе. Кончалось тѣмъ, что все, что нужно и хотѣлось знать, читать ему, то надобилось и ей.

Онъ не навязывалъ ей ученой техники, чтобъ потомъ, съ глупѣйшею изъ хвастливостей, гордиться „ученой женой“. Еслибъ у ней вырвалось въ рѣчи одно слово, даже намекъ на эту претензію, онъ покраснѣлъ бы пуще, чѣмъ когда бы она отвѣтила тупымъ взглядомъ невѣдѣнія на обыкновенный въ области знанія, но еще недоступный для женскаго современнаго воспитанія вопросъ. Ему только хотѣлось, а ей вдвое, чтобъ не было ничего недоступнаго —не вѣдѣнію, а ея пониманію.

Онъ не чертилъ ей таблицъ и чиселъ, но говорилъ обо всемъ, многое читалъ, не обѣгая педантически и какой-нибудь экономической теоріи, соціальныхъ или философскихъ вопросовъ, онъ говорилъ съ увлеченіемъ, съ страстью: онъ какъ-будто рисовалъ ей безконечную, живую картину знанія. Послѣ изъ памяти ея исчезали подробности, но никогда не сглаживался въ воспріимчивомъ умѣ рисунокъ, не пропадали краски и не потухалъ огонь, которымъ онъ освѣщалъ творимый ей космосъ.

Онъ задрожитъ отъ гордости и счастья, когда замѣтитъ,

какъ потомъ искра этого огня свѣтится въ ея глазахъ, какъ отголосокъ переданной ей мысли звучитъ въ рѣчи, какъ мысль эта вошла въ ея сознаніе и пониманіе, переработалась у ней въ умѣ и выглядываетъ изъ ея словъ, не сухая и суровая, а съ блескомъ женской граціи, и особенно если какая-нибудь плодотворная капля изъ всего говореннаго, прочитаннаго, нарисованнаго, опускалась, какъ жемчужина, на свѣтлое дно ея жизни.

Какъ мыслитель и какъ художникъ, онъ ткалъ ей разумное существованіе, и никогда еще въ жизни не бывалъ онъ поглощенъ такъ глубоко, ни въ пору ученья, ни въ тѣ тяжелые дни, когда боролся съ жизнью, выпутывался изъ ея изворотовъ и крѣпчалъ, закаливая себя въ опытахъ мужественности, какъ теперь, няньчась съ этой неумолкающей, волканической работой духа своей подруги!

— Какъ я счастливъ! говорилъ Штольцъ про-себя и мечталъ по-своему, забѣгалъ впередъ, когда минуютъ медовые годы брака.

Вдали ему опять улыбался новый образъ, не эгоистки Ольги, не страстно-любящей жены, не матери-няньки, увядающей потомъ въ безцвѣтной, никому—ненужной жизни, а что-то другое, высокое, почти небывалое...

Ему грезилась мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія.

Онъ съ боязнью задумывался, достанетъ ли у ней воли и силъ... и торопливо помогалъ ей покорять себѣ скорѣе жизнь, выработать запасъ мужества на битву съ жизнью, —теперь именно, пока они оба молоды и сильны, пока жизнь щадила ихъ, или удары ея не казались тяжелы, пока горе тонуло въ любви.

Мрачились ихъ дни, но не надолго. Неудачи въ дѣлахъ, утрата значительной суммы денегъ — все это едва косну-

лось ихъ. Это стоило имъ лишнихъ хлопотъ, разъѣздовъ, потомъ скоро забылось.

Смерть тетки вызвала, горькія, искреннія слезы Ольги и легла тѣнью на ея жизнь на какіе-нибудь полгода.

Самое живое опасеніе и вѣчную заботу раждали болѣзни дѣтей; но лишь миновало опасеніе, возвращалось счастье.

Его тревожило болѣе всего здоровье Ольги: она долго оправлялась послѣ родовъ, и хотя оправилась, но онъ не переставалъ этимъ тревожиться. Страшнѣе горя онъ не зналъ.

— Какъ я счастлива! твердила и Ольга тихо, любуясь своей жизнью, и въ минуту такого сознанія иногда впадала въ задумчивость... особенно съ нѣкотораго времени, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ замужства.

Странен человѣкъ! Чѣмъ счастье ея было полнѣе, тѣмъ она становилась задумчивѣе и даже... боязливѣе. Она стала строго замѣчать за собой и уловила, что ее смущала эта тишина жизни, ея остановка на минутахъ счастья. Она насильственно стряхивала съ души эту задумчивость и ускоряла жизненные шаги, лихорадочно искала шума, движенія, заботъ, просилась съ мужемъ въ городъ, пробовала заглянуть въ свѣтъ, въ люди, но ненадолго.

Суета свѣта касалась ея слегка и она спѣшила въ свой уголокъ сбыть съ души какое-нибудь тяжелое, непривычное впечатлѣніе, и снова уходила, то въ мелкія заботы домашней жизни, по цѣлымъ днямъ не покидала дѣтской, несла обязанности матери-няньки, то погружалась съ Андреемъ въ чтеніе, въ толки о „серьёзномъ и скучномъ“, или читали поэтовъ, поговаривали о поѣздкѣ въ Италію.

Она боялась впасть во что-нибудь похожее на обломовскую апатію. Но какъ она ни старалась сбыть съ души эти мгновенія періодическаго оцѣпененія, сна души, къ нейнѣтъ-

нѣтъ да подкрадется сначала грёза счастья, окружитъ ее голубая ночь и окуетъ дремотой, потомъ опять настанетъ задумчивая остановка, будто отдыхъ жизни, а затѣмъ... смущеніе, боязнь, томленіе, какая-то глухая грусть, послышатся какіе-то смутные, туманные вопросы въ безпокойной головѣ.

Ольга чутко прислушивалась, пытала себя, но ничего не выпытала, не могла добиться, чего по временамъ проситъ, чего ищетъ душа, а только проситъ и ищетъ чего-то, даже будто—страшно сказать — тоскуетъ, будто ей мало было счастливой жизни, будто она уставала отъ нея и требовала еще новыхъ, небывалыхъ явленій, заглядывала дальше впередъ...

„Что жъ это?“ съ ужасомъ думала она: „Уже-ли еще нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нѣтъ дороги... Уже-ли нѣтъ, уже-ли ты совершила кругъ жизни? Уже-ли тутъ все... все...“ говорила душа ея и чего-то не договаривала... и Ольга съ тревогой озиралась вокругъ, не узналъ бы, не подслушалъ бы кто этого шопота души... Спрашивала глазами небо, море, лѣсъ... нигдѣ нѣтъ отвѣта: тамъ даль, глубь и мракъ.

Природа говорила все одно и то же; въ ней видѣла она непрерывное, но однообразное теченіе жизни, безъ начала, безъ конца.

Она знала, у кого спросить объ этихъ тревогахъ, и нашла бы отвѣтъ, но какой? Что если это ропотъ безплоднаго ума, или, еще хуже, жажда несозданнаго для симпатіи, неженскаго сердца! Боже! Она, его кумиръ—безъ сердца, съ черствымъ, ничѣмъ-недовольнымъ умомъ! Что жъ изъ нея выйдетъ? Уже-ли синій чулокъ! Какъ она падетъ, когда откроются передъ нимъ эти новыя, небывалыя, но, конечно, извѣстныя ему страданія!

Она пряталась отъ него, или выдумывала болѣзнь, ког-

да глаза ея, противъ воли, теряли бархатную мягкость, глядѣли какъ-то сухо и горячо, когда на лицѣ лежало тяжелое облако, и она, не смотря на всѣ старанія, не могла принудить себя улыбнуться, говорить, равнодушно слушала самыя горячія новости политическаго міра, самыя любопытныя объясненія новаго шага въ наукѣ, новаго творчества въ искусствѣ.

Между-тѣмъ, ей не хотѣлось плакать, не было внезапнаго трепета, какъ въ то время, когда играли нервы, пробуждались и высказывались ея дѣвическія силы. Нѣтъ, это не то!

— Что же это? съ отчаяніемъ спрашивала она, когда вдругъ становилась скучна, равнодушна ко всему, въ прекрасный, задумчивый вечеръ, или за колыбелью, даже среди ласкъ и рѣчей мужа...

Она вдругъ какъ-будто окаменѣетъ и смолкнетъ, потомъ съ притворной живостью суетится, чтобъ скрыть свой странный недугъ, или сошлется на мигрень и ляжетъ спать.

Но нелегко ей было укрытья отъ зоркаго взгляда Штольца: она знала это, и внутренно съ такою же тревогой готовилась къ разговору, когда онъ настанетъ, какъ нѣкогда готовилась къ исповѣди прошедшаго. Разговоръ насталъ

Они однажды вечеромъ гуляли по тополевой аллеѣ. Она почти повисла у него на плечѣ и глубоко молчала. Она мучилась своимъ невѣдомымъ припадкомъ, и о чемъ онъ ни заговаривалъ, она отвѣчала коротко.

— Нянька говоритъ, что Олинька кашляла ночью. Не послать ли завтра за докторомъ? спросилъ онъ.

— Я напоила ее теплымъ и завтра не пущу гулять, а тамъ посмотримъ! отвѣчала она монотонно.

Они прошли до конца аллеи молча.

— Что жь ты не отвѣчала на письмо своей пріятельницы, Сонички? спросилъ онъ. — А я все ждалъ, чуть не опоздалъ на почту. Это ужь третье письмо ея безъ отвѣт

— Да, мнѣ хочется скорѣй забыть ее... сказала она и замолчала.

— Я кланялся отъ тебя Бичурину, заговорилъ Андрей опять:—вѣдь онъ влюбленъ въ тебя, такъ, авось, утѣшится хоть этимъ немного, что пшеница его не поспѣетъ на мѣсто въ срокъ.

Она сухо улыбнулась.

— Да, ты сказывалъ, равнодушно отозвалась она.

— Что ты, спать хочешь? спросилъ онъ.

У ней стукнуло сердце, и не въ первый разъ, лишь только начинались вопросы, близкіе къ дѣлу.

— Нѣтъ еще, съ искусственной бодростью сказала она: — а что?

— Нездорова? спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ. Что тебѣ такъ кажется?

— Ну, такъ скучаешь!

Она крѣпко сжала ему обѣими руками плечо.

— Нѣтъ, нѣтъ! отнѣкивалась она фальшиво-развязнымъ голосомъ, въ которомъ, однако, звучала, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ скука.

Онъ вывелъ ее изъ аллеи и оборотилъ лицомъ къ лунному свѣту.

— Погляди на меня! сказалъ онъ и пристально смотрѣлъ ей въ глаза.

— Можно подумать, что ты... несчастлива! Такіе странные у тебя глаза сегодня, да и не сегодня только... Что съ тобой, Ольга?

Онъ повелъ ее за талію опять въ аллею.

— Знаешь что: я... проголодалась! сказала она, стараясь засмѣяться.

— Не лги, не лги! Я этого не люблю! съ притворной строгостью прибавилъ онъ.

— Несчастлива! съ упрекомъ повторила она, остано-

вивъ его въ аллеѣ.—Да, несчастлива тѣмъ развѣ... что ужь слишкомъ счастлива! досказала она съ такой нѣжной, мягкой нотой въ голосѣ, что онъ поцѣловалъ ее.

Она стала смѣлѣе. Предположеніе, хотя легкое, шуточное, что она можетъ быть несчастлива, неожиданно вызвало ее на откровенность.

— Нескучно мнѣ и не можетъ быть скучно: ты это знаешь, и самъ, конечно, не вѣришь своимъ словамъ; не больна я, а... мнѣ грустно... бываетъ иногда... вотъ тебѣ — несносный человѣкъ, если отъ тебя нельзя спрятаться! Да, грустно, и я не знаю отчего!

— Она положила ему голову на плечо.

— Вотъ что! Отчего же? спросилъ онъ ее тихо, наклонившись къ ней.

— Не знаю, повторила она.

— Однакожъ, должна быть причина, если не во мнѣ, не кругомъ тебя, такъ въ тебѣ самой. Иногда такая грусть не что иное, какъ зародышъ болѣзни... Здорова ли ты?

— Да, можетъ-быть, серьезно сказала она: — это что-нибудь въ этомъ родѣ, хотя я ничего не чувствую. Ты видишь, какъ я ѣмъ, гуляю, сплю, работаю. Вдругъ какъ-будто найдетъ на меня что-нибудь, какая-то хандра... мнѣ жизнь покажется... какъ-будто не все въ ней есть... Да нѣтъ, ты не слушай: это все пустое...

— Говори, говори! присталъ онъ съ живостью: — Ну, не все есть въ жизни: что еще?

— Иногда я какъ-будто боюсь, продолжала она:—чтобъ это не измѣнилось, не кончилось... не знаю сама! Или мучусь глупою мыслью: что жь будетъ еще?... Что жь это счастье... вся жизнь... говорила она все тише-тише, стыдясь этихъ вопросовъ:—всѣ эти радости, горе... природа... шептала она: — все тянетъ меня куда-то еще; я дѣлаюсь ничѣмъ недовольна... Боже мой! мнѣ даже стыдно этихъ

глупостей... это мечтательность... Ты не замѣчай, не смотри... прибавила она умоляющимъ голосомъ, ласкаясь къ нему. — Эта грусть скоро проходитъ и мнѣ опять станетъ такъ свѣтло, весело, какъ вотъ опять стало теперь!

Она жалась къ нему такъ робко и ласково, стыдясь въ самомъ дѣлѣ и какъ-будто прося прощенія „въ глупостяхъ".

Долго спрашивалъ ее мужъ, долго передавала она, какъ больная врачу, симптомы грусти, высказывала всѣ глухіе вопросы, рисовала ему смятеніе души и потомъ — какъ исчезалъ этотъ миражъ—все, все, что могла припомнить, замѣтить.

Штольцъ молча опять пошелъ по аллеѣ, склонивъ голову на грудь, погрузясь всей мыслью, съ тревогой, съ недоумѣньемъ, въ неясное признаніе жены.

Она заглядывала ему въ глаза, но ничего не видѣла; и когда, въ третій разъ, они дошли до конца аллеи, она не дала ему обернуться и, въ свою очередь, вывела его на лунный свѣтъ и вопросительно посмотрѣла ему въ глаза.

— Что ты? застѣнчиво спросила она: — Смѣешься моимъ глупостямъ — да? это очень глупо, эта грусть — не правда ли?

Онъ молчалъ.

— Что жь ты молчишь? спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Ты долго молчала, хотя, конечно, знала, что я давно замѣчалъ за тобой; дай же мнѣ помолчать и подумать. Ты мнѣ задала нелегкую задачу.

— Вотъ ты теперь станешь думать, а я буду мучиться, что ты выдумаешь одинъ про-себя. Напрасно я сказала! прибавила она:—Лучше говори что-нибудь...

— Что жь я тебѣ скажу? задумчиво говорилъ онъ.— Можетъ-быть, въ тебѣ проговаривается еще нервическое разстройство: тогда докторъ, а не я, рѣшитъ, что съ тобой.

Надо завтра послать... Если же не то... началъ онъ и задумался.

— Что „если же не то“, говори! нетерпѣливо приставала она.

Онъ шелъ, все думая.

— Да ну! говорила она, тряся его за руку.

— Можетъ-быть, это избытокъ воображенія:—ты слишкомъ жива... а можетъ-быть, ты созрѣла до той поры... вполголоса докончилъ онъ, почти про-себя.

— Говори, пожалуйста, вслухъ, Андрей! Терпѣть не могу, когда ты ворчишь про-себя! жаловалась она:—я насказала ему глупостей, а онъ повѣсилъ голову и шепчетъ что-то подъ носъ! Мнѣ даже страшно съ тобой, здѣсь, въ темнотѣ...

— Что сказать—я не знаю... „грусть находитъ, какіе-то вопросы тревожатъ“: что изъ этого поймешь? Мы поговоримъ опять объ этомъ и посмотримъ: кажется, надо опять купаться въ морѣ...

— Ты сказалъ про себя: „если же... можетъ-быть... созрѣла“: что у тебя за мысль была? спрашивала она.

— Я думалъ... говорилъ онъ медленно, задумчиво высказываясь и самъ не довѣряя своей мысли, какъ-будто тоже стыдясь своей рѣчи:—вотъ видишь ли .. бываютъ минуты... то-есть, я хочу сказать, если это не признакъ какого-нибудь разстройства, если ты совершенно здорова, то, можетъ-быть, ты созрѣла, подошла къ той порѣ, когда остановился ростъ жизни... когда загадокъ нѣтъ, она открылась вся...

— Ты, кажется, хочешь сказать, что я состарѣлась? живо перебила она:—Не смѣй! Она даже погрозила ему:—Я еще молода, сильна... прибавила она, выпрямляясь.

Онъ засмѣялся.

— Не бойся, сказалъ онъ:—ты, кажется, не распола-

гаешь состарѣться никогда! Нѣтъ, это не то... въ старости силы падаютъ и перестаютъ бороться съ жизнью. Нѣтъ, твоя грусть, томленіе—если это только то, что я думаю—скорѣе признакъ силы... Поиски живаго, раздраженнаго ума порываются иногда за житейскія грани, не находятъ, конечно, отвѣтовъ, и является грусть... временное недовольство жизнью... Это грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ... Можетъ-быть и съ тобой то же... Если это такъ—это не глупости.

Она вздохнула, но, кажется, больше отъ радости, что опасенія ея кончились, и она не падаетъ въ глазахъ мужа, а напротивъ...

— Но вѣдь я счастлива; умъ у меня непразденъ; я не мечтаю; жизнь моя разнообразна—чего же еще? Къ чему эти вопросы? говорила она.—Эта болѣзнь, гнетъ!

Да, пожалуй, гнетъ для темнаго, слабаго ума, неподготовленнаго къ нему. Эта грусть и вопросы, можетъ-быть, многихъ свели съ ума; инымъ они являются, какъ безобразныя видѣнія, какъ бредъ ума...

— Счастье льется черезъ край, такъ хочется жить... а тутъ вдругъ примѣшивается какая-то горечь...

— А! Это расплата за прометеевъ огонь! Мало того что терпи, еще люби эту грусть и уважай сомнѣнія и вопросы: они—переполненный избытокъ, роскошь жизни и являются больше на вершинахъ счастья, когда нѣтъ грубыхъ желаній; они не родятся среди жизни обыденной: тамъ не до того, гдѣ горе и нужда; толпы идутъ и не знаютъ этого тумана сомнѣній, тоски вопросовъ... Но кто встрѣтился съ ними своевременно, для того они не молотъ, а милые гости.

— Но съ ними не справишься: они даютъ тоску и равнодушіе... почти ко всему... нерѣшительно прибавила она.

— А на долго ли? Потомъ освѣжаютъ жизнь, говорилъ онъ.—Они приводятъ къ безднѣ, отъ которой не допросишься ничего, и съ большей любовью заставляютъ опять глядѣть на жизнь... Они вызываютъ на борьбу съ собой уже испытанныя силы, какъ-будто затѣмъ, чтобъ не давать имъ уснуть...

— Мучиться какимъ-то туманомъ, призраками! жаловалась она:—Все свѣтло, а тутъ вдругъ ложится на жизнь какая-то зловѣщая тѣнь! Ужели нѣтъ средствъ?

— Какъ не быть: опора въ жизни! А нѣтъ ея, такъ и безъ вопросовъ тошно жить!

— Что жь дѣлать? Поддаться и толковать?

— Ничего, сказалъ онъ:—вооружаться твердостью и терпѣливо, настойчиво идти своимъ путемъ. Мы не Титаны съ тобой, продолжалъ онъ, обнимая ее:—мы не пойдемъ, съ Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье и...

— А если они никогда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше, больше?.. спрашивала она.

— Что жь? примемъ ее какъ новую стихію жизни... Да нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ человѣчества. На тебя брызнула одна капля... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни... когда нѣтъ опоры. А у насъ... Дай Богъ, чтобъ эта грусть твоя была то, что я думаю, а не признакъ какой-нибудь болѣзни... то хуже. Вотъ горе, передъ которымъ я упаду безъ защиты, безъ силы... А то, ужели туманъ, грусть, какіе-то сомнѣнія, вопросы могутъ лишить насъ нашего блага, нашей...

Онъ не договорилъ а она, какъ безумная, бросилась къ нему въ объятія и, какъ вакханка, въ страстномъ забытьи, замерла на мгновеніе, обвивъ ему шею руками.

— Ни туманъ, ни грусть, ни болѣзнь, ни... даже смерть! шептала она восторженно, опять счастливая, успокоенная, веселая. Никогда, казалось ей, не любила она его такъ страстно, какъ въ эту минуту.

— Смотри, чтобъ судьба не подслушала твоего ропота, заключилъ онъ суевѣрнымъ замѣчаніемъ, внушеннымъ нѣжною предусмотрительностью:—и не сочла за неблагодарность! Она не любитъ, когда не цѣнятъ ея даровъ. До сихъ поръ, ты еще познавала жизнь, а придется испытывать ее... Вотъ погоди, когда разыграется она, настанутъ горе и трудъ... а они настанутъ—тогда... не до этихъ вопросовъ... Береги силы! прибавилъ тихо, почти про-себя, Штольцъ, въ отвѣтъ на ея страстный порывъ. Въ словахъ его звучала грусть, какъ-будто онъ уже видѣлъ вдали и „горе, и трудъ“.

Она молчала, мгновенно пораженная грустнымъ звукомъ его голоса. Она безгранично вѣрила ему, вѣрила и его голосу. Она заразилась его задумчивостью, сосредоточилась, ушла въ себя.

Опершись на него, машинально и медленно ходила она по аллеѣ, погруженная въ упорное молчаніе. Она боязливо, вслѣдъ за мужемъ, глядѣла въ даль жизни, туда, гдѣ, по словамъ его, настанетъ пора „испытаній“, гдѣ ждутъ „горе и трудъ“.

Ей сталъ сниться другой сонъ, не голубая ночь, открывался другой край жизни, не прозрачный и праздничный, въ затишьи, среди безграничнаго обилія, наединѣ съ *нимъ*...

Нѣтъ, тамъ видѣла она цѣпь утратъ, лишеній, омываемыхъ слезами, неибѣжныхъ жертвъ, жизнь поста и невольнаго отреченія отъ раждающихся въ праздности прихотей, вопли и стоны отъ новыхъ, теперь невѣдомыхъ имъ чувствъ; снились ей болѣзни, разстройство дѣлъ, потеря мужа...

Она содрогалась, изнемогала, но съ мужественнымъ любопытствомъ глядѣла на этотъ новый образъ жизни, озирала его съ ужасомъ и измѣряла свои силы... Одна только любовь не измѣняла ей и въ этомъ снѣ, она стояла вѣрнымъ стражемъ и новой жизни; но и она была не та!

Нѣтъ ея горячаго дыханія, нѣтъ свѣтлыхъ лучей и голубой ночи; черезъ годы все казалось играми дѣтства передъ той далекой любовью, которую восприняла на себя глубокая и грозная жизнь. Тамъ не слыхать поцѣлуевъ и смѣха, ни трепетно-задумчивыхъ бесѣдъ въ боскетѣ, среди цвѣтовъ, на праздникѣ природы и жизни... Все „поблекло и отошло“.

Та неувядающая и негибнущая любовь лежала могуче, какъ сила жизни, на лицахъ ихъ—въ годину дружной скорби, свѣтилась въ медленно и молча обмѣненномъ взглядѣ совокупнаго страданія, слышалась въ безконечномъ, взаимномъ терпѣніи противъ жизненной пытки, въ сдержанныхъ слезахъ и заглушенныхъ рыданіяхъ...

Въ туманную грусть и вопросы, посѣщавшіе Ольгу, тихо вселились другіе, хотя отдаленные, но ясные, опредѣленные и грозные сны...

Подъ успокоительнымъ и твердымъ словомъ мужа, въ безграничномъ довѣріи къ нему, отдыхала Ольга, и отъ своей загадочной, не всѣмъ знакомой грусти, и отъ вѣщихъ и грозныхъ сновъ будущаго, шла бодро впередъ.

Послѣ „тумана“ наставало свѣтлое утро, съ заботами матери, хозяйки; тамъ манилъ къ себѣ цвѣтникъ и поле, тамъ кабинетъ мужа. Только не съ беззаботнымъ самонаслажденіемъ играла она жизнью, а съ затаенной и бодрой мыслью жила она, готовилась, ждала...

Она росла все выше, выше... Андрей видѣлъ, что прежній идеалъ его женщины и жены недосягаемъ, но онъ былъ

счастливъ и блѣднымъ отраженіемъ его въ Ольгѣ: онъ не ожидалъ никогда и этого.

Между тѣмъ, и ему долго, почти всю жизнь, предстояла еще немалая забота поддерживать на одной высотѣ свое достоинство мужчины въ глазахъ самолюбивой, гордой Ольги, не изъ пошлой ревности, а для того, чтобъ не помрачилась эта хрустальная жизнь; а это могло бы случиться, еслибъ хоть немного поколебалась ея вѣра въ него.

Многимъ женщинамъ ненужно ничего этого: разъ вышедши замужъ, онѣ покорно принимаютъ и хорошія и дурныя качества мужа, безусловно мирятся съ приготовленнымъ имъ положеніемъ и сферой, или такъ же покорно уступаютъ первому случайному увлеченію, съ разу признавая невозможнымъ или не находя нужнымъ противиться ему: „судьба, дескать, страсти, женщина—созданіе слабое“ и т. д.

Даже если мужъ и превышаетъ толпу умомъ, — этой обаятельной силой въ мужчинѣ, такія женщины гордятся этимъ преимуществомъ мужа какъ какимъ-нибудь дорогимъ ожерельемъ, и то въ такомъ только случаѣ, если умъ этотъ остается слѣпъ на ихъ жалкія, женскія продѣлки. А если онъ осмѣлится прозирать въ мелочную комедію ихъ лукаваго, ничтожнаго иногда порочнаго существованія, имъ дѣлается тяжело и тѣсно отъ этого ума.

Ольга не знала этой логики покорности слѣпой судьбѣ и не понимала женскихъ страстишекъ и увлеченій. Признавъ разъ въ избранномъ человѣкѣ достоинство и права на себя, она вѣрила въ него и потому любила, а переставала вѣрить—переставала и любить, какъ случилось съ Обломовымъ.

Но тамъ еще шаги ея были нерѣшительны, воля шатка; она только что вглядывалась и вдумывалась въ жизнь, только приводила въ сознаніе стихіи своего ума и характера и

собирала матеріалы; дѣло созданія еще не начиналось, пути жизни угаданы не были.

Но теперь она увѣровала въ Андрея не слѣпо, а съ сознаньемъ, и въ немъ воплотился ея идеалъ мужскаго совершенства. Чѣмъ больше, чѣмъ сознательнѣе она вѣровала въ него, тѣмъ труднѣе было ему держаться на одной высотѣ, быть героемъ не ума ея и сердца только, но и воображенія. А она вѣровала въ него такъ, что не признавала между нимъ и собой другаго посредника, другой инстанціи, кромѣ Бога.

Оттого она не снесла бы пониженія ни на волосъ признанныхъ ею достоинствъ; всякая фальшивая нота въ его характерѣ, или умѣ, произвела бы потрясающій диссонансъ. Разрушенное зданіе счастья погребло бы ее подъ развалинами, или, еслибъ еще уцѣлѣли ея силы, она бы искала...

Да нѣтъ, такія женщины не ошибаются два раза. Послѣ упадка такой вѣры, такой любви, возрожденіе невозможно.

Штольцъ былъ глубоко счастливъ своей наполненной, волнующейся жизнью, въ которой цвѣла неувядаемая весна, и ревниво, дѣятельно, зорко воздѣлывалъ, берегъ и лелѣялъ ее. Со дна души поднимался ужасъ тогда только, когда онъ вспоминалъ, что Ольга была на волосъ отъ гибели, что эта угаданная дорога—ихъ два существованія, слившіяся въ одно, могли разойтись; что незнаніе путей жизни могло дать исполниться гибельной ошибкѣ, что Обломовъ...

Онъ вздрагивалъ. Какъ! Ольга, въ той жизни, которую Обломовъ ей готовилъ! Она – среди переползанья изо дня въ день, деревенская барыня, нянька своихъ дѣтей, хозяйка—и только!

Всѣ вопросы, сомнѣнія, вся лихорадка жизни уходила

бы на заботы по хозяйству, на ожиданія праздниковъ, гостей, семейныхъ съѣздовъ, на родины, крестины, въ апатію и сонъ мужа!

Бракъ былъ бы только формой, а не содержаніемъ, средствомъ, а не цѣлью; служилъ бы широкой и неизмѣнной рамкой для визитовъ, пріема гостей, обѣдовъ и вечеровъ, пустой болтовни?...

Какъ же она вынесетъ эту жизнь? Сначала бьется, отыскивая и угадывая тайну жизни, плачетъ, мучится, потомъ привыкаетъ, толстѣетъ, ѣстъ, спитъ, тупѣетъ...

Нѣтъ, не такъ бы съ ней было: она—плачетъ, мучится, чахнетъ и умираетъ въ объятіяхъ любящаго добраго и безсильнаго мужа... Бѣдная Ольга!

А если огонь не угаснетъ, жизнь не умретъ, если силы устоятъ и запросятъ свободы, если она взмахнетъ крыльями, какъ сильная и зоркая орлица, на мигъ полоненная слабыми руками, и ринется на ту высокую скалу, гдѣ видитъ орла, который еще сильнѣе и зорче ея?.. Бѣдный Илья!

— Бѣдный Илья! сказалъ однажды Андрей вслухъ, вспомнивъ прошлое.

Ольга, при этомъ имени, вдругъ опустила руки, съ вышиваньемъ, на колѣни, откинула голову назадъ и глубоко задумалась. Восклицаніе вызвало воспоминаніе.

— Что съ нимъ? спросила она потомъ:—Ужели нельзя узнать?

Андрей пожалъ плечами.

— Подумаешь, сказалъ онъ: — что мы живемъ въ то время, когда не было почтъ, когда люди, разъѣхавшись въ разныя стороны, считали другъ друга погибшими, и въ самомъ-дѣлѣ пропадали безъ вѣсти.

— Ты бы написалъ опять къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей: узнали бы, по-крайней-мѣрѣ...

— Ничего не узнали бы, кромѣ того, что мы уже знаемъ: живъ, здоровъ, на той же квартирѣ—это я и безъ пріятелей знаю. А что съ нимъ, какъ онъ переноситъ свою жизнь, умеръ ли онъ нравственно, или еще тлѣетъ искра жизни—этого посторонній не узнаетъ...

— Ахъ, не говори такъ, Андрей: мнѣ страшно и больно слушать! Мнѣ и хотѣлось бы, и боюсь знать...

Она готова была заплакать.

— Весной будемъ въ Петербургѣ,—узнаемъ сами.

— Этого мало что узнаемъ, надо сдѣлать все...

— А я развѣ не дѣлалъ? Мало ли я его уговаривалъ, хлопоталъ за него, устроилъ его дѣла—а онъ хоть бы откликнулся на это! При свиданіи готовъ на все, а чуть съ глазъ долой—прощай: опять заснулъ. Возишься какъ съ пьяницей!

— Зачѣмъ съ глазъ долой? нетерпѣливо возразила Ольга.—Съ нимъ надо дѣйствовать рѣшительно: взять его съ собой въ карету и увезти. Теперь же мы переселяемся въ имѣніе; онъ будетъ близко отъ насъ... мы возьмемъ его съ собой.

— Вотъ далась намъ съ тобой забота! разсуждалъ Андрей, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ: — И конца ей нѣтъ!

— Ты тяготишься ею? сказала Ольга:—Это новость! Я въ первый разъ слышу твой ропотъ на эту заботу.

— Я не ропщу, отвѣчалъ Андрей,—а разсуждаю.

— А откуда взялось это разсужденіе? Ты сознался себѣ самому, что это скучно, безпокойно—да?

Она поглядѣла на него пытливо. Онъ покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, не безпокойно, а безполезно: это я иногда думаю.

— Не говори, не говори! остановила его она: — Я опять, какъ на той недѣлѣ, буду цѣлый день думать объ этомъ и тосковать. Если въ тебѣ погасла дружба къ нему, такъ изъ любви къ человѣку ты долженъ нести эту заботу. Если ты устанешь, я одна пойду и не выйду безъ него: онъ тронется моими просьбами; я чувствую, что я заплачу горько, если увижу его убитаго, мертваго! Можетъ-быть слезы...

— Воскресятъ, ты думаешь? перебилъ Андрей.

— Нѣтъ, не воскресятъ къ дѣятельности, по крайней-мѣрѣ заставятъ его оглянуться вокругъ себя и перемѣнить свою жизнь на что-нибудь лучшее. Онъ будетъ не въ грязи, а близь равныхъ себѣ, съ нами. Я только появилась тогда—и онъ въ одну минуту очнулся и застыдился...

— Ужъ не любишь ли ты его попрежнему? спросилъ Андрей, шутя.

— Нѣтъ! не шутя, задумчиво, какъ бы глядя въ прошедшее, говорила Ольга:—Я люблю его не попрежнему, но есть что-то, что я люблю въ немъ, чему я, кажется, осталась вѣрна и не измѣнюсь, какъ иные...

— Кто же иные? Скажи, ядовитая змѣя, уязви, ужаль: я, что ли? Ошибаешься. А если хочешь знать правду, такъ я и тебя научилъ любить его и чуть не довелъ до добра. Безъ меня ты бы прошла мимо его, не замѣтивъ. Я далъ тебѣ понять, что въ немъ есть и ума не меньше другихъ, только зарытъ, задавленъ онъ всякою дрянью и заснулъ въ праздности. Хочешь, я скажу тебѣ, отчего онъ тебѣ дорогъ, за что ты еще любишь его?

Она кивнула, въ знакъ согласія, головой.

— За то, что въ немъ дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, по-

терявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ—никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться. Вотъ чему ты осталась вѣрна и почему забота о немъ никогда не будетъ тяжела мнѣ. Многихъ людей я зналъ съ высокими качествами, но никогда не встрѣчалъ сердца чище, свѣтлѣе и проще; многихъ любилъ я, но никого такъ прочно и горячо, какъ Обломова. Узнавъ разъ, его разлюбить нельзя. Такъ это? Угадалъ?

Ольга молчала, потупя глаза на работу. Андрей задумался.

— Ужели не все тутъ? Что же еще? Ахъ!... очнувшись, весело прибавилъ потомъ:—Совсѣмъ забылъ „голубиную нѣжность“...

Ольга засмѣялась, проворно оставила свое шитье, подбѣжала къ Андрею, обвила его шею руками, нѣсколько минутъ поглядѣла лучистыми глазами прямо ему въ глаза, потомъ задумалась, положивъ голову на плечо мужа. Въ ея воспоминаніи воскресло кроткое, задумчивое лицо Обломова, его нѣжный взглядъ, покорность, потомъ его жалкая, стыдливая улыбка, которою онъ, при разлукѣ, отвѣтилъ на ея упрекъ... и ей стало такъ больно, такъ жаль его...

— Ты его не оставишь, не бросишь? говорила она, не отнимая рукъ отъ шеи мужа.

*

— Никогда! Развѣ бездна какая-нибудь откроется неожиданно между нами, стѣна встанетъ...

Она поцѣловала мужа.

— Въ Петербургѣ ты возьмешь меня къ нему?

Онъ нерѣшительно молчалъ.

— Да? да? настойчиво требовала она отвѣта.

— Послушай, Ольга, сказалъ онъ, стараясь освободить шею отъ кольца ея рукъ:—прежде надо...

— Нѣтъ, скажи: да, обѣщай, я не отстану!

— Пожалуй, отвѣчалъ онъ, но только не въ первый, а во второй разъ: я знаю, что съ тобой будетъ, если онъ...

— Не говори, не говори!.. перебила она:—Да, ты возьмешь меня: вдвоемъ мы сдѣлаемъ все. Одинъ ты не съумѣешь, не захочешь!

— Пусть такъ; но ты разстроишься и, можетъ-быть, надолго, сказалъ онъ, несовсѣмъ довольный, что Ольга вынудила у него согласіе.

— Помни же, заключила она, садясь на свое мѣсто:—что ты отступишься только тогда, когда „откроется бездна или встанетъ стѣна между нимъ и тобой“. Я не забуду этихъ словъ.

IX.

Миръ и тишина покоятся надъ Выборгской Стороной, надъ ея немощеными улицами, деревянными троттуарами, надъ тощими садами, надъ заросшими крапивой канавами, гдѣ, подъ заборомъ, какая-нибудь коза, съ оборванной веревкой на шеѣ, прилежно щиплетъ траву или дремлетъ тупо, да въ полдень простучатъ щегольскіе, высокіе каблуки прошедшаго по троттуару писаря, зашевелится кисейная занавѣска въ окошкѣ и изъ-за ерани выглянетъ чиновница, или вдругъ надъ заборомъ, въ саду, мгновен-

но выскочитъ и въ ту жь минуту спрячется свѣжее лицо дѣвушки, вслѣдъ за нимъ выскочитъ другое такое же лицо, и также исчезнетъ, потомъ явится опять первое и смѣнится вторымъ; раздается визгъ и хохотъ качающихся на качеляхъ дѣвушекъ.

Все тихо въ домѣ Пшеницыной. Войдешь на дворикъ и будешь охваченъ живой идилліей: куры и пѣтухи засуетятся и побѣгутъ прятаться въ углы; собака начнетъ скакать на цѣпи, заливаясь лаемъ; Акулина перестанетъ доить корову, а дворникъ остановится рубить дрова, и оба съ любопытствомъ посмотрятъ на посѣтителя.

— Кого вамъ? спроситъ онъ и, услыхавъ имя Ильи Ильича, или хозяйки дома, молча укажетъ крыльцо, и примется опять рубить дрова, а посѣтитель, по чистой, усыпанной пескомъ тропинкѣ, пойдетъ къ крыльцу, на ступенькахъ котораго постланъ простой, чистый коврикъ, дернетъ за мѣдную, ярко-вычищенную ручку колокольчика, и дверь отворитъ Анисья, дѣти, иногда сама хозяйка, или Захаръ—Захаръ послѣ всѣхъ.

Все въ домѣ Пшеницыной дышало такимъ обиліемъ и полнотой хозяйства, какой не бывало и прежде, когда Агафья Матвѣевна жила однимъ домомъ съ братцомъ.

Кухня, чуланы, буфетъ—все было установлено поставцами съ посудой, большими и небольшими, круглыми и овальными блюдами, соусниками, чашками, грудами тарелокъ, горшками, чугунными, мѣдными и глиняными.

Въ шкапахъ разложено было и свое, давнымъ-давно выкупленное и никогда-незакладываемое теперь серебро, и серебро Обломова.

Цѣлые ряды огромныхъ, пузатыхъ и миньятюрныхъ чайниковъ и нѣсколько рядовъ фарфоровыхъ чашекъ, простыхъ, съ живописью, съ позолотой, съ девизами, съ пылающими сердцами, съ китайцами. Большія стеклянныя

банки съ кофе, корицей, ванилью, хрустальныя чайницы, судки съ масломъ, съ уксусомъ.

Потомъ цѣлыя полки загромождены были пачками, стклянками, коробочками, съ домашними лекарствами, съ травами, примочками, пластырями, спиртами, камфорой, съ порошками, съ кореньями; тутъ же было мыло, снадобья для чищенья кружевъ, выведенія пятенъ и прочее, и прочее—все, что найдешь въ любомъ домѣ всякой провинціи, у всякой домовитой хозяйки.

Когда Агафья Матвѣевна внезапно отворитъ дверь шкапа, исполненнаго всѣхъ этихъ принадлежностей, то сама не устоитъ противъ букета всѣхъ наркотическихъ запаховъ и на первыхъ порахъ на минуту отворотитъ лицо въ сторону.

Въ кладовой къ потолку привѣшены были окорока, чтобъ не портили мыши, сыры, головы сахару, провѣсная рыба, мѣшки съ сушеными грибами, купленными у чухонца орѣхами.

На полу стояли кадки масла, большія крытыя корчаги съ сметаной, корзины съ яйцами—и чего-чего не было! Надо перо другаго Гомера, чтобъ исчислить съ полнотой и подробностью все, что скоплено было во всѣхъ углахъ, на всѣхъ полкахъ этого маленькаго ковчега домашней жизни.

Кухня была истиннымъ палладіумомъ дѣятельности великой хозяйки и ея достойной помощницы, Анисьи. Все было въ домѣ и все подъ рукой, на своемъ мѣстѣ, во всемъ порядокъ и чистота, можно бы сказать, еслибъ не оставался одинъ уголъ въ цѣломъ домѣ, куда никогда не проникалъ ни лучъ свѣта, ни струя свѣжаго воздуха, ни глазъ хозяйки, ни проворная, всесметающая рука Анисьи. Это уголъ или гнѣздо Захара.

Комнатка его была безъ окна и вѣчная темнота способ-

ствовала къ устройству изъ человѣческаго жилья темной норы. Если Захаръ заставалъ иногда тамъ хозяйку съ какими-нибудь планами улучшеній и очищеній, онъ твердо объявлялъ, что это не женское дѣло разбирать, гдѣ и какъ должны лежать щетки, вакса и сапоги, что никому дѣла нѣтъ до того, зачѣмъ у него плятье лежитъ въ кучѣ на полу, а постель въ углу за печкой, въ пыли, что *онъ* носитъ платье и спитъ на этой постели, а не она. А что касается вѣника, досокъ, двухъ кирпичей, днища бочки и двухъ полѣнъ, которыя онъ держитъ у себя въ комнатѣ, такъ ему безъ нихъ въ хозяйствѣ обойтись нельзя, а почему—онъ не объяснялъ; далѣе, что пыль и пауки ему не мѣшаютъ и, словомъ, что онъ не суетъ носа къ нимъ въ кухню, слѣдовательно, не желаетъ, чтобъ и его трогали.

Анисью, которую онъ однажды засталъ тамъ, онъ обдалъ такимъ презрѣніемъ, погрозилъ такъ серьезно локтемъ въ грудь, что она боялась заглядывать къ нему. Когда дѣло было перенесено въ высшую инстанцію, на благоусмотрѣніе Ильи Ильича, баринъ пошелъ-было осмотрѣть и распорядиться, какъ слѣдуетъ, построже, но, всунувъ въ дверь къ Захару одну голову и поглядѣвъ съ минуту на все, что тамъ было, онъ только плюнулъ и не сказалъ ни слова.

— Что взяли? промолвилъ Захаръ Агафьѣ Матвѣевнѣ и Анисьѣ, которыя пришли съ Ильей Ильичемъ, надѣясь, что его участіе поведетъ къ какой-нибудь перемѣнѣ. Потомъ онъ усмѣхнулся по-своему, во все лицо, такъ-что брови и бакенбарды подались въ стороны.

Въ прочихъ комнатахъ вездѣ было свѣтло, чисто и свѣжо. Старыя, полинялыя занавѣски исчезли, а окна и двери гостиной и кабинета осѣнялись синими и зелеными драпри и кисейными занавѣсками, съ красными фестонами —все работа рукъ Агафьи Матвѣевны.

Подушки бѣлѣли, какъ снѣгъ, и горой возвышались, чуть не до потолка; одѣяла шелковыя, стеганыя.

Цѣлыя недѣли комната хозяйки была загромождена нѣсколькими раскинутыми и приставленными одинъ къ другому ломберными столами, на которыхъ разстилались эти одѣяла и халатъ Ильи Ильича.

Агафья Матвѣевна собственноручно кроила, подкладывала ватой и простегивала ихъ, припадая къ работѣ своею крѣпкой грудью, впиваясь въ нее глазами, даже ртомъ, когда надо было откусить нитку, и трудилась съ любовью, съ неутомимымъ прилежаніемъ, скромно награждая себя мыслью, что халатъ и одѣяла будутъ облекать, грѣть, нѣжить и покоить великолѣпнаго Илью Ильича.

Онъ цѣлые дни, лежа у себя на диванѣ, любовался, какъ обнаженные локти ея двигались взадъ и впередъ, вслѣдъ за иглой и ниткой. Онъ не разъ дремалъ подъ шипѣнье продѣваемой и трескъ откушенной нитки, какъ бывало въ Обломовкѣ.

— Полноте работать, устанете! унималъ онъ ее.

— Богъ труды любитъ! отвѣчала она, не отводя глазъ и рукъ отъ работы.

Кофе подавался ему такъ же тщательно, чисто и вкусно, какъ вначалѣ, когда онъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, переѣхалъ на эту квартиру. Супъ съ потрохами, макароны съ пармезаномъ, кулебяка, ботвинье, свои цыплята—все это смѣнялось въ строгой очереди одно другимъ и пріятно разнообразило монотонные дни маленькаго домика.

Въ окна съ утра до вечера билъ радостный лучъ солнца, полдня на одну сторону, полдня на другую, незагораживаемый ничѣмъ, благодаря огородамъ съ обѣихъ сторонъ.

Канарейки весело трещали; ерань и, порой приносимые дѣтьми изъ графскаго сада гіацинты изливали въ малень-

кой комнаткѣ сильный запахъ, пріятно мѣшавшійся съ дымомъ чистой гаванской сигары да корицы, или ванили, которую толкла, энергически двигая локтями, хозяйка.

Илья Ильичъ жилъ какъ будто въ золотой рамкѣ жизни, въ которой, точно въ діорамѣ, только мѣнялись обычные фазисы дня и ночи и временъ года; другихъ перемѣнъ, особенно крупныхъ случайностей, возмущающихъ со дна жизни весь осадокъ, часто горькій и мутный, не бывало.

Съ тѣхъ поръ, какъ Штольцъ выручилъ Обломовку отъ воровскихъ долговъ братца, какъ братецъ и Тарантьевъ удалились совсѣмъ, съ ними удалилось и все враждебное изъ жизни Ильи Ильича. Его окружали теперь такія простыя, добрыя, любящія лица, которыя всѣ согласились своимъ существованіемъ подпереть его жизнь, помогать ему не замѣчать ея, не чувствовать.

Агафья Матвѣевна была въ зенитѣ своей жизни; она жила и чувствовала, что жила полно, какъ прежде никогда не жила, но только высказать этого, какъ и прежде, никогда не могла, или, лучше, ей въ голову объ этомъ не приходило. Она только молила Бога, чтобъ онъ продлилъ вѣку Ильи Ильичу, и чтобъ избавилъ его отъ всякой „скорби, гнѣва и нужды“, а себя, дѣтей своихъ и весь домъ предавала на волю Божію. Зато лицо ея постоянно высказывало одно и то же счастье, полное, удовлетворенное и безъ желаній, слѣдовательно, рѣдкое и при всякой другой натурѣ невозможное.

Она пополнѣла; грудь и плечи сіяли тѣмъ же довольствомъ и полнотой, въ глазахъ свѣтились кротость и только хозяйственная заботливость. Къ ней воротились то достоинство и спокойствіе, съ которыми она прежде властвовала надъ домомъ, среди покорныхъ Анисьи, Акулины и дворника. Она, попрежнему, не ходитъ, а будто плаваетъ, отъ шкапа къ кухнѣ, отъ кухни къ кладовой, и мѣрно, не-

торопливо, отдаетъ приказанія, съ полнымъ сознаніемъ того, что дѣлаетъ.

Анисья стала еще живѣе прежняго, потому что работы стало больше: все она движется, суетится, бѣгаетъ, работаетъ, все по слову хозяйки. Глаза у ней даже ярче, и носъ, этотъ говорящій носъ, такъ и выставляется прежде всей ея особы, такъ и рдѣетъ заботой, мыслями, намѣреніями, такъ и говоритъ, хотя языкъ и молчитъ.

Обѣ онѣ одѣты, каждая сообразно достоинству своего сана и должностей. У хозяйки завелся большой шкапъ, съ рядомъ шелковыхъ платьевъ, мантилій и салоповъ; чепцы заказывались на той сторонѣ, чуть ли не на Литейной, башмаки не съ Апраксина, а изъ гостинаго двора, а шляпка—представьте, изъ Морской! И Анисья, когда отстряпаетъ, а особенно въ воскресенье, надѣваетъ шерстяное платье.

Только Акулина все ходитъ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, да дворникъ не можетъ, даже въ лѣтніе каникулы, разстаться съ полушубкомъ.

Про Захара и говоритъ нечего: этотъ изъ сѣраго фрака сдѣлалъ себѣ куртку, и нельзя рѣшить, какого цвѣта у него панталоны, изъ чего сдѣланъ его галстухъ. Онъ чиститъ сапоги, потомъ спитъ, сидитъ у воротъ, тупо глядя на рѣдкихъ прохожихъ, или, наконецъ, сидитъ въ ближней мелочной лавочкѣ и дѣлаетъ все тоже и такъ же, что дѣлалъ прежде, сначала въ Обломовкѣ, потомъ въ Гороховой.

А самъ Обломовъ? Самъ Обломовъ былъ полнымъ и естественнымъ отраженіемъ и выраженіемъ того покоя, довольства и безмятежной тишины. Вглядываясь, вдумываясь въ свой бытъ и все болѣе и болѣе обживаясь въ немъ, онъ, наконецъ, рѣшилъ, что ему некуда больше идти, нечего искать, что идеалъ его жизни осуществился, хотя безъ

поэзіи, безъ тѣхъ лучей, которыми нѣкогда воображеніе рисовало ему барское, широкое и безпечное теченіе жизни въ родной деревнѣ, среди крестьянъ, дворни.

Онъ смотрѣлъ на настоящій свой бытъ, какъ продолженіе того же обломовскаго существованія, только съ другимъ колоритомъ мѣстности и, отчасти, времени. И здѣсь, какъ въ Обломовкѣ, ему удавалось дешево отдѣлываться отъ жизни, выторговать у ней и застраховать себѣ невозмутимый покой.

Онъ торжествовалъ внутренно, что ушелъ отъ ея докучливыхъ, мучительныхъ требованій и грозъ, изъ-подъ того горизонта, подъ которымъ блещутъ молніи великихъ радостей и раздаются внезапные удары великихъ скорбей, гдѣ играютъ ложныя надежды и великолѣпные призраки счастья, гдѣ гложетъ и снѣдаетъ человѣка собственная мысль и убиваетъ страсть, гдѣ падаетъ и торжествуетъ умъ, гдѣ сражается въ непрестанной битвѣ человѣкъ, и уходитъ съ поля битвы истерзанный и все недовольный и ненасытимый. Онъ, не испытавъ наслажденій, добываемыхъ въ борьбѣ, мысленно отказался отъ нихъ и чувствовалъ покой въ душѣ только въ забытомъ уголкѣ, чуждомъ движенія, борьбы и жизни.

А если закипитъ еще у него воображеніе, возстанутъ забытыя воспоминанія, неисполненныя мечты, если въ совѣсти зашевелятся упреки за прожитую такъ, а не иначе жизнь—онъ спитъ непокойно, просыпается, вскакиваетъ съ постели, иногда плачетъ холодными слезами безнадежности по свѣтломъ, навсегда угаснувшемъ идеалѣ жизни, какъ плачутъ по дорогомъ усопшемъ, съ горькимъ чувствомъ сознанія, что недовольно сдѣлали для него при жизни.

Потомъ онъ взглянетъ на окружающее его, вкуситъ временныхъ благъ и успокоится, задумчиво глядя, какъ тихо

и покойно утопаетъ въ пожарѣ зари вечернее солнце, наконецъ рѣшитъ, что жизнь его нетолько сложилась, но и создана, даже предназначена была такъ просто, немудрено, чтобъ выразить возможность идеально-покойной стороны человѣческаго бытія.

Другимъ, думалъ онъ, выпадало на долю выражать ей тревожныя стороны, двигать создающими и разрушающими силами: у всякаго свое назначеніе!

Вотъ какая философія выработалась у обломовскаго Платона и убаюкивала его среди вопросовъ и строгихъ требованій долга и назначенія! И родился и воспитанъ онъ былъ не какъ гладіаторъ для арены, а какъ мирный зритель боя; не вынести бы его робкой и лѣнивой душѣ ни тревогъ счастья, ни ударовъ жизни—слѣдовательно, онъ выразилъ собою одинъ ея край, и добиваться, мѣнять въ ней что-нибудь, или каяться—нечего.

Съ лѣтами, волненія и раскаяніе являлись рѣже, и онъ тихо и постепенно укладывался въ простой и широкій гробъ остальнаго своего существованія, сдѣланный собственными руками, какъ старцы пустынные, которые, отворотясь отъ жизни, копаютъ себѣ могилу.

Онъ ужь пересталъ мечтать объ устройствѣ имѣнія и о поѣздкѣ туда всѣмъ домомъ. Поставленный Штольцомъ управляющій аккуратно присылалъ ему весьма порядочный доходъ, къ Рождеству, мужики привозили хлѣба и живности, и домъ процвѣталъ обиліемъ и весельемъ.

Илья Ильичъ завелъ даже пару лошадей, но, изъ свойственной ему осторожности, такихъ, что онѣ только послѣ третьяго кнута трогались отъ крыльца, а при первомъ и второмъ ударѣ одна лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ вторая лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ уже, вытянувъ напряженно шею, спину и хвостъ, двинутся онѣ разомъ и побѣгутъ, кивая головами.

На нихъ возили Ваню на ту сторону Невы, въ гимназію, да хозяйка ѣздила за разными покупками.

На масляницѣ и на святой вся семья, и самъ Илья Ильичъ, ѣздили на гульянье кататься и въ балаганы; брали изрѣдка ложу и посѣщали, также всѣмъ домомъ, театръ.

Лѣтомъ отправлялись за городъ, въ ильинскую пятницу —на Пороховые Заводы, и жизнь чередовалась обычными явленіями, не внося губительныхъ перемѣнъ, можно было бы сказать, еслибъ удары жизни вовсе не достигали маленькихъ мирныхъ уголковъ. Но, къ несчастью, громовой ударъ, потрясая основанія горъ и огромныя воздушныя пространства, раздается и въ норкѣ мыши, хотя слабѣе, глуше, но для норки ощутительно.

Илья Ильичъ кушалъ апетитно и много, какъ въ Обломовкѣ, ходилъ и работалъ лѣниво и мало, тоже какъ въ Обломовкѣ. Онъ, несмотря на наростающія лѣта, безпечно пилъ вино, смородиновую водку и еще безпечнѣе и подолгу спалъ послѣ обѣда.

Вдругъ все это перемѣнилось.

Однажды, послѣ дневнаго отдыха и дремоты, онъ хотѣлъ встать съ дивана и не могъ, хотѣлъ выговорить слово —и языкъ не повиновался ему. Онъ, въ испугѣ, махалъ только рукой, призывая къ себѣ на помощь.

Живи онъ съ однимъ Захаромъ, онъ могъ бы телеграфировать рукой до утра и, наконецъ, умереть, о чемъ узнали бы на другой день, но глазъ хозяйки свѣтилъ надъ нимъ, какъ око Провидѣнія: ей ненужно было ума, а только догадка сердца, что Илья Ильичъ что-то не въ себѣ.

И только эта догадка озарила ее, Анисья летѣла уже на извощикѣ за докторомъ, а хозяйка обложила голову ему льдомъ, и разомъ вытащила изъ завѣтнаго шкапчика всѣ спирты, примочки—все, что навыкъ и наслышка указывали ей употребить въ дѣло. Даже Захаръ успѣлъ въ это

время надѣть одинъ сапогъ и такъ, объ одномъ сапогѣ, ухаживалъ, вмѣстѣ съ докторомъ, хозяйкой и Анисьей, около барина.

Илью Ильича привели въ чувство, пустили кровь и потомъ объявили, что это былъ апоплексическій ударъ и что ему надо повести другой образъ жизни.

Водка, пиво и вино, кофе, съ немногими и рѣдкими исключеніями, потомъ все жирное, мясное, пряное было ему запрещено, а вмѣсто этого предписано ежедневное движеніе и умѣренный сонъ, только ночью.

Безъ ока Агафьи Матвѣевны ничего бы этого не состоялось, но она умѣла ввести эту систему тѣмъ, что подчинила ей весь домъ, и, то хитростью, то лаской, отвлекала Обломова отъ соблазнительныхъ покушеній на вино, на послѣ-обѣденную дремоту, на жирныя кулебяки.

Чуть онъ вздремнетъ, падалъ стулъ въ комнатѣ, такъ, самъ собою, или съ шумомъ разбивалась старая, негодная посуда въ сосѣдней комнатѣ, а не то зашумятъ дѣти—хоть вонъ бѣги! Если это не поможетъ, раздавался ея кроткій голосъ: она звала его и спрашивала о чемъ-нибудь.

Дорожка сада продолжена была въ огородъ и Илья Ильичъ совершалъ утромъ и вечеромъ по ней двухчасовое хожденіе. Съ нимъ ходила она, а нельзя ей, такъ Маша, или Ваня, или старый знакомый, безотвѣтный, всему покорный и на все согласный Алексѣевъ.

Вотъ Илья Ильичъ идетъ медленно по дорожкѣ, опираясь на плечо Вани. Ваня ужь почти юноша, въ гимназическомъ мундирѣ, едва сдерживаетъ свой бодрый, торопливый шагъ, подлаживаясь подъ походку Ильи Ильича. Обломовъ не совсѣмъ-свободно ступаетъ одной ногой — слѣды удара.

— Ну, пойдемъ, Ванюша, въ комнату! сказалъ онъ.

Они-было направились къ двери. На встрѣчу имъ появилась Агафья Матвѣевна.

— Куда это вы, такъ рано? спросила она, не давая войти.

— Что за рано! Мы разъ двадцать взадъ и впередъ прошли, а вѣдь отсюда до забора пятьдесятъ саженъ, значитъ, двѣ версты.

— Сколько разъ прошли? спросила она Ванюшу.

Тотъ было замялся.

— Не ври, смотри у меня! грозила она, глядя ему въ глаза: — Я сейчасъ увижу. Помни воскресенье, не пущу въ гости.

— Нѣтъ, маменька, право мы разъ... двѣнадцать прошли.

— Ахъ, ты, плуть этакой! сказалъ Обломовъ:—Ты все акацію щипалъ, а я считалъ всякій разъ...

— Нѣтъ, походите еще: у меня и уха не готова! рѣшила хозяйка и захлопнула передъ ними дверь.

И Обломовъ, волей-неволей, отсчиталъ еще восемь разъ, потомъ уже пришелъ въ комнату.

Тамъ, на большомъ кругломъ столѣ, дымилась уха. Обломовъ сѣлъ на свое мѣсто, одинъ на диванѣ, около него, справа, на стулѣ, Агафья Матвѣевна, налѣво, на маленькомъ дѣтскомъ стулѣ, съ задвижкой, усаживался какой-то ребенокъ, лѣтъ трехъ. Подлѣ него садилась Маша, уже дѣвочка лѣтъ тринадцати, потомъ Ваня и, наконецъ, въ этотъ день и Алексѣевъ сидѣлъ напротивъ Обломова.

— Вотъ постойте, дайте еще я положу вамъ ершика: жирный такой попался! говорила Агафья Матвѣевна, подкладывая Обломову въ тарелку ершика.

— Хорошо бы къ этому пирогъ! сказалъ Обломовъ.

— Забыла, право забыла! А хотѣла еще съ вечера, да память у меня словно отшибло! схитрила Агафья Матвѣевна.

— И вамъ тоже, Иванъ Алексѣичъ, забыла капусты къ котлетамъ приготовить, прибавила она, обращаясь къ Алексѣеву.—Не взыщите.

И опять схитрила.

— Ничего-съ: я все могу ѣсть, сказалъ Алексѣевъ.

— Что это, въ самомъ дѣлѣ, не приготовятъ ему ветчины съ горошкомъ, или бифштексъ? спросилъ Обломовъ:— Онъ любитъ...

— Сама ходила, смотрѣла, Илья Ильичъ, не было хорошей говядины! Зато вамъ кисель изъ вишневаго сиропа велѣла сдѣлать: знаю, что вы охотникъ, добавила она, обращаясь къ Алексѣеву.

Кисель былъ безвреденъ для Ильи Ильича, и потому его долженъ былъ любить и ѣсть на все согласный Алексѣевъ.

Послѣ обѣда никто и ничто не могло отклонить Обломова отъ лежанья. Онъ обыкновенно ложился тутъ же на диванѣ, на спину, но только полежать часокъ. Чтобъ онъ не спалъ, хозяйка наливала тутъ же, на диванѣ, кофе, тутъ же играли на коврѣ дѣти, и Илья Ильичъ, волей-неволей, долженъ былъ принимать участіе.

— Полно дразнить Андрюшу: онъ сейчасъ заплачетъ! журилъ онъ Ваничку, когда тотъ дразнилъ ребенка.

— Машенка, смотри, Андрюша ушибется объ стулъ! заботливо предостерегалъ онъ, когда ребенокъ залѣзалъ подъ стулья.

И Маша бросалась доставать „братца“, какъ она называла его.

Все замолкло на минуту, хозяйка вышла на кухню посмотрѣть, готовъ ли кофе. Дѣти присмирѣли. Въ комнатѣ послышалось храпѣнье, сначала тихое, какъ подъ сурдиной, потомъ громче, и когда Агафья Матвѣевна появилась съ дымящимся кофейникомъ, ее поразило храпѣнье, какъ въ ямской избѣ.

Она, съ упрекомъ, покачала головой Алексѣеву.

— Я будилъ, да они не слушаютъ! сказалъ, въ свое оправданіе, Алексѣевъ.

Она быстро поставила кофейникъ на столъ, схватила съ пола Андрюшу и тихонько посадила его на диванъ къ Ильѣ Ильичу. Ребёнокъ поползъ по немъ, добрался до лица и схватилъ за носъ.

— А! Что? Кто это? безпокойно говорилъ очнувшійся Илья Ильичъ.

— Вы задремали, а Андрюша влѣзъ да разбудилъ васъ, ласково сказала хозяйка.

— Когда же я задремалъ? оправдывался Обломовъ, принимая Андрюшу въ объятія.—Развѣ я не слыхалъ, какъ онъ ручонками карабкался ко мнѣ? Я все слышу! Ахъ, шалунъ этакой: за носъ поймалъ! Вотъ я тебя! Вотъ постой, постой! говорилъ онъ, нѣжа и лаская ребенка. Потомъ спустилъ его на полъ и вздохнулъ на всю комнату.

— Разскажите что-нибудь, Иванъ Алексѣичъ! сказалъ онъ.

— Все переговорили, Илья Ильичъ; нечего разсказывать, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, какъ нечего? Вы бываете въ людяхъ: нѣтъ ли чего новенькаго? Я думаю, читаете?

— Да-съ, иногда читаю, или другіе читаютъ, разговариваютъ, а я слушаю. Вотъ вчера, у Алексѣя Спиридоныча, сынъ, студентъ, читалъ вслухъ...

— Что жь онъ читалъ?

— Про англичанъ, что они ружья да пороху кому-то привезли. Алексѣй Спиридонычъ сказали, что война будетъ.

— Кому же они привезли?

— Въ Испанію, или въ Индію — не помню, только посланникъ былъ очень-недоволенъ.

— Какой же посланникъ? спросилъ Обломовъ.

— Вотъ ужь это забылъ? сказалъ Алексѣевъ, поднимая носъ къ потолку и стараясь вспомнить.

— Съ кѣмъ война-то?

— Съ турецкимъ пашей, кажется.

— Ну, что еще новаго въ политикѣ? спросилъ, помолчавъ, Илья Ильичъ.

— Да пишутъ, что земной шаръ все охлаждается: когда-нибудь замерзнетъ весь.

— Вона! Развѣ это политика? сказалъ Обломовъ.

Алексѣевъ оторопѣлъ.

— Дмитрій Алексѣичъ сначала упомянули политику, оправдывался онъ: — а потомъ все сподрядъ читали и не сказали, когда она кончится. Я знаю, что ужь это литература пошла.

— Что же онъ о литературѣ-то читалъ? спросилъ Обломовъ.

— Да читалъ, что самые лучшіе сочинители Дмитріевъ, Карамзинъ, Батюшковъ и Жуковскій...

— А Пушкинъ?

— Пушкина нѣтъ тамъ. Я самъ тоже подумалъ, отчего его нѣтъ! Вѣдь онъ *х*еній, сказалъ Алексѣевъ, произнося *г* какъ *х*.

Послѣдовало молчаніе. Хозяйка принесла работу и принялась сновать иглой взадъ и впередъ, поглядывая по временамъ на Илью Ильича, на Алексѣева и прислушиваясь чуткими ушами, нѣтъ ли гдѣ безпорядка, шума, не бранится ли на кухнѣ Захаръ съ Анисьей, моетъ ли посуду Акулина, не скрипнула ли калитка на дворѣ, то-есть, не отлучился ли дворникъ въ „заведеніе“.

Обломовъ тихо погрузился въ молчаніе и задумчивость. Эта задумчивость была не сонъ и не бдѣніе: онъ безпечно пустилъ мысли бродить по волѣ, не сосредоточивая ихъ ни

на чемъ, покойно слушалъ мѣрное біеніе сердца и изрѣдка ровно мигалъ, какъ человѣкъ, ни на что не устремляющій глазъ. Онъ впалъ въ неопредѣленное, загадочное состояніе, родъ галлюцинаціи.

На человѣка иногда нисходятъ рѣдкія и краткія задумчивыя мгновенія, когда ему кажется, что онъ переживаетъ въ другой разъ когда-то и гдѣ-то прожитой моментъ. Во снѣ ли онъ видѣлъ происходящее передъ нимъ явленіе, жилъ ли когда-нибудь прежде да забылъ, но онъ видитъ: тѣ же лица сидятъ около него, какія сидѣли тогда, тѣ же слова были произнесены уже однажды: воображеніе безсильно перенести опять туда, память не воскрешаетъ прошлаго и наводитъ раздумье.

То же было съ Обломовымъ теперь. Его осѣняетъ какая-то, бывшая уже гдѣ-то тишина, качается знакомый маятникъ, слышится трескъ откушенной нитки; повторяются знакомыя слова и шопотъ. — Вотъ никакъ не могу попасть ниткой въ иглу: на-ка ты, Маша, у тебя глаза повострѣе!

Онъ лѣниво, машинально, будто въ забытьи, глядитъ въ лицо хозяйки, и изъ глубины его воспоминаній возникаетъ знакомый, гдѣ-то видѣнный имъ образъ. Онъ добирался, когда и гдѣ слышалъ онъ это...

И видится ему большая темная, освѣщенная сальной свѣчкой гостиная въ родительскомъ домѣ, сидящая за круглымъ столомъ покойная мать и ея гости: онѣ шьютъ, молча; отецъ ходитъ, молча. Настоящее и прошлое слились и перемѣшались.

Грезится ему, что онъ достигъ той обѣтованной земли, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ ѣдятъ незаработанный хлѣбъ, ходятъ въ золотѣ и серебрѣ...

Слышитъ онъ разсказы сновъ, примѣтъ, звонъ тарелокъ и стукъ ножей, жмется къ нянѣ, прислушивается къ ея

старческому, дребезжащему голосу: — Милитриса Кирбитьевна! говоритъ она, указывая ему на образъ хозяйки.

Кажется ему, то же облачко плыветъ въ синемъ небѣ, какъ тогда, тотъ же вѣтерокъ дуетъ въ окно и играетъ его волосами; обломовскій индѣйскій пѣтухъ ходитъ и горланитъ подъ окномъ.

Вонъ залаяла собака: должно-быть гость пріѣхалъ. Ужъ не Андрей ли пріѣхалъ, съ отцомъ, изъ Верхлева? Это былъ праздникъ для него. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть онъ: шаги ближе, ближе, отворяется дверь...— Андрей! говоритъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нимъ Андрей, но не мальчикъ, а зрѣлый мужчина.

Обломовъ очнулся: передъ нимъ на-яву, не въ галлюцинаціи, стоялъ настоящій, дѣйствительный Штольцъ.

Хозяйка быстро схватила ребенка, стащила свою работу со стола, увела дѣтей; исчезъ и Алексѣевъ. Штольцъ и Обломовъ остались вдвоемъ, молча и неподвижно, глядя другъ на друга. Штольцъ такъ и пронзалъ его глазами.

— Ты ли это, Андрей? спросилъ Обломовъ едва-слышно отъ волненія, какъ спрашиваетъ только, послѣ долгой разлуки, любовникъ свою подругу.

— Я, тихо сказалъ Андрей.—Ты живъ, здоровъ?

Обломовъ обнялъ его, крѣпко прижимаясь къ нему.

— Ахъ! произнесъ онъ въ отвѣтъ продолжительно, изливъ въ этомъ *ахъ* всю силу долго-таившейся въ душѣ грусти и радости, и никогда, можетъ-быть, со времени разлуки, не изливавшейся ни на кого и ни на что.

Они сѣли и опять пристально смотрѣли другъ на друга.

— Здоровъ ли ты? спросилъ Андрей.

— Да, теперь слава Богу.

— А былъ болѣнъ?

— Да, Андрей, у меня ударъ былъ...

— Возможно ли? Боже мой! съ испугомъ и участіемъ сказалъ Андрей.—Но безъ послѣдствій?

— Да, только лѣвой ногой не свободно владѣю... отвѣчалъ Обломовъ.

— Ахъ, Илья, Илья! Что съ тобой? Вѣдь ты опустился совсѣмъ! Что ты дѣлалъ это время? Шутка ли, пятый годъ пошелъ, какъ мы не видались!

Обломовъ вздохнулъ.

— Что жъ ты не ѣхалъ въ Обломовку? Отчего не писалъ?

— Что говорить тебѣ Андрей? Ты знаешь меня и не спрашивай больше! печально сказалъ Обломовъ.

— И все здѣсь, на этой квартирѣ? говорилъ Штольцъ, оглядывая комнату:—и не съѣзжалъ?

— Да, все здѣсь... Теперь ужъ я и не съѣду!

— Какъ, рѣшительно нѣтъ?

— Да, Андрей... рѣшительно.

Штольцъ пристально посмотрѣлъ на него, задумался и сталъ ходить по комнатѣ.

— А Ольга Сергѣевна? Здорова ли? Гдѣ она? Помнитъ ли?..

Онъ не договорилъ.

— Здорова и помнитъ тебя, какъ-будто вчера разстались. Я сейчасъ скажу тебѣ, гдѣ она.

— А дѣти?

— И дѣти здоровы... Но скажи, Илья: ты шутишь, что останешься здѣсь? А я пріѣхалъ за тобой, съ тѣмъ, чтобъ увезти туда, къ намъ, въ деревню...

— Нѣтъ, нѣтъ! понизивъ голосъ и поглядывая на дверь, заговорилъ Обломовъ, очевидно-встревоженный: — Нѣтъ, пожалуйста, ты и не начинай, не говори...

— Отчего? Что съ тобой? началъ-было Штольцъ:— Ты знаешь меня: я давно задалъ себѣ эту задачу и не отступ-

люсь. До сихъ поръ меня отвлекали разныя дѣла, а теперь я свободенъ. Ты долженъ жить съ нами, вблизи насъ: мы съ Ольгой такъ рѣшили, такъ и будетъ. Слава Богу, что я засталъ тебя такимъ же, а не хуже. Я не надѣялся... Ѣдемъ же!.. Я готовъ силой увезти тебя! Надо жить иначе, ты понимаешь какъ...

Обломовъ съ нетерпѣніемъ слушалъ эту тираду.

— Не кричи, пожалуйста, тише! упрашивалъ онъ: — Тамъ...

— Что тамъ?

— Услышатъ... хозяйка подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу уѣхать...

— Ну, такъ что жъ? Пусть ее думаетъ!

— Ахъ, какъ это можно! перебилъ Обломовъ.—Послушай, Андрей! вдругъ прибавилъ онъ рѣшительнымъ, небывалымъ тономъ:—не дѣлай напрасныхъ попытокъ, не уговаривай меня: я останусь здѣсь.

Штольцъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на своего друга. Обломовъ покойно и рѣшительно глядѣлъ на него.

— Ты погибъ, Илья! сказалъ онъ:—Этотъ домъ, эта женщина... весь этотъ бытъ... Не можетъ быть: ѣдемъ, ѣдемъ!

Онъ хваталъ его за рукавъ и тащилъ къ двери.

— Зачѣмъ ты хочешь увезти меня? Куда? говорилъ, упираясь, Обломовъ.

— Вонъ изъ этой ямы, изъ болота, на свѣтъ, на просторъ, гдѣ есть здоровая, нормальная жизнь! настаивалъ Штольцъ строго, почти повелительно. — Гдѣ ты? Что ты сталъ? Опомнись! Развѣ ты къ этому быту готовилъ себя, чтобъ спать, какъ кротъ въ норѣ? Ты вспомни все...

— Не напоминай, не тревожь прошлаго: не воротишь! говорилъ Обломовъ, съ мыслью на лицѣ, съ полнымъ сознаніемъ разсудка и воли.—Что ты хочешь дѣлать со мной?

Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я распался на всегда; ты не спаяешь, не составишь двѣ разорванныя половины. Я приросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: попробуй оторвать—будетъ смерть.

— Да ты оглянись, гдѣ и съ кѣмъ ты?

— Знаю, чувствую... Ахъ, Андрей, все я чувствую, все понимаю: мнѣ давно совѣстно жить на свѣтѣ! Но не могу идти съ тобой твоей дорогой, еслибъ даже захотѣлъ... Можетъ-быть, въ послѣдній разъ было еще возможно. Теперь... (онъ опустилъ глаза и промолчалъ съ минуту) теперь поздно... Иди и не останавливайся надо мной. Я стою твоей дружбы — это Богъ видитъ, но не стою твоихъ хлопотъ.

— Нѣтъ, Илья, ты что-то говоришь, да не договариваешь. А все-таки я увезу тебя, именно потому и увезу, что подозрѣваю... Послушай, сказалъ онъ: — надѣнь что-нибудь и поѣдемъ ко мнѣ, просиди у меня вечеръ. Я тебѣ разскажу много-много: ты не знаешь, что закипѣло у насъ теперь, ты не слыхалъ?..

Обломовъ смотрѣлъ на него вопросительно.

— Ты не видишься съ людьми, я и забылъ: пойдемъ, я все разскажу тебѣ... Знаешь, кто здѣсь у воротъ, въ каретѣ, ждетъ меня... Я позову сюда!

— Ольга! вдругъ вырвалось у испуганнаго Обломова. Онъ даже измѣнился въ лицѣ. — Ради Бога, не допускай ея сюда, уѣзжай. Прощай, прощай, ради Бога!

Онъ почти толкалъ Штольца вонъ; но тотъ не двигался.

— Я не могу пойти къ ней безъ тебя: я далъ слово, слышишь, Илья? Не сегодня, такъ завтра, ты только отстрочишь, но не отгонишь меня... Завтра, послѣ завтра, а все-таки увидимся!

Обломовъ молчалъ, опустивъголову и не смѣя взглянуть на Штольца.

— Когда же? Меня Ольга спроситъ.

— Ахъ, Андрей, сказалъ онъ нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ, обнимая его и кладя голову ему на плечо.— Оставь меня совсѣмъ... забудь...

— Какъ, навсегда? съ изумленіемъ спросилъ Штольцъ, устраняясь отъ его объятій и глядя ему въ лицо.

— Да! прошепталъ Обломовъ.

Штольцъ отступилъ отъ него на шагъ.

— Ты ли это, Илья? упрекалъ онъ:—Ты отталкиваешь меня, и для нея, для этой женщины!.. Боже мой! почти закричалъ онъ, какъ отъ внезапной боли: — Этотъ ребенокъ, что я сейчасъ видѣлъ... Илья, Илья! Бѣги отсюда, пойдемъ, пойдемъ скорѣе! Какъ ты палъ! Эта женщина... что она тебѣ...

— Жена! покойно произнесъ Обломовъ.

Штольцъ окаменѣлъ.

— А этотъ ребенокъ — мой сынъ! Его зовутъ Андреемъ, въ память о тебѣ! досказалъ Обломовъ разомъ и покойно перевелъ духъ, сложивъ съ себя бремя откровенности.

Теперь Штольцъ измѣнился въ лицѣ и ворочалъ изумленными, почти безсмысленными глазами вокругъ себя. Передъ нимъ вдругъ „отверзлась бездна“, воздвиглась „каменная стѣна“, и Обломова какъ-будто не стало, какъ-будто онъ пропалъ изъ глазъ его, провалился, и онъ только почувствовалъ ту жгучую тоску, которую испытываетъ человѣкъ, когда спѣшитъ съ волненіемъ, послѣ разлуки, увидѣть друга, и узнаётъ, что его давно уже нѣтъ, что онъ умеръ.

— Погибъ! машинально, шопотомъ сказалъ онъ.—Что жь я скажу Ольгѣ?

Обломовъ услыхалъ послѣднія слова, хотѣлъ что-то сказать и не могъ. Онъ протянулъ къ Андрею обѣ руки и они обнялись молча, крѣпко, какъ обнимаются передъ боемъ, передъ смертью. Это объятіе задушило ихъ слова, слезы, чувства...

— Не забудь моего Андрея! были послѣднія слова Обломова, сказанныя угасшимъ голосомъ.

Андрей, молча, медленно вышелъ вонъ, медленно, задумчиво шелъ онъ дворомъ и сѣлъ въ карету, а Обломовъ сѣлъ на диванъ, оперся локтями на столъ и закрылъ лицо руками.

„Нѣтъ, не забуду я твоего Андрея,“ съ грустью, идучи дворомъ, думалъ Штольцъ. „Погибъ ты, Илья: нечего тебѣ говорить, что твоя Обломовка не въ глуши больше, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца! Не скажу тебѣ, что года черезъ четыре она будетъ станціей дороги, что мужики твои пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ... школы, грамота, а дальше... Нѣтъ, перепугаешься ты зари новаго счастья, больно будетъ непривычнымъ глазамъ. Но поведу твоего Андрея, куда ты не могъ идти... и съ нимъ будемъ приводить въ дѣло наши юношескія мечты.— Прощай, старая Обломовка! сказалъ онъ, оглянувшись въ послѣдній разъ на окна маленькаго домика. — Ты отжила свой вѣкъ!

— Что тамъ? спросила Ольга съ сильнымъ біеніемъ сердца.

— Ничего! сухо, отрывисто отвѣчалъ Андрей.

— Онъ живъ, здоровъ?

— Да, нехотя отозвался Андрей.

— Что жь ты такъ скоро воротился? Отчего не позвалъ меня туда и его не привелъ? Пусти меня!

— Нельзя!

— Что жь тамъ дѣлается? съ испугомъ спрашивала Ольга: — Развѣ „бездна открылась?“ Скажешь ли ты мнѣ?

Онъ молчалъ.

— Да что такое тамъ происходитъ?

— Обломовщина! мрачно отвѣчалъ Андрей и на дальнѣйшіе распросы Ольги хранилъ до самаго дома угрюмое молчаніе.

X.

Прошло лѣтъ пять. Многое перемѣнилось и на Выборгской Сторонѣ: пустая улица, ведущая къ дому Пшеницыной, обстроилась дачами, между которыми возвышалось длинное, каменное, казенное зданіе, мѣшавшее солнечнымъ лучамъ весело бить въ стекла мирнаго пріюта лѣни и спокойствія.

И самъ домикъ обветшалъ немного, глядѣлъ небрежно, нечисто, какъ небритый и немытый человѣкъ. Краска слѣзла, дождевыя трубы мѣстами изломались: оттого на дворѣ стояли лужи грязи, черезъ которыя, какъ прежде, брошена была узенькая доска. Когда кто войдетъ въ калитку, старая арапка не скачетъ бодро на цѣпи, а хрипло и лѣниво лаетъ, не вылѣзая изъ конуры.

А внутри домика какія перемѣны! Тамъ властвуетъ чужая женщина, рѣзвятся не прежнія дѣти. Тамъ опять появляется по временамъ красное, испитое лицо буйнаго Тарантьева и нѣтъ болѣе кроткаго, безотвѣтнаго Алексѣева. Не видать ни Захара, ни Анисьи: новая толстая кухарка распоряжается на кухнѣ, нехотя и грубо исполняя тихія приказанія Агафьи Матвѣевны, да та же Акулина, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, моетъ корыта и корчаги; тотъ же сонный дворникъ, и въ томъ же тулупѣ, праздно доживаетъ свой вѣкъ въ конурѣ. Мимо рѣшетчатаго забора, въ

урочные часы ранняго утра и обѣденной поры, мелькаетъ опять фигура „братца“, съ большимъ пакетомъ подъ мышкой, въ резиновыхъ галошахъ, зимой и лѣтомъ.

Что же стало съ Обломовымъ? Гдѣ онъ? Гдѣ?—На ближайшемъ кладбищѣ, подъ скромной урной покоится тѣло его, между кустовъ, въ затишьѣ. Вѣтви сирени, посаженныя дружеской рукой, дремлютъ надъ могилой, да безмятежно пахнетъ полынь. Кажется, самъ ангелъ тишины охраняетъ сонъ его.

Какъ зорко ни сторожило каждое мгновеніе его жизни любящее око жены, но вѣчный покой, вѣчная тишина и лѣнивое переползанье изо дня въ день тихо остановили машину жизни. Илья Ильичъ скончался, повидимому, безъ боли, безъ мученій, какъ-будто остановились часы, которые забыли завести.

Никто не видалъ послѣднихъ его минутъ, не слыхалъ предсмертнаго стона. Апоплексическій ударъ повторился еще разъ, спустя годъ, и опять миновалъ благополучно: только Илья Ильичъ сталъ блѣденъ, слабъ, мало ѣлъ, мало сталъ выходить въ садикъ, и становился все молчаливѣе и задумчивѣе, иногда даже плакалъ. Онъ предчувствовалъ близкую смерть и боялся ее.

Нѣсколько разъ дѣлалось ему дурно и проходило. Однажды утромъ Агафья Матвѣевна принесла-было ему, по обыкновенію, кофе и — застала его такъ же кротко-покоящимся на одрѣ смерти, какъ на ложѣ сна, только голова немного сдвинулась съ подушки, да рука судорожно прижата была къ сердцу, гдѣ, повидимому, сосредоточилась и остановилась кровь.

Три года вдовѣетъ Агаѳья Матвѣевна: въ это время все измѣнилось на прежній ладъ. Братецъ занимались подрядами, но разорились и поступили, кое-какъ, разными хитростями и поклонами, на прежнее мѣсто секретаря въ

канцеляріи, „гдѣ записываютъ мужиковъ“, и опять ходятъ пѣшкомъ въ должность и приносятъ четвертаки, полтинники и двугривенные, наполняя ими далеко-спрятанный сундучокъ. Хозяйство пошло такое же грубое, простое, но жирное и обильное, какъ въ прежнее время, до Обломова.

Первенствующую роль въ домѣ играла супруга братца, Ирина Пантелѣевна, то-есть она предоставляла себѣ право вставать поздно, пить три раза кофе, перемѣнять три раза платье въ день и наблюдать только одно по хозяйству, чтобъ ея юбки были накрахмалены какъ-можно-крѣпче. Болѣе она ни во что не входила, и Агаѳья Матвѣевна, попрежнему, была живымъ маятникомъ въ домѣ: она смотрѣла за кухней и столомъ, поила весь домъ чаемъ и кофе обшивала всѣхъ, смотрѣла за бѣльемъ, за дѣтьми, за Акулиной и за дворникомъ.

Но отчего же такъ? Вѣдь она госпожа Обломова, помѣщица; она могла бы жить отдѣльно, независимо, ни въ комъ и не въ чемъ не нуждаясь? Что жь могло заставить ее взять на себя обузу чужаго хозяйства, хлопотъ о чужихъ дѣтяхъ, обо всѣхъ этихъ мелочахъ, на которыя женщина обрекаетъ себя или по влеченію любви, по святому долгу семейныхъ узъ, или изъ за куска насущнаго хлѣба? Гдѣ же Захаръ, Анисья, ея слуги по всѣмъ правамъ? Гдѣ, наконецъ, живой залогъ, оставленный ей мужемъ, маленькій Андрюша? Гдѣ ея дѣти отъ прежняго мужа?

Дѣти ея пристроились, то-есть Ванюша кончилъ курсъ наукъ и поступилъ на службу; Машенька вышла замужъ за смотрителя какого-то казеннаго дома, а Андрюшу выпросили на воспитаніе Штольцъ и жена, и считаютъ его членомъ своего семейства. Агаѳья Матвѣевна никогда не равняла и не смѣшивала участи Андрюши съ судьбою первыхъ дѣтей своихъ, хотя въ сердцѣ своемъ, можетъ-быть,

безсознательно, и давала имъ всѣмъ равное мѣсто. Но воспитаніе, образъ жизни, будущую жизнь Андрюши она отдѣляла цѣлой бездной отъ жизни Ванюши и Машеньки.

— Тѣ что? Такія же замарашки, какъ я сама, небрежно говорила она:—они родились въ черномъ тѣлѣ, а этотъ, прибавляла она почти съ уваженіемъ объ Андрюшѣ и съ нѣкоторою, если не робостью, то осторожностью, лаская его:—этотъ—барченокъ! Вонъ онъ какой бѣленькій, точно наливной; какія маленькія ручки и ножки, а волоски, какъ шелкъ. Весь въ покойника!

Поэтому она безпрекословно, даже съ нѣкоторою радостью, согласилась на предложеніе Штольца взять его на воспитаніе, полагая, что тамъ его настоящее мѣсто, а не тутъ, „въ чернотѣ“, съ грязными ея племянниками, дѣтками братца.

Съ полгода, по смерти Обломова, жила она съ Анисьей и Захаромъ въ дому, убиваясь горемъ. Она проторила тропинку къ могилѣ мужа и выплакала всѣ глаза, почти ничего не ѣла, не пила, питалась только чаемъ, и часто по ночамъ не смыкала глазъ и истомилась совсѣмъ. Она никогда никому не жаловалась и, кажется, чѣмъ болѣе отодвигалась отъ минуты разлуки, тѣмъ больше уходила въ себя, въ свою печаль, и замыкалась отъ всѣхъ, даже отъ Анисьи. Никто не зналъ, каково у ней на душѣ.

— А ваша хозяйка все плачетъ по мужѣ, говорилъ кухаркѣ лавочникъ на рынкѣ, у котораго брали въ домъ провизію.

— Все груститъ по мужѣ, говорилъ староста, указывая на нее просвирнѣ въ кладбищенской церкви, куда каждую недѣлю приходила молиться и плакать безутѣшная вдова.

— Все еще убивается! говорили въ домѣ братца.

Однажды, вдругъ къ ней явилось неожиданно нашествіе всего семейства братца, съ дѣтьми, даже съ Тарантьевымъ,

подъ предлогомъ состраданія. Полились пошлыя утѣшенія, совѣты „не губить себя, поберечь для дѣтей“—все, что говорено было ей лѣтъ пятнадцать назадъ, по случаю смерти перваго мужа, и что произвело тогда желанное дѣйствіе, а теперь производило въ ней почему-то тоску и отвращеніе.

Ей стало гораздо легче, когда заговорили о другомъ и объявили ей, что теперь имъ можно опять жить вмѣстѣ, что и ей будетъ легче „среди своихъ горе мыкать“, и имъ хорошо, потому-что никто, какъ она, не умѣетъ держать дома въ порядкѣ.

Она просила срока подумать, потомъ убивалась мѣсяца два еще и, наконецъ, согласилась жить вмѣстѣ. Въ это время Штольцъ взялъ Андрюшу къ себѣ, и она осталась одна.

Вонъ она, въ темномъ платьѣ, въ черномъ шерстяномъ платкѣ на шеѣ, ходитъ изъ комнаты въ кухню, какъ тѣнь, попрежнему отворяетъ и затворяетъ шкапы, шьетъ, гладитъ кружева, но тихо, безъ энергіи, говоритъ будто нéхотя, тихимъ голосомъ, и не попрежнему смотритъ вокругъ безпечно-перебѣгающими съ предмета на предметъ глазами, а съ сосредоточеннымъ выраженіемъ, съ затаившимся внутреннимъ смысломъ въ глазахъ. Мысль эта сѣла невидимо на ея лицо, кажется, въ то мгновеніе, когда она сознательно и долго вглядывалась въ мертвое лицо своего мужа, и съ-тѣхъ-поръ не покидала ея.

Она двигалась по дому, дѣлала руками все, что было нужно, но мысль ея не участвовала тутъ. Надъ трупомъ мужа, съ потерею его, она, кажется, вдругъ уразумѣла свою жизнь и задумалась надъ ея значеніемъ, и эта задумчивость легла навсегда тѣнью на ея лицо. Выплакавъ потомъ живое горе, она сосредоточилась на сознаніи о потерѣ: все прочее умерло для нея, кромѣ маленькаго Андрюши. Толь-

ко когда видѣла она его, въ ней будто пробуждались признаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостнымъ свѣтомъ и потомъ заливались слезами воспоминаній.

Она была чужда всего окружающаго: разсердится ли братецъ за напрасно-истраченный или невыторгованный рубль, за подгорѣлое жаркое, за несвѣжую рыбу, надуется ли невѣстка за мягко-накрахмаленныя юбки, за некрѣпкій и холодный чай, нагрубитъ ли толстая кухарка, Агаѳья Матвѣевна не замѣчаетъ ничего, какъ-будто не о ней рѣчь, не слышитъ даже язвительнаго шопота:—Барыня, помѣщица!

Она на все отвѣчаетъ достоинствомъ своей скорби и покорнымъ молчаніемъ.

Напротивъ, въ святки, въ свѣтлый-день, въ веселые вечера масляницы, когда все ликуетъ, поетъ, ѣстъ и пьетъ въ домѣ, она вдругъ, среди общаго веселья, зальется горячими слезами и спрячется въ свой уголъ.

Потомъ опять сосредоточится и иногда даже смотритъ на братца и на жену его какъ-будто съ гордостью, съ сожалѣніемъ.

Она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтилось въ ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но за-то навсегда осмыслилась и жизнь ея: теперь ужь она знала, зачѣмъ она жила и что жила ненапрасно.

Она такъ полно и много любила: любила Обломова — какъ любовника, какъ мужа и какъ барина; только разсказать никогда она этого, какъ прежде, не могла никому. Да никто и не понялъ бы ее вокругъ. Гдѣ бы она нашла языкъ? Въ лексиконѣ братца, Тарантьева, невѣстки не было такихъ словъ, потому-что не было понятій; только Илья Иль-

ичъ понялъ бы ее, но она ему никогда не высказывала, потому-что не понимала тогда сама и не умѣла.

Съ лѣтами она понимала свое прошедшее все больше и яснѣе и таила все глубже, становилась все молчаливѣе и сосредоточеннѣе. На всю жизнь ея разлились лучи, тихій свѣтъ отъ пролетѣвшихъ, какъ одно мгновеніе, семи лѣтъ, и нѣчего было ей желать больше, нѣкуда идти.

Только когда пріѣзжалъ на зиму Штольцъ изъ деревни, она бѣжала къ нему въ домъ и жадно глядѣла на Андрюшу, съ нѣжной робостью ласкала его и потомъ хотѣла бы сказать что-нибудь Андрею Ивановичу, поблагодарить его, наконецъ, выложить предъ нимъ все, все, что сосредоточилось и жило неисходно въ ея сердцѣ: онъ бы понялъ, да не умѣетъ она, и только бросится къ Ольгѣ, прильнетъ губами къ ея рукамъ и зальется потокомъ такихъ горячихъ слезъ, что и та невольно заплачетъ съ нею, а Андрей, взволнованный, поспѣшно уйдетъ изъ комнаты.

Ихъ всѣхъ связывала одна общая симпатія, одна память о чистой, какъ хрусталь, душѣ покойнаго. Они упрашивали ее ѣхать съ ними въ деревню, жить вмѣстѣ, подлѣ Андрюши—она твердила одно:—Гдѣ родились, жили вѣкъ, тутъ надо и умереть.

Напрасно давалъ ей Штольцъ отчетъ въ управленіи имѣніемъ, присылалъ слѣдующіе ей доходы, все отдавала она назадъ, просила беречь для Андрюши.

— Это его, а не мое, упрямо твердила она:—ему понадобится; онъ баринъ, а я проживу и такъ.

XI.

Однажды, около полудня, шли по деревяннымъ троттуарамъ на Выборгской Сторонѣ два господина; сзади ихъ тихо ѣхала коляска. Одинъ изъ нихъ былъ Штольцъ, другой

—его пріятель, литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ-будто сонными глазами. Они поровнялись съ церковью; обѣдня кончилась и народъ повалилъ на улицу; впереди всѣхъ нищіе. Коллекція ихъ была большая и разнообразная.

— Я бы хотѣлъ знать, откуда нищіе берутся? сказалъ литераторъ, глядя на нищихъ.

— Какъ откуда? Изъ разныхъ щелей и угловъ наползаютъ...

— Я не то спрашиваю, возразилъ литераторъ:—я хотѣлъ бы знать: какъ можно сдѣлаться нищимъ, стать въ это положеніе? Дѣлается ли это внезапно, или постепенно, искренно или фальшиво?..

— Зачѣмъ тебѣ? Не хочешь ли писать Mystéres de Pétersbourg?

— Можетъ-быть... лѣниво зѣвая, проговорилъ литераторъ.

— Да вотъ случай: спроси любого, за рубль серебромъ онъ тебѣ продастъ всю свою исторію, а ты запиши и перепродай съ барышомъ. Вотъ старикъ, типъ нищаго, кажется, самый нормальный. Эй, старикъ! Поди сюда!

Старикъ обернулся на зовъ, снялъ шапку и подошелъ къ нимъ

— Милосердые господа! захрипѣлъ онъ: — Помогите бѣдному, увѣчному въ тридцати сраженіяхъ, престарѣлому воину...

— Захаръ! съ удивленіемъ сказалъ Штольцъ:—Это ты?

Захаръ вдругъ замолчалъ, потомъ, прикрывъ глаза рукой отъ солнца, пристально поглядѣлъ на Штольца.

— Извините, ваше превосходительство, не признаю... ослѣпъ совсѣмъ!

— Забылъ друга своего барина, Штольца, упрекнулъ Штольцъ.

— Ахъ, ахъ, батюшка, Андрей Иванычъ! Господи, слѣпота одолѣла! Батюшка, отецъ родной!

Онъ суетился, ловилъ руку Штольца и, не поймавъ, поцѣловалъ полу его платья.

— Привелъ Господь дожить до этакой радости меня, пса окаяннаго... завопилъ онъ, не то плача, не то смѣясь. Все лицо его какъ-будто прожжено было багровой печатью, отъ лба до подбородка. Носъ былъ, сверхъ того, подернутъ синевой. Голова совсѣмъ лысая; бакенбарды были, попрежнему, большія, но смятыя и перепутанныя, какъ войлокъ, въ каждой точно положено было по комку снѣга. На немъ была ветхая, совсѣмъ полинявшая шинель, у которой не доставало одной полы; обутъ онъ былъ въ старыя стоптанныя галоши на босу-ногу; въ рукахъ держалъ мѣховую, совсѣмъ обтертую шапку.

— Ахъ, ты Господи милосердый! Какую милость сотворилъ мнѣ сегодня для праздника...

— Что ты это въ какомъ положеніи? Отчего? Тебѣ не стыдно? строго спросилъ Штольцъ.

— Ахъ, батюшка, Андрей Иванычъ! Что жь дѣлать? тяжело вздохнувъ, началъ Захаръ:—Чѣмъ питаться? Бывало, когда Анисья была жива, такъ я не шатался, былъ кусокъ и хлѣба, а какъ она померла въ холеру — царство ей небесное — братецъ барынинъ не захотѣли держать меня, звали дармоѣдомъ. Михей Андреичъ Тарантьевъ все наровилъ, какъ пойдешь мимо, сзади ногой ударить: житья не стало! Попрековъ сколько перенесъ. Повѣрите ли, сударь, кусокъ хлѣба въ горло не шелъ. Кабы не барыня, дай Богъ ей здоровье! прибавилъ Захаръ, крестясь: — давно бы сгибъ я на морозѣ. Она одежонку на зиму даетъ и хлѣба сколько хочешь, и на печкѣ уголъ—все, по милости своей давала. Да изъ-за меня и ее стали попрекать, я и ушелъ, куда глаза глядятъ! Вотъ теперь второй годъ мыкаю горе...

— Зачѣмъ на мѣсто не шелъ? спросилъ Штольцъ.

— Гдѣ, батюшка Андрей Иванычъ, нынче мѣсто найдешь? Былъ на двухъ мѣстахъ, да не потрафилъ. Все не то теперь, не попрежнему; хуже стало. Въ лакеи грамотныхъ требуютъ; да и у знатныхъ господъ нѣтъ ужь этого, чтобъ въ передней биткомъ набито было народу. Все по одному, рѣдко гдѣ два лакея. Сапоги сами снимаютъ съ себя: какую-то машинку выдумали! съ сокрушеніемъ продолжалъ Захаръ:—Срамъ, стыдъ, пропадаетъ барство!

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ, опредѣлился-было я къ нѣмцу, къ кушцу, въ передней сидѣть; все шло хорошо, а онъ меня послалъ къ буфету служить: мое ли дѣло? Однажды понесъ посуду, какую-то богемскую, что ли, полы-то гладкіе, скользкіе—чтобъ имъ провалиться! Вдругъ ноги у меня врозь, вся посуда, какъ есть съ подносомъ, и грянулась о земь: ну, и прогнали! Въ другорядь одной старой графинѣ видомъ понравился: "почтенный на взглядъ„ говоритъ, и взяла въ швейцары. Должность хорошая, старинная: сиди только важнѣе на стулѣ, положи ногу на ногу, покачивай, да не отвѣчай съ разу, когда кто придетъ, а сперва зарычи, а потомъ ужъ пропусти, или въ шею вытолкай, какъ понадобится; а хорошимъ гостямъ, извѣстно: булавой наотмашъ, вотъ такъ!—Захаръ сдѣлалъ рукой на отмашъ.—Оно лестно, что говорить!—Да барыня попалась такая неугодливая—Богъ съ ней! Разъ заглянула ко мнѣ въ коморку, увидала клопа, растопалась, раскричалась, словно я выдумалъ клоповъ! Когда безъ клопа хозяйство бываетъ! Въ другой разъ шла мимо меня, почудилось ей, что виномъ отъ меня пахнетъ... такая, право! И отказала.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ пахнетъ, такъ и несетъ! сказалъ Штольцъ.

— Съ горя, батюшка, Андрей Иванычъ, ей-Богу съ го-

ря, засипѣлъ Захаръ, сморщившись горько. — Пробовалъ тоже извощикомъ ѣздить. Нанялся къ хозяину, да ноги ознобилъ: силъ то мало, старъ сталъ! Лошадь попалась злющая; однажды подъ карету бросилась, чуть не изломала меня; въ другой разъ старуху смялъ, въ часть взяли...

— Ну, полно, не бродяжничай и не пьянствуй, приходи ко мнѣ, я тебѣ уголъ дамъ, въ деревню поѣдемъ—слышишь?

— Слышу, батюшка, Андрей Иванычъ, да...

Онъ вздохнулъ.

— Ѣхать-то не охота отсюда, отъ могилки-то! Нашъ-то кормилецъ-то, Илья Ильичъ, завопилъ онъ:—опять помянулъ его сегодня, царство ему небесное! Этакого барина отнялъ Господь! На радость людямъ жилъ, жить бы ему сто лѣтъ... всхлипывалъ и приговаривалъ Захаръ, морщась.—Вотъ, сегодня на могилкѣ у него былъ; какъ въ эту сторону приду, такъ и туда, сяду да и сижу; слезы такъ и текутъ... Этакъ-то иногда задумаюсь, притихнетъ все и почудится, какъ-будто кличетъ: "Захаръ! Захаръ!„ Инда мурашки по спинѣ побѣгутъ! Не нажить такого барина! А васъ-то какъ любилъ—помяни, Господи, его душеньку во царствіи своемъ!

— Ну, приходи на Андрюшу взглянуть: я тебя велю накормить, одѣть, а тамъ какъ хочешь! сказалъ Штольцъ и далъ ему денегъ.

— Приду; какъ не придти взглянуть на Андрея Ильича? Чай великонекъ сталъ! Господи! Радости какой привелъ дождаться Господь! Приду, батюшка, дай Богъ вамъ добраго здоровья и несчетные годы... ворчалъ Захаръ вслѣдъ уѣзжавшей колескѣ.

— Ну, ты слышалъ исторію этого нищаго? сказалъ Штольцъ своему пріятелю.

— А что это за Илья Ильичъ, котораго онъ поминалъ? спросилъ литераторъ.

— Обломовъ: я тебѣ много разъ про него говорилъ.

— Да, помню имя: это твой товарищъ и другъ. Что съ нимъ сталось?

— Погибъ, пропалъ ни за что.

Штольцъ вздохнулъ и задумался.

— А былъ неглупѣе другихъ, душа чиста и ясна, какъ стекло; благороденъ, нѣженъ, и — пропалъ!

— Отчего же? Какая причина?

— Причина... какая причина! Обломовщина! сказалъ Штольцъ.

— Обломовщина! съ недоумѣніемъ повторилъ литераторъ: — Что это такое?

— Сей-часъ разскажу тебѣ: дай собраться съ мыслями и памятью. А ты запиши: можетъ-быть, кому нибудь пригодится.

И онъ разсказалъ ему, то здѣсь написано.

1857 и 1858 гг.

783121